

Вестник Московского государственного университета леса

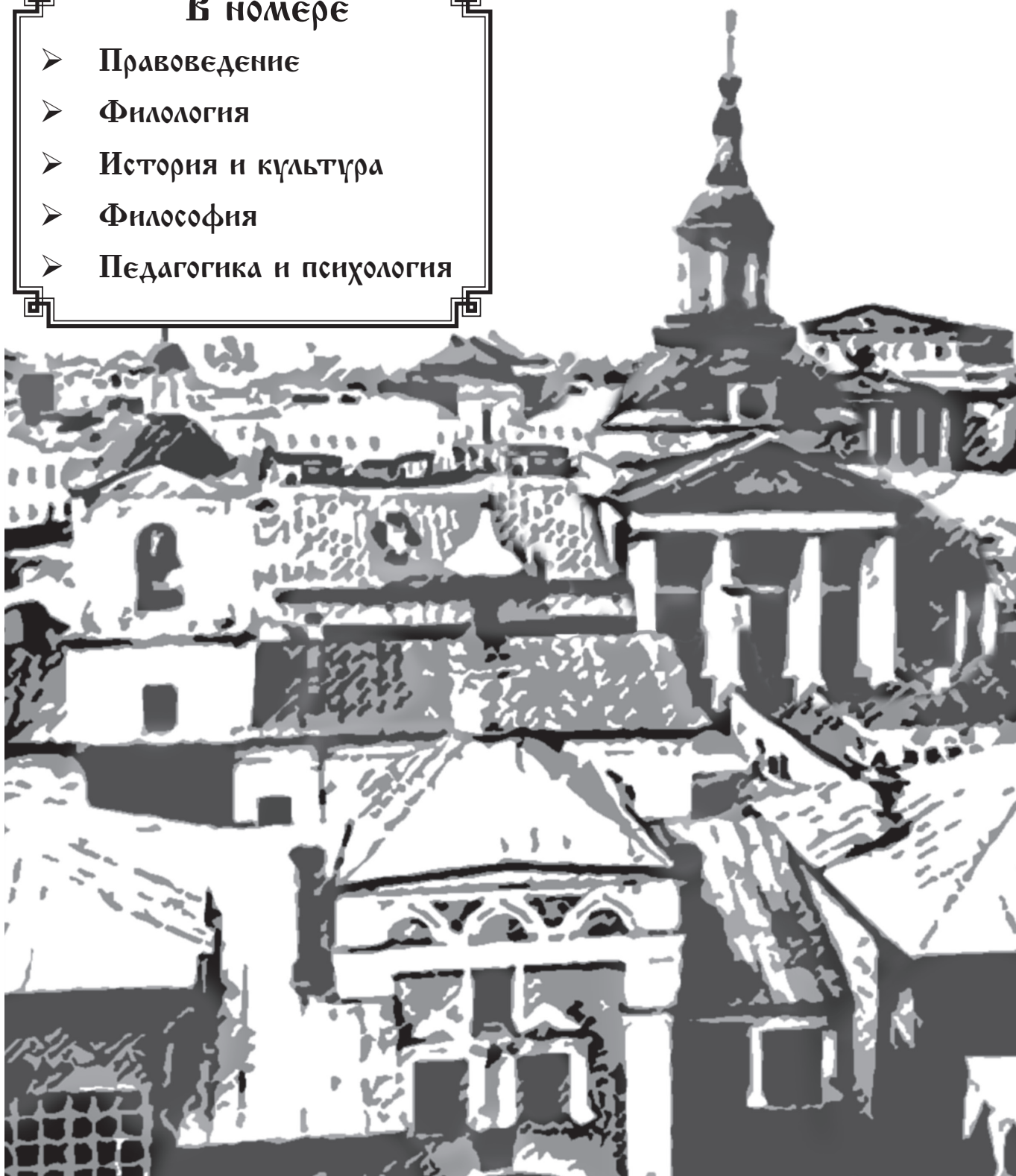
ЛЕСНОЙ ВЕСТНИК

2006 № 7 (49)

Специальный выпуск Гуманитарного факультета

В номере

- Правоведение
- Филология
- История и культура
- Философия
- Педагогика и психология

Издательство Московского государственного университета леса

СОДЕРЖАНИЕ

Правоведение

Майорова Е.И. Соломахо Э.П.	<i>Правовые и педагогические проблемы развития специальности 030500 (Профессиональное обучение) в Московском государственном университете леса</i>	5
Майорова Е.И.	<i>Современное состояние лесного законодательства РФ</i>	7
Сиваков Д.О.	<i>Историко-правовой очерк из прошлого Нидерландов</i>	11
Хроленкова Л.В.	<i>Спорные вопросы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: правовой аспект</i>	20
Смирнова М.А.	<i>Право на информацию и процессуальные проблемы его судебной защиты в РФ</i>	23
Гусев Е.С.	<i>Изменение правового режима водоохранных зон по новому водному законодательству</i>	26

Филология

Жаворонкова Р.Н.	<i>Грамматический аспект перевода слов широкой семантики</i>	29
Маньковская З.В.	<i>Обучение студентов продвинутого уровня неофициальному деловому общению на материале американских художественных фильмов</i>	33
Жердева М.О.	<i>О влиянии этимологического фактора на словообразовательную валентность производящей основы</i>	38
Волоснова Ю.А.	<i>Корпусная лингвистика: проблемы и перспективы</i>	43
Прокофьева Ю.А.	<i>Проблема разграничения научного и наивного знания в языке</i>	50

Психология

Климачева Е.В.	<i>Модели поведения человека в стрессовой ситуации</i>	54
----------------	--	----

История и культурология

Волобаев А.М.	<i>Соло для часов с боем (история одного стихотворения)</i>	57
Матяш Н.И.	<i>Концепция культуры Н.Я. Данилевского</i>	61
Агафонова А.С.	<i>Народное творчество: традиции и новаторство</i>	64
Дурманова Э.А.	<i>Уважение к минувшему</i>	66
Шалдунова Т.Н.	<i>Российский император Павел I – Великий магистр Мальтийского ордена</i>	67

Барков Г.А.	<i>Комитеты спасения родины и революции и антибольшевистское движение в губерниях Черноземного края осенью 1917 – весной 1918 гг.</i>	73
Палеолог М.В.	<i>Формирование идеи «SACRUM IMPERIUM» в Европейской и Российской политологической традиции</i>	78
Касимцева Л.В.	<i>Проблемы глобализации и культуры в современном обществе</i>	86
Философия		
Фалько В.И.	<i>Типы реальности и мировоззрений</i>	92
Красников С.П.	<i>Метафизические предпосылки европейского нигилизма</i>	98
Шестова Т.Л.	<i>Немецкая классическая философия и русская историография (Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.В. Ешевский, С.М. Соловьев)</i>	106
Коломийцев В.Ф.	<i>Классовый подход: забытое понятие в общественных науках?</i>	113
Головко Ю.В.	<i>Есть ли будущее у альтруизма и амитологии?</i>	117
Кирилина Т.Ю.	<i>Проблема исследования ценностных ориентаций в социологии морали</i>	123
Солодилов А.В.	<i>Объективная необходимость военно-патриотического воспитания молодежи Российской Федерации</i>	128
Педагогика и психология		
Королева Н.А.	<i>Гуманитарная культура личности специалиста технического профиля</i>	136
Бахтигулова Л.Б. Петухова И.В.	<i>Ценностная ориентация в системе «Общество – природа» как условие становления экологической компетентности студента технического вуза</i>	139
Конягина Л.Н.	<i>Организация работы по самовоспитанию студентов вуза</i>	141
Крыжановская И.В.	<i>Особенности мотивационной сферы профессионального самоопределения современной молодежи</i>	145
Савкина О.В.	<i>Психология управления временем</i>	147
Гаврилов А.В.	<i>Воспитание межнациональной толерантности в современной России</i>	149

ВВЕДЕНИЕ

Очередной специализированный выпуск журнала «Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник» составлен из статей профессоров и преподавателей гуманитарного факультета, работающих на кафедрах права, философии, педагогики и психологии, мировой и отечественной культуры, русского языка и литературы, иностранных языков и перевода.

Материал распределен по пяти разделам: правоведение, филология, философия, история и культурология, педагогика и психология.

Работы раздела «Правоведение» раскрывают правовые проблемы в разных аспектах: судебная защита в Российской Федерации, современное состояние лесного и водного законодательства, право на информацию, страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

В разделе «Филология» – исследования грамматического аспекта перевода, влияния этимологии на словообразование, проблем и перспектив корпусной лингвистики, разграничения научного и наивного знания в языке; рассмотрены методические вопросы обучения студентов продвинутого уровня деловому общению.

В выпуске журнала освещаются вопросы философии и истории. Исследованы проблемы перенесения принципов немецкой классической философии в русскую историографию, предложена типология реальностей и мировоззрений, прослежена история формирования европейского нигилизма, раскрываются проблемы глобализации в экономике и культуре, а также новый взгляд на исторические процессы в современном обществе.

В разделе «Педагогика» решаются проблемы гуманитарной и экологической культуры личности, определены компоненты теории проблемного обучения, представлена методика самовоспитания студентов, исследованы особенности профессионального самоопределения молодежи.

Разнообразные исследования, проведенные сотрудниками факультета, свидетельствуют о его высоком научном потенциале.

ПРАВОВЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ 030500 (ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ) В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ЛЕСА

Е.И. МАЙОРОВА, *декан гуманитарного факультета, проф., зав. каф. права МГУЛ, д-р юр. наук*,
Э.П. СОЛОМАХО, *проф, зав. каф. педагогики и психологии МГУЛ, канд. пед. наук*

Открытие специальности 030500 – Профессиональное обучение – в Московском государственном университете леса отвечает целям и задачам проводимой в РФ реорганизации народного образования. Прежде всего оно обусловлено дефицитом преподавателей спецдисциплин в средних специальных учебных заведениях: колледжах, лицеях, техникумах. По данным Минобразования РФ, в этих учебных заведениях преподают инженеры, не имеющие педагогического образования.

К тому же Комплексным учебным планом по специальности 030500 предусмотрена подготовка выпускников не только к преподавательской работе, но также к научно-исследовательской, научно-производственной и управленческой деятельности в сфере образования и на производстве в соответствии со специализацией.

С 1996 г. МГУЛ успешно реализует профессиональную образовательную программу по специальности 030500.18 – Профессиональное обучение (экономика и управление). Выпускающая кафедра педагогики и психологии осуществляет психолого-педагогическую подготовку студентов этой специальности.

Государственной инспекцией по аттестации учебных заведений России при Министерстве образования РФ отмечены положительная динамика набора студентов на эту специальность, а также высокий уровень усвоения знаний и сформированности навыков профессиональной деятельности.

Решением УМО по профессионально-педагогическому образованию РФ от 24.05.2004 г. в МГУЛ открыта также специальность 030500.04 – Профессиональное обучение (дизайн) со специализацией 030515.04 – Промышленный дизайн. Выпускающая кафедра мировой и отечественной культуры. Учебно-воспитательный процесс кафедры ориентирован на реальные объекты предсто-

ящей практической деятельности выпускников – профессиональные учебные заведения.

В начале 2004/2005 учебного года в МГУЛ открыта новая специализация по специальности 030500 Профессиональное обучение – *хозяйственно-правовая деятельность* (030500.18). Квалификация обучающегося по ней выпускника – правовед-педагог. Этому специалисту предоставляется широкое поле деятельности. Это и оказание юридических услуг, и участие в опытно-экспериментальной и научно-исследовательской работе, и хозяйственно-правовая деятельность на предприятиях и в организациях различных форм собственности. На реализацию таких серьезных профессиональных задач направлена образовательная программа, разработанная кафедрой. В числе спецдисциплин – административное и хозяйственное право; налоговое и таможенное право; система правоохранительных органов РФ; организация юридических служб; управление персоналом; организация малого бизнеса; налоги и налогообложение.

Выпускники данной специальности призваны работать педагогами в системе подготовки и переподготовки юридических специалистов.

В числе дисциплин психолого-педагогического цикла – общая и профессиональная педагогика; методика профессионального обучения; общая психология и психология профессионального образования; возрастная психология и психофизиология и другие дисциплины. Составной частью образовательного процесса по данной специальности является организация учебных и производственных практик и целевых стажировок студентов в отечественных и зарубежных организациях.

К настоящему времени лицензирована новая специальность – 030500.06 Профессиональное обучение (информатика, вычислительная техника и компьютерные технологии). При разработке образовательной програм-

мы данной специальности нами использован опыт Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. Основные показатели образовательной программы по специальности 030500.06 представлены в таблице.

Т а б л и ц а

Образовательная программа по спец. 030500.06 «Профессиональное обучение (информатика, вычислительная техника и компьютерные технологии)» со сроком обучения 5 лет, квалификацией выпускника «Педагог профессионального обучения»

Дисциплины, часы
общие гуманитарные и социально-экономические – 1600
общие математические и естественнонаучные – 2060
общие профессиональные – 1620
отраслевой подготовки – 3090
специальные – «←»
специализаций – 1510
факультативные (военная подготовка) – 450
Всего – 8820
Общие профессиональные дисциплины
введение в профессионально-педагогическую специальность
возрастная физиология и психофизиология
общая психология
психология профессионального образования
история педагогики и философия образования
общая и профессиональная педагогика
методика воспитательной работы
педагогические технологии
методика профессионального обучения
безопасность жизнедеятельности
прикладная экономика
Дисциплины отраслевой подготовки для 030500.06 или специальных дисциплин для 073700
языки и системы программирования
компьютерные коммуникации и сети
базы данных и управление ими
мультимедиа
педагогические программные средства
Основные образовательные программы при очной форме обучения, недели
теоретическое обучение – 176
практики – 28
квалификационная по рабочей профессии – 8
технологическая – 4
производственная – «←»
педагогическая – 11
преддипломная – 5
итоговая государственная аттестация – 18
Всего – 260

Центральной идеей образовательной программы является участие студентов в выполнении работ, связанных с возможными направлениями их будущей деятельности и с задачами, решаемыми университетом.

Практика работы высшей школы показала, что успешной реализации образовательных программ по всем видам специальностей (и специализаций) способствует прежде всего выбор человеком профиля образования. Проведенный нами анализ уровня профессионального самоопределения абитуриентов МГУЛ, поступающих на специальность 030500 Профессиональное обучение, показал, что намерение приобрести гуманитарную специальность у большинства из них связано в основном с ориентацией на профессию типа «человек–человек» и с непривлекательностью для этой категории поступающих в вуз перспективы работы по профессии типа «человек–техника». Однако для дифференцированной и глубоко обоснованной мотивации выбора специальности этих факторов недостаточно. Для снятия противоречия между необходимостью выбора профессии и неопределенностью представлений о ней целесообразно проводить отбор абитуриентов, который обеспечивается диагностикой их индивидуально-психологических особенностей.

Система работы вуза предоставляет возможность для снятия вышеназванного противоречия. Так, для студентов, обучающихся в МГУЛ по специальности 030500 Профессиональное обучение, образовательной программой предусмотрены практикумы по рабочей профессии, лекции и практические занятия по дисциплине «Введение в профессионально-педагогическую специальность» уже на первом курсе. Последующая профессиональная подготовка будущих специалистов также нацелена на совершенствование их профессионализма. Об этом свидетельствует статистика трудоустройства наших выпускников. Так, все выпускники специальности 030500.18 (экономика и управление) трудоустроены, причем достаточно многие на престижной работе. В каждом из 6 выпусков неработающими являются 2–3 человека (как правило, молодые мамы). Существенно, что

большинство наших выпускников обладают профессиональной мобильностью и конкурентоспособностью: место работы в основном соответствует полученной специальности. Переход с одного места работы на другое связан, как правило, с карьерным ростом или поиском более интересной работы.

Библиографический список

1. Потеев, М.И. Введение в профессионально-педагогическую специальность: учеб. пособие / М.И. Потеев. – СПб.: ГИТМО (ТУ), 1999. – 126.
2. Потеев, М.И. Информационные технологии в образовании: Введение в специальность: учеб. пособие / М.И. Потеев. – СПб.: СПбГУ ИТМО, 2004. – 196 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

Е.И. МАЙОРОВА, *зав. каф. права МГУЛ, д-р юр. наук*

Роль леса в судьбе России трудно переоценить. Поэтому очевидно, что многие проблемы внутреннего развития страны не могут быть решены прагматично и успешно без формирования соответствующей лесной политики. Создание конструктивной, отвечающей всем требованиям сегодняшнего дня национальной лесной политики невозможно без соответствующего законодательства.

У работников лесного хозяйства не вызывает сомнений факт, что лесные отношения регулируются специальным разделом российского законодательства, а именно – лесным законодательством. Однако в теории права вопрос о правомерности выделения такой отрасли представляется спорным.

До принятия Основ земельного законодательства СССР (1968) вопрос о регулировании использования земель лесного фонда определялся лесным законодательством. Основы впервые затронули регулирование использования земель государственного лесного фонда в рамках земельного закона, т.е. положили начало правовому разделению лесных насаждений и земель, на которых эти насаждения произрастают.

Такое разделение вызвало к жизни две противоположные тенденции. Сторонники одной точки зрения, к которой относились Г.Н. Полянская, Л.А. Заславская, Е.И. Немировский, считали, что лесное законодательство призвано регулировать использование леса как неразрывного комплекса лесной растительности и занятой ею земли. Их научные противники – Н.И. Краснов, О.И. Крассов, Р.К. Гусев полагали, что использование земель лесного фонда должно полностью ре-

гулироваться земельным законодательством, а «лесные» законы призваны устанавливать лишь правовой режим растительности.

В 1977 г. были приняты Основы лесного законодательства, представлявшие собой комплексный нормативный акт, поскольку в них наряду с нормами лесного права имелись и нормы права земельного.

О.И. Крассов утверждал, что правовое регулирование земель государственного лесного фонда полностью относится к сфере земельного законодательства, и вносил предложение об издании Положения о землях государственного лесного фонда, в котором нормы Основ лесного законодательства были бы усовершенствованы, дополнены и приведены в единую систему на базе Основ земельного, но не лесного законодательства [1].

Характер этой дискуссии, на первый взгляд чисто теоретический, имел большое практическое значение, поскольку именно ее разрешение определяет в конечном итоге судьбу российского леса.

Возможно, именно под влиянием различных взглядов ученых развитие законодательства о землях лесного фонда пошло по пути регулирования тех земельных отношений в лесном фонде, которые возникают в связи с использованием участков лесного фонда (ст. 9ЛК РФ), т.е. не только древесной растительности, но и земель (например, Положение об аренде участков лесного фонда).

Таким образом, ст. 9ЛК РФ впервые ввела в лесное законодательство понятие «участки лесного фонда». Новация, принятая с благой целью закрепить в правовом регулировании единство использования лесных на-

саждений и земли, на которой они произрастают, во времена рыночных реформ привела к печальным последствиям.

Лесное законодательство находится в совместном ведении РФ и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ). Основой лесного законодательства является Лесной кодекс РФ. В развитие его положений принято более 20 нормативных правовых актов, устанавливающих основные требования в области государственного управления лесным хозяйством. Утверждено более 30 ведомственных актов, регулирующих лесные отношения.

Однако приходится констатировать, что эта отрасль российского законодательства пребывает в крайне неопределенном состоянии.

Демонопользация прав государства на природные ресурсы, такие, как газ, нефть и др., появление узкого круга лиц, владеющих огромной частью природных богатств страны, определенных Конституцией РФ как всенародное достояние, повлекла за собой стремление приватизировать и лесные ресурсы России. Концепция развития лесного хозяйства Российской Федерации на 2003–2010 гг., утвержденная Распоряжением Правительства РФ 18 января 2003 г. № 69-р, предполагает сохранение государственной федеральной собственности на лесной фонд до 2010 г. При этом предусматривается перераспределение полномочий по управлению лесным фондом среди участников лесных отношений, а также сохранение многообразия определенных РФ форм собственности на леса и древесно-кустарниковую растительность, не входящих в лесной фонд. Несмотря на это в 2003 г. в недрах МРЭТ возникла инициатива подготовки нового ЛК РФ, который устанавливал возможность гражданского оборота участков леса, их куплю-продажу.

В отличие от уже приватизированных природных ресурсов лес является одним из основных условий существования россиян. Поэтому, несмотря на инертность и правовой нигилизм большей части российского общества, попытка передать леса в частную собственность вызвала резко негативную реакцию. Ученые отмечали, что проект ЛК, подготовленный юристами МЭРТ, абсолютно

абстрагирован от понятия леса как средообразующего элемента, не учитывает экологическую роль российских лесов и сама подготовка его втайне от научного мира и широких кругов общественности выглядит подозрительно. Кроме того, Конституционный суд Российской Федерации в постановлении от 9 января 1998 г. дал заключение, что «лесной фонд России представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим».

Широкий общественный резонанс похоронил первый проект, но на смену ему пришли новые варианты в количестве, близком к 30. Несмотря на противодействие лесоводов, в этих проектах лес рассматривается как некая совокупность «участков земли, покрытых насаждениями», что противоречит самой сущности леса как единого природного образования с особыми, полезными для человечества свойствами. Отношение к лесу как к земельному участку говорит либо о полном отсутствии у разработчиков проекта знаний в данной области, либо (что кажется более верным) о стремлении законодательно свести леса к особой категории территорий и применять к ним нормы земельного законодательства, которое, как известно, устанавливает право частной собственности на землю физических лиц, в т.ч. иностранных граждан.

Между тем размежевание отраслей земельного и лесного права имеет большое значение. Лесное законодательство регулирует лесные отношения, т.е. распространяется на леса, входящие и не входящие в лесной фонд, и на земли лесного фонда, не покрытые лесной растительностью [2]. С другой стороны, земельное законодательство рассматривает земли лесного фонда как самостоятельную категорию, что создает противоречие между Земельным и Лесным кодексами. До последнего времени не существовало законных механизмов перевода лесных земель в земли иных категорий. Однако в условиях строгой секретности был принят закон РФ от 10 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Лесной кодекс РФ», предусматривающий перевод лесных земель в нелесные.

Такой перевод осуществляется «в случае необходимости обеспечения обороны страны, безопасности государства, нужд сельского хозяйства, энергетики и размещения в установленном порядке объектов здравоохранения, объектов культурного, жилищно-коммунального, социально-бытового назначения и в иных установленных земельным и лесным законодательством Российской Федерации случаях». Порядок перевода участков лесного фонда в нелесные земли для использования их в целях, не связанных с ведением лесного хозяйства, установлен постановлением Правительства РФ от 03.09.2004 г. «Об утверждении Положения о порядке перевода лесных земель в нелесные земли для использования в целях, не связанных с ведением лесного хозяйства и использованием лесным фондом». В соответствии со ст. 11 закона РФ от 21.12.2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» перевод земель лесного фонда или земельных участков в составе таковых в другую категорию допускается:

- 1) если изменение их целевого назначения предусмотрено лесоустроительной документацией или документами территориального планирования и документацией по планировке территории для строительства и эксплуатации объектов здравоохранения, объектов культурно-бытового, жилищно-коммунального, социального назначения, дорог и других линейных объектов;

- 2) в связи с установлением или изменением черты поселений.

В иных, помимо предусмотренных выше случаев, перевод земель лесного фонда в другую категорию допускается только при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы и осуществляется в соответствии с лесоустроительной документацией в связи с:

- 1) невозможностью дальнейшего использования по целевому назначению;

- 2) прекращением нужд лесного хозяйства;

- 3) необходимостью обеспечения обороны страны и безопасности государства, нужд сельского хозяйства, энергетики, добычей полезных ископаемых, содержанием объ-

ектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Эти нормативные акты по сути позволили не только продавать «участки леса» в окрестностях крупных городов, пользующиеся большим спросом для постройки элитных коттеджей, но и положили начало сведению лесов. Не случайно ЗАО «Асфальт», ОАО «МеКона», ООО «Стройконтинеталь», осуществляющие реконструкцию Ярославского шоссе на 20–22 км, с июля по декабрь 2005 г. вырубали и повредили более 300 деревьев на территории Национального парка «Лосиный остров», уничтожили плодородный слой в 58 и 59 кварталах Мытищинского лесопарка. Модифицированное лесное законодательство уже не препятствует подобным действиям в отношении лесов. И только принадлежность погубленных участков леса к особо охраняемым природным территориям дала возможность природоохранной прокуратуре Московской области возбудить уголовное дело по ст. 262 УК РФ – «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий».

До 2004 г. к полномочиям субъектов РФ в области лесного хозяйства и лесопользования относились разработка, утверждение и реализация территориальных программ по охране и использованию лесного фонда. Однако Федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» все полномочия по регулированию лесных отношений были переданы федеральным органам. Заметим, что он внес изменения в 15 природоохранных законов и нанес серьезный вред природоохранному законодательству.

Принятие этого закона вызвало такой шквал протестов (все субъекты РФ, кроме

Брянской области, выступили против него), что 29.12.2004 был принят ФЗ № 199 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований», который отменил лесную часть ФЗ № 122 до ее вступления в действие и внес в действующий ЛК новый набор изменений. Практика применения закона еще не успела сложиться, как в последний день 2005 г. был принят закон РФ от 31.12.2005 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий». Он перераспределил сферы деятельности между федеральным центром и регионами, передав в регионы полномочия по управлению лесным хозяйством, не указав, однако, механизмов передачи этих полномочий.

В законе не был определен перечень функций, которые сохранял за собой федеральный центр, не решен вопрос защищенности государственных лесхозов – базовых звеньев в системе управления лесами; много вопросов и возражений вызвала передача регионам лесоустройства – важнейшего элемента системы управления лесами. Неопределенность многих положений закона, тот факт, что он практически не обсуждался, а также время его принятия – последний предпраздничный день 2005 г. – вызвали скептическое отношение к этому нормативному правовому акту.

Тем временем обсуждение новых вариантов ЛК РФ продолжалось. Второе чтение проекта кодекса намечалось на апрель 2006 г., но оно не состоялось. Зато 27.07.2006 г. Президентом был подписан закон РФ № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам использования земель лесного фонда». Само название закона указывает на то, что в России больше нет лесов – есть земли лесного фонда, наряду с землями промышленности, энергетики, транспорта, связи, сельского хозяйства и т.д., причем, если земли сельско-

хозяйственного назначения имеют приоритет в охране, земли лесного фонда такой защиты лишены.

Закон № 154 вносит существенные изменения в ст.ст. 31, 34, 42, 63., 66 и др. ЛК РФ. Основное направление изменений – легализация на территории лесного фонда деятельности, не связанной с ведением лесного хозяйства и лесопользования и предусматривающей широкомасштабную вырубку растительности. Предоставлять участки лесного фонда в разнообразных целях вменяется в обязанность федеральному органу исполнительной власти в области лесного хозяйства или органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Решение о переводе лесных земель в нелесные является основанием для принятия решения о предоставлении участка лесного фонда в аренду в целях, не связанных с ведением лесного хозяйства и осуществлением лесопользования (ст. 63).

Имеется и небольшая уступка природоохранным интересам – все эти действия осуществляются только при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы. В результате административной реформы 2004 г. произошло перераспределение полномочий по организации и проведению ГЭЭ между федеральными органами исполнительной власти. Министерство природных ресурсов России (МПР) утратило исключительное право на проведение ГЭЭ. Эти полномочия поделены между двумя федеральными службами: Ростехнадзором (находящимся в прямом подчинении председателя правительства РФ) и Росприроднадзором (находится в структуре МПР). Обосновывающая документация по осуществлению хозяйственной деятельности, связанной с воздействием на окружающую среду, должна проходить две экологические экспертизы: в Ростехнадзоре и в Росприроднадзоре, но фактически многие предприниматели имели возможность убедиться: не получишь положительного экспертного заключения в одной комиссии – иди в экспертную комиссию другого ведомства.

За примерами ходить недалеко.

В феврале 2006 г. комиссия экспертов Росприроднадзора выдала отрицательное за-

ключение на проект нефтепровода ВСТО. Но Ростехнадзор разбавил комиссию своими людьми и продлил срок экспертизы. Вскоре «Транснефть» получила разрешение на строительство трубы на расстоянии 800 м от Байкала, который является территорией всемирного наследия ЮНЕСКО [3]. Конечно, в последнюю минуту все «спас» президент, но вряд ли такие PR-акции будут достаточно частыми.

Какими видами деятельности можно будет заниматься на территориях бывших лесов, определяет впервые вводимая в ЛК РФ ст. 80 (ФЗ № 154) прим: «Виды использования участков лесного фонда в целях, не связанных с ведением лесного хозяйства и осуществлением лесопользования». Согласно данной статье участки лесного фонда предоставляются в аренду для геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых, а также связанных с ними строительных работ и работ по эксплуатации объектов обустройства, в том числе линейных объектов; для строительства, реконструкции линий электропередачи, линий связи, трубопроводов и других линейных объектов. Таким образом, корпорации, «сидящие на трубе», обиженные

тем, что их интересы забыли при принятии закона РФ от 10 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Лесной кодекс РФ», получили полное удовлетворение.

Разумеется, новый ЛК РФ будет принят рано или поздно. Возможно, в нем даже – как уступка общественному мнению – будет декларирована государственная собственность на леса. Очевидно, положения нового ЛК законодатель как-то увяжет с законами, рассмотренными выше в данной статье. Безусловно одно – лес как природный объект будет рассматриваться не столько в качестве средозащитного элемента, сколько в качестве источника получения прибыли.

Таким образом, несмотря на обострение экологического кризиса, еще раз подтверждается экономическая ориентация страны на природные ресурсы.

Библиографический список

1. Крассов, О.И. Право лесохозяйственного землепользования / О.И. Крассов // Советское государство и право. – 1980. – № 7. – С. 127–131.
2. Комментарий к Земельному кодексу / Под ред. С.А. Боголюбова. – М.: Проспект, 2001. – С. 386.
3. Вадим Гладышев И вновь зовет труба... – Экология и право, 2(23), июль 2006. – С. 8–10.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК ИЗ ПРОШЛОГО НИДЕРЛАНДОВ

Д.О. СИВАКОВ, *науч. сотр. Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ, канд. юр. наук*

В истории нынешних Люксембурга, Бельгии, Нидерландов, отчасти восточной Франции сыграло большую роль Бургундское промежуточное государство (XIV–XV вв.). Оно возглавлялось герцогами Бургундии из королевского дома Капетингов и простиралось от Швейцарских Альп до Северного моря. Они властвовали над рядом графств и герцогств (Артуа, Эно, Эльзас, Фландрия, Брабант, Голландия, Зеландия, Лимбург, Люксембург, Франш-Конте, графство Бургундия и герцогство Бургундия). Хотя сама Бургундия со столицей в Дижоне экономически уступала нидерландским владениям, фландрские города испытывали поборы феодальной знати и нередко поднимали восста-

ния. Однако поддерживать бургундский дом были призваны Штаты Бургундии из дворян и горожан (с 1463 г.), а казна герцогов была сопоставима с венецианской. Если в жизни Нидерландов (тогда таковыми считали все Бенилюксы) герцоги были объединителями, то во Франции они поддерживали крупных феодалов королевского рода (с «лилиями на гербах»). В 1429 г. был создан орден «Золотого руна», куда вошли 24 представителя знати во главе с герцогом. Стремление Карла Смелого (1467–1477 гг.) стать королем «Великой Лотарингии» и захватить Швейцарию вызвало ширококомасштабные Бургундские войны (1474–77 гг.). Разгром бургундского войска у Нанси и смерть великого герцога (1477 г.) спо-

способствовали разделу этого несостоявшегося королевства между французским королем и австрийскими Габсбургами. После короткого конфликта стороны заключили Арраский договор 1482 г. На условиях автономии во Францию вошли герцогство Бургундия, а также Пикардия и Неверне. Габсбургам достались графство Бургундия, княжества Нидерландов и Франш-Конте.

Они объединили 17 Нидерландских провинций в так называемый «Бургундский округ», что было предусмотрено Прагматической санкцией 1549 г. Непрекращающийся рост городов, ремесел, торговли и кредита, а также развитие мануфактурного производства способствовали превращению Нидерландов в центр международной торговли. Перепись населения 1515 г. выявила, что в городах проживала почти половина населения 17-го Бургундского округа. Нидерланды по праву именовались «страной городов». Сельское хозяйство повышало свою товарность, встречалась аренда предпринимателями сельскохозяйственных земель. В значительной части Нидерландов был распространен эмфитебзис (чинш): крестьяне платили дворянам фиксированную арендную плату, а арендуемый земельный участок можно было выкупить.

Габсбурги управляли Нидерландами через генерального наместника статгальтера (штатгальтера) и через три совета (Государственный, Тайный, Финансов), которые опирались на административный аппарат, преимущественно испанский по национальному составу. С ними нередко фрондировали Генеральные и местные штаты, вотируя налоги и ограничивающие власть монарха. В городах имелись органы местного самоуправления – магистратуры.

Указы Габсбургов и их наместников были «выше всех законов страны», что нарушало уже сложившиеся правоотношения. Игнорирование прав самоуправления стало нормой при испанском короле Филиппе II. Не менее важным был религиозный вопрос, вызванный Реформацией (лютеранство – среди дворян, кальвинизм – среди третьего сословия). Подчиненная короне инквизиция стала вводить «плакаты» против протестантов, но

кальвинистские организации (консистории) развертывали оппозиционную деятельность. Одновременно Габсбурги поощряли паразитизм дворянства и духовенства, сохраняли выгодный лишь для узкой прослойки цеховой строй, запрещали «внегородские профессии».

В 30–50-е гг. XVI в. обстановка обострилась: к голодным бунтам и выступлениям против новых налогов добавлялось еще и протестантское движение. Недовольство проявляло не только третье сословие. В 60-е годы образуются Лига господ, Союз дворян, Лига купцов, требующие от Габсбургов соблюдать старинные права городов и дворян. Наместница Нидерландов Маргарита Пармская заигрывала с дворянской оппозицией, но все первоначальные компромиссы перечеркивались Филиппом II, который делал ставку на репрессии. При этом сама монархия Габсбургов была крупнейшим должником нидерландских купцов, не желающих платить. В 1557 г. Испания объявила банкротство.

Вера, налоги, долги, нарушение самоуправления – все эти болезненные вопросы лишь доказывали, что сложились предпосылки для первой в мире революции, которой суждено было сочетать реформацию и войну за независимость. Но почему же спор с короной за права и привилегии имел столь значительные и неожиданные по тем временам последствия? Нидерландское общество интенсивно перестраивалось на основе вольного найма, а экономически оно было независимо от Испании или Австрии. Кроме того, в Нидерландах уже сложились некоторые элементы гражданского общества. Поддержка же Габсбургами отживающих феодальных порядков еще более усилила сопротивление. В результате на деньги денежных тузов и консисторий готовилось массовое восстание против испанцев.

В августе 1566 г. во Фландрии началось Иконоборческое восстание, охватившее затем 11 провинций. Восставшие горожане ограбили 5 500 церквей, множество монастырей, освобождали из тюрем кальвинистов, уничтожали долговую и налоговую документацию, нападали на дома городского

патрициата. При этом лишь изредка восставшие создавали собственные органы власти и вооруженные формирования. В этих условиях дворянская оппозиция, стремившаяся не допустить социального взрыва, вошла в соглашение с Габсбургами. 23 августа 1566 г. Маргарита Пармская специальным манифестом упразднила инквизицию, обещав усовершенствовать ее деятельность специальным законом, и гарантировала амнистию дворянству за помощь в подавлении восстания. Союз дворян и Лига господ самораспустились, а богатые землевладельцы, сановники и связанные с испанцами богатые горожане начали останавливать, а местами подавлять кальвинистское восстание. В этих условиях богатые купцы-кальвинисты хотели заплатить Филиппу II за введение веротерпимости, но соглашение не было достигнуто. Через год после начала восстания, в августе 1567 г., вступивший в должность новый испанский наместник герцог Альба привел с собой карательную армию.

Альба установил режим жесточайшего политического, религиозного, национального и экономического гнета. Ему уже не нужно было опираться на консервативное дворянство и городскую верхушку, не считался он и с самоуправлением. Был создан Совет по делам о мятежах, прозванный кровавым. Для вынесения приговора было достаточно несколько минут, тысячи были казнены, тысячи изгнаны. Не избежали эшафота и лидеры лиги господ и союза дворян: графы Эгмонт и Горн. Однако Альба не мог пополнить испанскую казну за счет одних конфискаций имущества осужденных. В 1559 г. был введен испанский по своему происхождению налог-алькобала: 1 % взимался с имеющейся движимости или недвижимости, 5 % – с продажи недвижимости, 10 % – с каждой торговой сделки. Введение этого налога активно саботировалось и не дало ожидаемых доходов в казну.

Гнет Альбы вызвал массовую миграцию и партизанскую войну гезов. Бежавшие от репрессий горожане, моряки и рыбаки создали свой флот, парализующий морские коммуникации испанцев. На суше действовали лесные гезы, а из-за границы вторгались от-

ряды дворянской оппозиции. Эти вторжения организовывал богатый землевладелец Нидерландов, первый дворянин Брабанта, барон Бреды, бургграф Антверпена, имеющий владения за рубежом, принц Вильгельм Оранский-Нассау. Бывший католик, а затем лютеранин, Вильгельм в это время стал склоняться в пользу кальвинизма. Принц завязал переговоры с немецкими протестантами и французскими гугенотами. Цели принца заключались в том, чтобы создать на месте Нидерландов собственное княжество. Своих сторонников Вильгельм Оранский вербовал из дворянских кругов и богатых горожан (их именовали оранжистами), но не прочь был использовать и низшие сословия. С 1568 г. этот опытный политический деятель стал выдавать свидетельства о праве ведения морской войны против испанцев, посылать командиров из числа дворян-кальвинистов. Морские гезы были обязаны отдавать на дело дальнейшей борьбы 1/3 захваченного имущества, в результате чего удалось развернуть блокаду испанских владений.

Движение гезов подготовило новый этап революции. 1 апреля 1572 г. морские гезы захватили порт Бриль в Голландии, что дало импульс для массового восстания на севере Нидерландов. На этот раз к горожанам присоединились крестьяне, гезы и кальвинистские консистории добились переизбрания городских органов управления. Летом 1572 г. собрались Штаты Голландии, куда прибыли сторонники восстания не только из крупных, но и из малых городов. Из конфискованного имущества был создан фонд для оплаты военных расходов. В этих условиях Вильгельм Оранский прибыл в Голландию и был признан законным статхаудером, якобы правившим от имени «доброго государя», не знающего о «неправдах» испанцев.

В это время герцог Альба организовал контрнаступление, которое имело весьма скромные успехи из-за нехватки у испанцев денег на ведение войны. Когда же герцог стабилизировал линию фронта с северянами, он был отозван.

Преемник Альбы Рекесенс (1573–1576), вынужденный отменить кровавые советы и алькабалу, провести частичную амнис-

тию, соблюдал льготы городского патрициата, но военные победы испанцев были перечеркнуты нехваткой средств для наемной армии и грабежами наемников. В 1575 г. Испания опять объявила банкротство. После смерти Рекесенса в 1576 г. наемники вышли из-под контроля, разорили Амстердам, причем их вакханалия обеспокоила даже консервативные католические круги. В сентябре 1576 г. в Брюсселе произошел государственный переворот. Заговорщики арестовали членов Государственного совета, а наемники-мародеры были нейтрализованы. Испанская администрация была свергнута.

В октябре 1576 г. в Генте собрались Генеральные штаты, стремившиеся восстановить единство Нидерландов на основе взаимно приемлемого компромисса. Они отменили акты испанских наместников, плакаты против еретиков, разрешили свободу передвижения по стране и т.д. 8 ноября 1576 г. был опубликован текст «Гентского умиротворения». Данный акт был союзом южных и северных провинций на основе веротерпимости, восстановления исконных прав и вольностей провинций. Документ признавал Филиппа II законным государем, но фактическая власть в стране концентрировалась в руках Вильгельма Оранского, сохранившего звание штатгальтера Голландии и Зеландии. Однако позиция Генеральных штатов с их католическим большинством была очень шаткой: в северных провинциях единственной разрешенной конфессией стал кальвинизм, а в южных провинциях – исключительно католичество. Это не устраивало ни католических ортодоксов, ни радикальных кальвинистов.

Поэтому в рамки «Гентского умиротворения» укладывался как союз Голландии и Зеландии (заключенный еще в апреле 1576 г.), так и первая заключенная консервативными кругами Брюссельская уния от января 1577 г. Авторы этого акта требовали от короны вывода испанских войск и восстановления вольностей страны, что было принято новым наместником Хуаном Австрийским. Последний принял «Вечный эдикт» от 12 февраля 1577 г., содержащий признание умиротворения и унии. Казалось бы, умеренное большинство Генеральных штатов смогло наконец дого-

вориться с Габсбургами. Хуан Австрийский, сводный брат Филиппа II, известный морскими победами, стремился создать свое королевство и встать вровень с европейскими государями. Но в Нидерландах ему не доверяли, а оранжисты и вовсе противодействовали. В ответ на это дон Хуан Австрийский разорвал договоренности с Генеральными штатами и открыл против них военные действия (июль 1577 г.), однако его поддержали лишь Намюр и Люксембург. Переворот провалился. Непокорные города восторженно встречали Вильгельма Оранского.

После отступничества дона Хуана по южным провинциям прокатилась волна народных восстаний, приведшая к обновлению городских магистратур: туда стали допускаться кальвинисты. Но старая система выборов, корпоративно-цеховая по своей природе, была сохранена. Именно в это время произошло сплочение рядовых горожан, как католиков, так и протестантов, в рамках патриотической городской милиции, стрелковой гильдии и «комитетов 18-ти». Наметилась тенденция обеспечения веротерпимости среди борцов за независимость Нидерландов.

10 декабря 1577 г. состоялась вторая брюссельская уния, признавшая правителем страны 18-летнего эрцгерцога Матвея, брата императора Священной Римской империи Рудольфа, а главнокомандующим при нем был назначен Вильгельм Оранский, назначенный также руваардом, т.е. «защитником», Брабанта. Смысл этой комбинации заключался в защите автономии Нидерландов от притязаний испанского короля посредством австрийской ветви Габсбургов. Принц Оранский и его сторонники стремились остановить развитие революции, что выразилось в сохранении цеховщины и подавлении крестьянских бунтов. 15 октября 1578 г. Генеральные штаты приняли Закон о религиозном мире, допускающий три конфессии: католицизм, лютеранство и кальвинизм. Прогрессивные положения закона сочетались с реакционными, предусматривающими восстановление низложенных консервативных магистратов, роспуск комитетов 18-ти и т.д.

Это внесло раздор и междоусобицу в складывающееся повстанческое госу-

дарство. После католического переворота в Артуа (1578 г.) началось формирование Аррасской унии (прообраза будущей Бельгии), заключенной 6 января 1579 г. Южные провинции (Артуа, Эно, Лиль и Орши) признали Филиппа II своим законным государем, а тот признал старинные права и вольности провинций. Король создал в Южных Нидерландах вассальное государство во главе со своим зятем Альбрехтом Австрийским и дочерью Изабеллой. Это образование просуществовало как амортизатор более 30 лет (1598–1621 гг.). Заключение Арасского союза создало благоприятные условия для успешного испанского наступления во главе с наместником Александром Фарнезе. На этот раз испанцы сохраняли самоуправление городов и провинций. Войска Генеральных Штатов разваливались под ударами испанцев, и к 1585 г. под власть испанского короля вернулась вся южная половина Нидерландов.

В ответ на это 23 января 1579 г. была принята Утрехтская уния повстанческих провинций, регламентирующая вопросы управления, налогообложения и вооруженных сил, а в 1581 г. Генеральные штаты провозгласили Филиппа II низложенным. Эрцгерцог Матвей, ставший марионеткой в руках Оранского, покинул Брюссель. Дважды суверенами Нидерландов провозглашались иностранцы: герцог Анжуйский (1582–1583 гг.) и граф Лейстер (1585–1587 гг.). Но они оказались ненадежными защитниками, а принц Вильгельм Оранский был убит иезуитами в 1584 г. Лишь после этого вся полнота власти за «отсутствием законного государя» оказалась в руках Генеральных Штатов, а государственный строй стал республиканским. Новый штатгальтер Голландии сын Вильгельма Оранского Мориц Наусский (1585–1625 гг.), опираясь на широкие слои населения и реорганизованные вооруженные силы, смог отразить агрессию врага и даже округлить территорию Республики. В 1609 г. Испания была вынуждена подписать перемирие, а мир был подписан лишь в 1648 г. в рамках Вестфальского мира.

Переход к республике был подготовлен неудачным опытом приглашения загра-

ничных государей. Но были и предпосылки в области правосознания: учение теолога Алтузии о «контракте государя и народа», интересы которого защищаются сословными учреждениями; «тираноборческие» суждения французских гугенотов. Всегда опиравшийся на старинные обычаи Вильгельм Оранский также ссылался на Брабантский закон 1356 г., дающий ему право на восстание. Принц доказывал, что королю надо повиноваться до тех пор, пока он уважает привилегии и свободы. Затем он пошел далее: король и его наместники должны избираться Генеральными штатами. Будучи объявленным испанским королем вне закона, принц ответил ему знаменитой «Апалогией» («Защитой»), переданной Генеральным штатам 13 декабря 1580 г. В тексте «Защиты» Вильгельм Оранский опровергал все обвинения и сам обвинял короля во многих грехах.

В социально-экономической сфере Нидерландская революция означала распродажу имущества короны, католической церкви, происпански настроенных дворян в пользу городской верхушки и, отчасти, богатых крестьян. Интересным парадоксом было то, что практически все средневековые привилегии цеховых корпораций защищались властями Республики еще более рьяно, чем Габсбургами. При всем разнообразии и даже мозаичности социально-экономического развития различных провинций Республики даже в ее самой передовой провинции (Голландии) только 2 тыс. населения обладали активным и пассивным избирательным правом. Так из городской и землевладельческой знати постепенно складывалось сословие регентов, которое будет управлять в течение всего республиканского периода.

Республика Соединенных Провинций была парламентским государством, где Генеральным штатам формально принадлежала вся полнота власти. Именно этот представительный орган издавал общие для всех провинций законы, утверждал высшие должности, контролировал деятельность администрации и судов. В полном составе они собирались 1–2 раза в год, но постоянство деятельности данного органа обеспечивалось коллегией «командированных советников»

(с 1592 г.). В годы революции в Генеральных штатах появилось представительство малых городов и даже крестьян. В Генеральных штатах верховодила верхушка горожан – городской патрициат (богатые купцы, домовладельцы и отчасти цеховые мастера). Их выгодное положение обеспечивалось исключительными правами цехов, корпораций, гильдий, правилами «заповедной мили», не допускающими конкуренцию и т.д. Собственно буржуазные элементы, связанные с вольным наймом как таковым, не были главенствующими и попадали в Генеральные штаты с трудом, в небольших количествах и «обходными путями». В этом смысле политическая власть в Республике Соединенных провинций не принадлежала в полной мере буржуазии, а сама молодая республика имела явные признаки средневековых республик. Поэтому устоявшиеся представления исторической науки о Республике Соединенных Провинций как о первом буржуазном государстве более справедливо отнести к экономической, а не к политической сфере.

Республика Соединенных Провинций была «тесной унией», которая объединяла 7 автономных провинций. Провинции (Хелдер, Голландия, Зеландия, Фризландия и т.д.) имели титулы феодальных владений: графства, герцогства и т.д. Первой по численности, экономическому развитию и поступлениям в общую казну была Голландия. Постепенно голландские стандарты и интересы распространялись по другим провинциям, выходцы из Голландии заняли большое число мест в общегосударственной администрации, произошла «голландизация» Республики Соединенных Провинций, которая неофициально стала именоваться Голландской Республикой. Помимо полноправных провинций существовали союзные (полуавтономные), генералитетские (с меньшей автономией) и прочие категории земель. Интересы данных областей нередко третировались голландским «лобби» из-за возможной конкуренции их городов.

Исполнительная власть в Республике была представлена сформированным Генеральными штатами Государственным советом, отвечающим за финансы, Воен-

ным советом, Адмиралтейством, а также палатами Посланий, Налогов, Монетной, Счетной. Данные органы имели и судебные полномочия в рамках своей компетенции, важную роль играли суды провинций. Суд по отдельным категориям дел вершили также города, военные трибуналы, кальвинистская церковь. В целом судебная система была мозаичной, корпоративной, сословной и коррумпированной. В Республике не было единого судебного органа, а правовая кодификация затянулась.

Длительное время в Нидерландах отсутствовала единая правовая система (существовало голландское, фризское право и т.д.). В Республике достигла расцвета так называемая Римско-голландская правовая семья. Для данной системы права характерна рецепция римского права при сочетании последней с «добрыми» обычаями торговых портов и нормами средневекового права германских государств. В развитии этой системы решающая роль принадлежала не самим законам, а тщательно собиравшимся и постоянно публиковавшимся судебным решениям. Большое значение имели и труды голландских юристов (Гуго Гроция и др.), в которых подробно излагались общие принципы и отдельные институты права и вместе с тем комментировались Свод законов Юстиниана, другие собрания законов, а также судебная практика местных судов. В течение двух веков, предшествовавших Великой французской революции, голландские университеты занимали ведущие позиции среди различных правовых школ Европы того времени.

Единая налоговая система только складывалась, унифицированной системы сбора налогов не существовало, злоупотребления в этой области были особенно велики. Утрехтская уния ввела сбор общих средств для покрытия расходов повстанческого государства, но затем в 1590 г. его заменил генералитетский сбор-взнос провинций в общую казну. В XVII в. Республика была страной с самыми высокими налогами.

«Сильной стороной» Республики были вооруженные силы. Утрехтская уния ввела всеобщую воинскую обязанность, офицерский корпус состоял из наемников, солда-

там аккуратно платили жалование, но строго запрещали грабеж. Однако руководству вооруженными силами нередко вредило двойное подчинение всему государству и провинциям, содержащим часть войск.

Генеральные Штаты возглавлялись «великим пансионарием» Голландии, направляющим работу высшего представительного органа и отвечающим за внешнюю политику государства. Аристократический род Оранских-Нассау составлял тот круг лиц, из которых избирались штатгальтеры Голландии и Зеландии, они же возглавляли Государственный Совет, были генерал-капитанами армии и флота, занимали посты в провинциях. Позже, не обладая четкими границами прав, штатгальтеры все-таки добились превращения своей должности в наследственный пост (1748 г.) и были вправе иметь Личный совет. Борьба между пансионариями и штатгальтерами шла с переменным успехом: временами устанавливалось «бесстатхаудерное» правление, а иногда пансионариев просто убивали.

Итак, в плане государственного устройства Республика Соединенных Провинций представляла собой «эластичную» федерацию, даже с элементами конфедерации. С точки зрения формы правления статхаудерят (штатхаудерят) представлял собой аристократический, а затем и монархический элемент управления, что вступало в конфликт с правами и интересами представительных органов. Все эти противоречия доказывали известную «незрелость» Республики, незавершенность процессов формирования государства. Важную роль в укреплении единства всех провинций играл сам дом Оранских, долгое время выступавший за присоединение Южных Нидерландов. Этому мешали влиятельные круги голландских городов, опасавшиеся конкуренции некогда процветающих бельгийских городов. Однако в целом Республика была более стойким и прогрессивным образованием, чем Швейцарская конфедерация, с которой нередко сравнивались Нидерланды.

Важными достоинствами Республики были ее светский характер, относительная веротерпимость. Кальвинизм создал респуб-

лику в Нидерландах, но даже в 1672 г. только 1/3 населения была кальвинистской. Решения Синода кальвинистской церкви 1578 г. согласовывались с Вильгельмом Оранским.

Со школьной скамьи мы знаем, что первая в мире буржуазная революция – Нидерландская; первое в мире буржуазное государство – Республика Соединенных Провинций. При этом умалчивались обстоятельства последующей истории: развитие буржуазных отношений блокировалось средневековыми привилегиями цехов и гильдий, в сохранении которых были заинтересованы городская верхушка и сословие регентов. Правящие круги, хотя порой и способствовали развитию предприятий капиталистического типа, не имели основным источником доходов труд наемных работников. В свою очередь, молодая кальвинистская буржуазия, борясь против средневековых порядков, больших успехов не добилась.

В конце XVII в. наступает экономический застой страны, вызванный ограниченностью ресурсов Республики и специфическими приоритетами инвестиций. Самое состоятельное сословие регентов предпочитало вкладывать основные средства не в промышленность, а в транспорт, гидротехнические сооружения, банковское дело, колониальные экспедиции. В этих сферах голландцы имели ощутимые успехи, но экономика страны оказалась непрочной. По этой причине уже в конце XVIII – начале XIX вв. Северные Нидерланды отставали от Англии во внедрении фабрик. Это совпало с чередой неудачных для Республики англо-голландских войн.

Умалчивали и о «батавской» революции конца XVIII в. К этому времени городская олигархия и дом Оранских еще более сблизились и стали еще более консервативными. Они держались за цеха и гильдии, сохраняли неполноправное положение подмастерьев и учеников, всячески тормозили развитие капитализма. Главный источник дохода правящие круги видели в кредитовании иностранных государств: от молодых США до Российской империи. Но главным должником Республики Соединенных Провинций была ее главная торговая и колониальная соперница – Англия. Выросшие на голландских дрожжах, анг-

лийская промышленность и флот обеспечили британское первенство.

С 1780 г. в очередной войне Республика терпит поражение за поражением от англичан. Морская блокада прервала торговлю страны, рядовые голландцы стали голодать. Широкие слои населения, включая промышленную буржуазию, обвиняли правящие круги регентов во главе со статхаудером Вильгельмом V в предательстве и неготовности к войне. Развернула пропаганду партия «патриотов» или «батавов» (Капеллен, Фенье, Фреде), придерживающихся идеалов Просвещения. В своих воззваниях и памфлетах («К народу Нидерландов», «Обязательство») оппозиционеры требовали ограничить власть статхаудера, допустить к управлению граждан, не относящихся к сословию регентов, наладить контроль за управлением, обеспечить свободу слова и собраний, стимулировать отечественную экономику. После пропаганды «патриоты» перешли к делу: стали вооружаться, формировать городскую милицию. Толпы горожан окружали ратуши и принуждали городские власти лишиться статхаудера полномочий командовать столичным гарнизоном. Голландия и ряд других провинций отрешила Вильгельма V от статхаудериата и военного командования. Вооруженные силы перешли под контроль парламентской комиссии, государственная символика дома Оранских была отменена (1785 г.). Городские магистраты стали переизбираться на основе всеобщего избирательного права. Многие регенты сопротивлялись демократическим реформам, и в 1786 г. оранжисты вернули статхаудеру север страны. В 1787 г. 26-тысячная прусская армия выступила на стороне оранжистов и сломила сопротивление народной милиции. Но в 90-е годы в ходе революционных войн Франции «патриоты» вернулись.

Французы и патриоты отменили все средневековые порядки, пресловутую цеховщину и автономию провинций. Сословие регентов потеряло власть, остатки зависимости крестьян и привилегии дворян упразднились навсегда, протестантская церковь отделялась от государства. Голландия стала «дочерней республикой» Франции и получила название

Батавской (в честь древних жителей Голландии). Республика заключила мир и союз с Францией и оказалась политически зависимой от французов.

Согласно Конституции 1798 г. в Республике вводилось централизованное управление на «французский манер», было утверждено единое законодательство, судопроизводство и финансы. Именно в этот период было упразднено римско-голландское право, однако оно долгое время продолжало применяться в бывших голландских колониях в Азии и Африке (ныне республики Зимбабве, Шри-Ланка, Гайана и др.) и по-прежнему служит формальной основой правовой системы ЮАР.

В 1806 г. вместо Батавской республики образуется Голландское королевство во главе с Луи Бонапартом (до 1810 г.). Ревнивое следование последнего голландским интересам толкнуло Наполеона упразднить голландскую государственность и ввести прямое правление из Парижа с разделом исторических провинций на девять департаментов. В результате на территории Нидерландов было официально введено французское законодательство.

Основным и необратимым итогом французского владычества оказалась отмена феодальных прав и привилегий, а также автономии провинций. Это дало возможность создать единое унитарное государство – Нидерландское королевство. После разгрома Наполеона созданное в Голландии Временное правительство призвало из эмиграции сына последнего статхаудера, ставшего королем Виллемом I (1814–40 гг.).

Была принята Временная Конституция Голландии 1814 г., согласно которой король, возглавлявший исполнительную власть, разделял законодательную с Генеральными Штатами. Равенство всех перед законом и судом, свобода совести, ежегодное вотирование налогов и несменяемость судебных чинов призваны были обеспечить либеральность режима. Однако Конституцию пришлось править, так как по решению Венского конгресса Северные и Южные Нидерланды и Люксембург были объединены в единое Нидерландское королевство. Итак, прежний дом Оранских – Нассау наконец добился для себя

трона и контроля над югом Нидерландов. Это стало возможным только в связи с желанием держав-победительниц создать буферное государство на пути возможной французской агрессии. Реальной силой в Европе свежеспеченное королевство могло стать лишь после возвращения колоний, которое затянулось на 10 лет.

Разработанная с участием представителей разных частей страны Конституция 1815 г. предусматривала назначение королем верхней палаты и избрание нижней палаты путем непрямых выборов. Избирательный ценз допускал до выборов меньшую часть населения страны, но число избирателей было одним из самых многочисленных в тогдашней Европе. Права у нового парламента были небольшими: депутаты не могли вносить правки в законопроект (но могли отвергать его), не могли формировать и контролировать правительство и колониальную администрацию. Все это являлось прерогативой короля. Генеральные штаты вотировали ежегодную часть бюджета и десятилетнюю часть бюджета, расходование которой практически не контролировалось депутатским корпусом. Несменяемость судей была обещана в будущем, а суд присяжных не упоминался. Таким образом, Конституция 1815 г. даже в сравнении с Конституцией 1814 г. отражала некоторый сдвиг вправо и закрепила политический консерватизм на несколько лет вперед. В сущности, основной закон предусматривал не парламентскую, а дуалистическую монархию.

Отделение Бельгии в результате Сент-ябрьской революции 1830 г. и давление Либеральной партии ослабили положение консервативных кругов. В 1840 г. Генеральные штаты отказались вотировать бюджет, в ответ на что Виллем I отрекся от престола. В правление нового короля Виллема II (1840–49 гг.) развернулась ожесточенная борьба за новую конституцию. Назревал переход к парламентской монархии. В «безумный» 1848 г. под давлением массовых выступлений была принята новая конституция и назначено либеральное правительство. Конституция 1848 г. ознаменовала «сдвиг влево»: ответственность правительства перед парламентом, ежегодное

утверждение парламентом бюджета, передача парламенту законодательной инициативы, при неприкосновенности короля – подсудность министров. Предусматривалась также выборность верхней палаты, члены которой ранее назначались. В правительстве не было поста премьера. Министры вели заседания по очереди, каждый – через месяц. Однако расширение полномочий парламента сочеталось с сокращением круга избирателей примерно до 3 % населения. Подобный политический режим по ряду показателей был сопоставим с Июльской монархией.

«Творцом» конституции был вождь либералов Йохан Рудольф Торбике, бывший реальным главой двух кабинетов. Последующая политическая борьба (в частности, по вопросу о снижении ценза) происходит уже в русле парламентской монархии.

Современная правовая система Нидерландов формировалась весь XIX в. После краха империи Наполеона и провозглашения самостоятельного Королевства Нидерландов (1814 г.) гражданский и другие французские кодексы были оставлены в силе, но «временно», до издания собственно нидерландских законодательных актов. Такая реформа осуществилась в 1838 г., когда были приняты Гражданский и Торговый кодексы, Закон об организации судов и Гражданский процессуальный кодекс, и завершилась в 1866 г. вступлением в силу нового уголовного законодательства. На базе этих кодексов и продолжалось дальнейшее развитие правовой системы Нидерландов.

Библиографический список

1. История Европы: т. 3 От средневековья к новому времени. – М.: Наука, 1993, С. 58–68, 187–196, 364–382;
2. История Европы: т. 5 От Французской революции конца XVIII в. до первой мировой войны. – М.: Наука, 2000. – С. 127–129, 239–243.
3. Решетников, Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник / Ф.М. Решетников. – М.: Юридическая литература, 1993. – С. 130–137.
4. Испанские короли / Под ред. В.Л. Бернекера и др., Серия «Исторические силуэты». – Ростов на Дону: Феникс, 1998. – С. 85–112.
5. Разин, Е.А. История военного искусства: т. 3. / Е.А. Разин. – СПб.: Омега-Полигон, 1994. – С. 354–378.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Л.В. ХРОЛЕНКОВА, *ст. преподаватель кафедры права МГУЛ*

В последнее время возникает все больше спорных вопросов по поводу выплат за страховые случаи между страховыми компаниями и застрахованными лицами. Для урегулирования спора сторонам приходится обращаться с исками в суд. Судебная практика по таким прецедентам содержит противоположные решения. В литературе по этим вопросам имеются разные точки зрения юристов-теоретиков.

Страховщики отказывают в страховой выплате в тех случаях, когда гражданин в полисе обязательного страхования гражданской ответственности в качестве застрахованного лица не указан. Страховые компании считают, что страховой случай по данному факту не наступил, ссылаясь на п. 2 ст. 931 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку в договоре страхования должны быть отмечены все лица, чья ответственность застрахована.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности» (далее Закон) под страховым случаем понимается наступление гражданской ответственности страхователя, иных лиц, риск ответственности которых застрахован по договору обязательного страхования, например, за причинение вреда имуществу потерпевших при использовании транспортного средства, что влечет за собой обязанность страховщика произвести страховую выплату.

Статья 16 ФЗ предусматривает право граждан заключать договоры обязательного страхования. Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств – это договор страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью

или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы) с учетом ограниченного использования принадлежащих им транспортных средств. В соответствии с п. 2 ст. 15 Закона считается застрахованным риск гражданской ответственности самого страхователя, иного названного в договоре владельца транспортного средства, а также других лиц, использующих транспортное средство на законном основании.

При осуществлении обязательного страхования с учетом ограниченного использования транспортного средства в страховом полисе указываются водители, допущенные к управлению транспортным средством, в т.ч. на основании соответствующей доверенности.

Закон предусматривает два условия, на которых может быть заключен договор обязательного страхования:

1. Страхование ответственности без ограничения использования транспортного средства другими водителями.

2. Страхование ответственности с ограничением использования транспортного средства другими водителями.

Следовательно, в первом случае выплата по полису обязательного страхования гражданской ответственности производится в независимости от того, кто управлял транспортным средством. Закон прямо устанавливает обязанность страховщика выплатить страховое возмещение выгодоприобретателю.

В соответствии со ст. 14 Закона страховщик имеет право регрессного требования (т.е. лицо, ответственное за причиненный вред, должно возместить потерпевшему суммы в полном объеме страховых выплат) к лицу, причинившему вред при использовании транспортного средства в размере произведенной страховщиком страховой выплаты.

По договору обязательного страхования гражданской ответственности законодатель считает застрахованной ответственность всех без исключения законных владельцев транспортного средства, как указанных, так и не указанных в полисе обязательного страхования.

Таким образом, мы столкнулись с коллизией, заключающейся в несоответствии норм двух федеральных законов: Гражданского кодекса и ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности».

С другой стороны, в соответствии с п. 2 ст. 931 ГК РФ лицо, риск ответственности которого за причинение вреда застрахован, должно быть названо в договоре страхования. Если это лицо в договоре не названо, считается застрахованным риск ответственности самого страхователя.

В соответствии с п. 2 ст. 15 ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности» по договору обязательного страхования является застрахованным риск гражданской ответственности самого страхователя, иного названного в договоре владельца транспортного средства, а также других владельцев, использующих транспортное средство на законном основании. Если толковать положения закона формально, то можно признать, что позиция специалистов, считающих застрахованной лишь ответственность прямо указанных в полисе обязательного страхования гражданской ответственности лиц, имеет под собой определенные основания.

На основании п. 2 ст. 3 ГК РФ, нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать Гражданскому кодексу РФ. Однако в науке гражданского права достаточно популярна теория, согласно которой условиями гражданско-правового договора следует считать не только те определения, которые непосредственно включены в его текст, но и нормы закона, регулирующие договорные отношения. Обычно в договорах стороны даже не формулируют некоторые правила, исходя из того, что они уже закреплены в законе. То есть стороны в сделке обязательного страхования гражданской ответственности, вступая в договорные отношения, руководствуются п. 2 ст. 15 ФЗ

«Об обязательном страховании гражданской ответственности», согласно которому будет застрахована ответственность всех законных владельцев указанного в полисе автотранспортного средства.

Но если признать не имеющей юридической силы норму п. 2 ст. 15 Закона в части распространения страховой защиты на законных владельцев, не включенных в страховой полис, будет подорвана вся система обязательного страхования. Тогда значительное число потерпевших лишится возможности получить страховую защиту, учитывая широко распространенную практику отчуждения автомашин путем выдачи генеральной доверенности, передачу управления автотранспортным средством родным и близким, нанятым водителям или другим лицам.

По мнению некоторых юристов, кажется лишней норма абзаца 6 ст. 14 Закона, предусматривающая возникновение у страховщика права регресса, когда страховой случай наступил по вине лица, не указанного в полисе как допущенного к управлению автомобилем (при заключении договора с условием использования транспорта только указанными в договоре лицами). Однако в законе лишних положений быть не может.

В соответствии со ст. 1068 ГК РФ работодатель несет ответственность за причинение вреда его работниками. Тогда предположим, что в качестве страхователя выступало юридическое лицо, допустившее к управлению автомобилем водителя, не указанного в договоре обязательного страхования. Страховой случай в такой ситуации имел бы место. В законе не может быть положения, в силу которого два участника одинаковых происшествий оказываются в разных юридических ситуациях с разными правовыми последствиями.

Согласно существующему в праве принципу эквивалентности предполагается получение страховщиком страховой премии, достаточной для покрытия возможных страховых выплат. Вследствие передачи управления транспортным средством другому лицу риск наступления страхового случая увеличивается. На момент осуществления страховой компанией страховой выплаты имеет место

нарушение первоначального баланса интересов сторон сделки. Право регресса, которое возникает в такой ситуации у страховщика, не просто позволяет восстановить первоначальный баланс интересов участников сделки, но и возмещает все расходы страховщика на выплату страховой премии. Кроме того, страховщик должен был быть уведомлен об увеличении числа лиц, допущенных к управлению автомобилем до наступления страхового случая.

Следует сделать вывод, что в системе обязательного страхования федеральное законодательство применило значительно более эффективный метод защиты интересов страховщика. Более того, в ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности» не установлено никаких правовых последствий для страхователя, не исполнившего эту предусмотренную законом обязанность.

Некоторое время спорным оставался вопрос о несогласованности статьи 10 (Срок действия договора обязательного страхования) ФЗ «Об обязательном страховании автогражданской ответственности» и статьи 12.37 (Несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств) Кодекса об административных правонарушениях РФ. В соответствии со статьей 425 (Действие договора) Гражданского кодекса РФ существует такое понятие, как «срок действия договора», и этот срок при заключении договора может быть разным.

В КоАП РФ нет определения понятия «срок действия договора», поэтому в ситуации, когда речь идет об определении действия договора о страховании, логично применять ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности», определяющий срок действия договора как один год плюс тридцать дней.

Неясность в этом вопросе приводила к тому, что сотрудники ГИБДД немедленно подвергали штрафу владельцев «просроченного» полиса обязательного страхования автогражданской ответственности.

В июне 2006 г. Верховным судом РФ было принято решение о том, что водители, управляющие транспортным средством в те-

чение тридцати дней после истечения срока действия страхования, не могут быть привлечены к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.37 КоАП РФ (Несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств).

С 1 октября 2006 г. вступили в силу изменения в Правила обязательного страхования автогражданской ответственности в соответствии с постановлением Правительства № 525 от 28 августа 2006 г.

Внесены изменения в сроки и состав документов, представляемых застрахованным водителем и потерпевшим. Срок на представление извещения о дорожно-транспортном происшествии продлен с пяти до пятнадцати рабочих дней.

Еще одна новелла Правил определяет, что при дорожно-транспортном происшествии вследствие несоблюдения дистанции или аварии в жилой зоне, где действия водителей не являются административным правонарушением, достаточно справки о дорожно-транспортном происшествии. Эти поправки официально упрощают ситуацию для пострадавших в мелких авариях.

Ранее право первого осмотра поврежденного имущества было предоставлено страховщику. Сейчас Правила допускают учет результатов экспертизы, проведенной потерпевшим по всем правилам. Это актуально для аварий вне места регистрации транспортного средства. Если потерпевший самостоятельно организовал независимую экспертизу, страховщик использует ее результаты для принятия решения об осуществлении страховой выплаты. Заключение экспертизы или акт осмотра становятся неотъемлемой частью акта о страховом случае. Этот акт при сомнении в обоснованности размера страховой выплаты страховщик обязан предоставить по первому требованию пострадавшего.

Смягчаются последствия неисполнения страхователями транспортного средства обязанности при переходе к другому страховщику представить страховую историю по своему автотранспортному средству. Ранее было четко указано, что действие договора обязательного страхования автогражданс-

кой ответственности прекращается в случае «предоставления страхователем страховщику ложных или неполных данных..., имеющих существенное значение для определения степени страхового риска». Сейчас это лишь позволит страховщику досрочно прекратить действие договора, что не скажется на обязанности страховщика осуществить выплаты по страховым случаям до даты расторжения договора.

В правила обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств внесена поправка, согласно которой вред, причиненный имуществу лица, ответственного за причиненный вред, не возмещается. То есть при дорожно-транспортном происшествии с участием двух машин, оба водителя которых признаны виновными (обоюдная авария), страховые компании могут расценить новую норму как предлог для отказа в выплатах обоим водителям.

Раньше при утрате страхового полиса страховщики бесплатно выдавали дубликат этих документов только один раз. Сейчас в подобных случаях страховщики должны будут выдавать бланки и спецзнаки бесплатно по первому требованию страховщика неограниченное количество раз.

Правилами внесено существенное изменение, касающееся вопроса передачи права собственности на автомобиль. Ранее договор автострахования гражданской ответственности подлежал досрочному расторжению, часть неиспользованной страховой премии возвращалась страховщику, а новый собственник транспортного средства должен был заключить новый договор автострахования гражданской ответственности уже от своего имени. С внесением изменений в Правила прежний собственник имеет право не расторгать договор, а передать полис обязательного

страхования автогражданской ответственности и все документы (договор страхования, бланки) новому собственнику.

Однако в полисе указан прежний собственник автотранспортного средства и прежний государственный номер, что может создать проблемы с получением возмещения у страховщика по этому полису, а также у водителей с доказыванием инспектору ГИБДД действительности полиса.

По решению Правительства РФ, в случае, если водитель совершил дорожно-транспортное происшествие с летальным исходом, помимо уголовной ответственности ему вменяется в полном объеме возмещать расходы на ритуальные услуги. Если раньше эта обязанность лежала полностью на юридическом лице, которое страховало виновника аварии, то теперь этот вид материальной ответственности ложится полностью на то физическое лицо, которое виновато в дорожно-транспортном происшествии.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изменениями от 21 марта 2005 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301, СЗ РФ. 1996. № 5 ст. 410.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Ч. 1. / под ред. проф. Т.Е. Абовой и А.Ю. Кабалкина. – М.: Юрайт-Издат, 2004.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (постатейный) / под ред. О.Н. Садикова – М.: Юридическая фирма Контракт; Инфра-М, 1998.
4. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. 2002. № 18. ст. 1720.
5. Постановление Правительства РФ от 28 августа 2006 г. № 525 «Об утверждении Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. 2003. № 20. ст. 1897 (вступило в силу с 1 октября 2006 г.).

ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В РФ

М.А. СМЕРНОВА, ассистент каф. права МГУЛ

Российская Федерация с принятием в 1993 г. Конституции РФ была провозглашена демократическим правовым государством. Это

означает, что права и свободы человека и гражданина обладают приоритетом перед иными объектами правового регулирования.

Одним из наиболее важных, но в то же время наиболее невостребованных прав личности следует назвать право на информацию. Это связано прежде всего с отсутствием должной правовой культуры, процветанием правового нигилизма и бюрократии в российском обществе. Лишь в последнее время наблюдается актуализация проблемы предоставления и получения информации.

Правовые отношения в сфере использования информации регулируются нормами, содержащимися в Конституции РФ, Законе РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Трудовом кодексе РФ, Законе РФ «Об архивном деле в Российской Федерации», Законе РФ «О коммерческой тайне» и некоторых других нормативно-правовых актах.

Все правоотношения, возникающие при реализации личностью своего права на информацию, можно разделить на две большие группы: правоотношения по поводу использования общедоступной информации и правоотношения по поводу использования информации с ограниченным доступом.

Четкий объем категории «общедоступная информация» законом не определен. Однако исходя из положений Закона РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закона) можно говорить о примерных границах данного понятия. Общедоступной является любая информация, не отнесенная к категории ограниченного доступа. Согласно норме, закрепленной в п.3 ст.10 указанного Закона, не может быть отнесена к информации с ограниченным доступом следующая:

- содержащаяся в законодательных и других нормативных актах, устанавливающих правовой статус органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, а также права, свободы и обязанности граждан, порядок их реализации;

- о чрезвычайных ситуациях, экологическая, метеорологическая, демографическая, санитарно-эпидемиологическая и другая информация, необходимая для обеспечения безопасного функционирования населенных пунктов, производственных объ-

ектов, безопасности граждан и населения в целом;

- о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, об использовании бюджетных средств и других государственных и местных ресурсов, о состоянии экономики и потребностях населения, за исключением сведений, отнесенных к государственной тайне;

- накапливаемая в открытых фондах библиотек и архивов, информационных системах органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, организаций, представляющая общественный интерес или необходимая для реализации прав, свобод и обязанностей граждан.

Следовательно, информацию, попадающую под соответствующие пункты Закона, можно однозначно считать общедоступной.

Также в бесспорном порядке гражданину должна предоставляться информация, касающаяся его увольнения (ст. 62 Трудового кодекса РФ).

Понятие информации с ограниченным доступом содержится в целом ряде нормативно-правовых актов. Таковая подразделяется на конфиденциальную и информацию, содержащую сведения, относящиеся к государственной тайне.

Правовой статус последней в целом регламентирован Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (с последующими изменениями и дополнениями).

В области защиты и предоставления информации конфиденциального характера важными являются положения, закрепляемые ФЗ РФ № 98-ФЗ от 29 июля 2004 г. «О коммерческой тайне» и Постановлением Правительства РФ от 5 декабря 1991 года № 35 (в редакции Постановления Правительства РФ от 3 октября 2002 года № 731) «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну».

Общий массив конфиденциальной информации можно разделить на несколько категорий в соответствии с ее правовым статусом [7].

Персональные данные представляют собой сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. Однако не являются конфиденциальными сведения, подлежащие распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях.

Тайна следствия и судопроизводства включает информацию об оперативно-розыскной деятельности, следственных и судебных процессуальных действиях, не подлежащую распространению, а также сведения о защищаемых лицах и мерах государственной защиты, осуществляемой в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Служебная тайна – служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами.

Профессиональная тайна характеризуется как сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и так далее).

Коммерческая тайна представляет собой сведения, связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами. Во избежание нарушения права на получение информации в Закон РФ «О коммерческой тайне» был включен перечень сведений, которые не могут быть отнесены к коммерческой тайне. Среди них информация, содержащаяся в учредительных документах, о загрязнении окружающей среды, состоянии противопожарной безопасности, санитарно-эпидемиологической и радиационной обстановке, о составе имущества государс-

твенного или муниципального унитарного предприятия, государственного учреждения и об использовании ими средств соответствующих бюджетов, о задолженностях по выплате заработной платы, о правонарушениях и ряд других. Особенный интерес представляет положение, касающееся обязанности некоммерческих организаций предоставлять информацию о размерах и структуре их доходов, о размерах и составе их имущества, об их расходах, о численности и об оплате труда их работников, об использовании безвозмездного труда граждан. Это дает возможность предупреждать использование некоммерческих организаций в качестве прикрытия для неправомерной и криминальной деятельности.

В отдельную категорию выделены **сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца** до официальной публикации информации о них.

«Процессуальная» составляющая права на информацию находится в более удручающем, с правовой точки зрения, положении, нежели «материальная».

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует судебная практика по рассмотрению споров, предметом которых является информация (иски об истребовании информации, определении порядка пользования информацией и иные). В связи с этим в процессе судебного разбирательства возникает множество вопросов и разногласий как по поводу трактовки самого понятия «информация», так и по поводу определения сторон (истца и ответчика). Согласно ст. 2 Закона под **информацией** понимаются **«сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»**. В противоположность данному определению некоторые судьи трактуют понятие «информация», необоснованно сужая смысл и сводя его к определенному документу. Таким образом, при рассмотрении дела они обязывают истца конкретизировать исковые требования, дав четкое название документу, который истец желает получить от ответчика. Такое поведение судьи неправомерно и противоречит смыслу Закона. Истец при подаче иска может не знать, в каких конкретно документах

содержится истребуемая им информация, как именно данные документы называются. Его интересуют сведения, данные, зафиксированные на том или ином носителе.

Вторая серьезная проблема при обращении в суд с исками, предметом которых является информация, – установление надлежащего ответчика. Закон четко устанавливает, что информационные ресурсы могут быть государственными, субъектов РФ, а также частными. К государственным информационным ресурсам относятся все ресурсы, формируемые государственными органами, учреждениями, предприятиями и организациями. Таким образом, весь фонд государственных информационных ресурсов складывается из информации, создаваемой государственными органами, учреждениями, предприятиями и организациями и находящейся либо в их оперативном пользовании, либо в ведущихся ими архивах. Данное положение важно, поскольку позволяет определить ответчика в случае истребования информации, относящейся именно к указанной категории ресурсов. Им является владелец истребуемой информации (непосредственно государственное предприятие или учреждение) либо ее собственник (то есть государство в лице уполномоченных органов).

Еще одним важным моментом судебной защиты права на информацию служит

отсутствие обязанности пользователя информационными ресурсами обосновывать необходимость истребуемых им сведений. Это означает, что для удовлетворения исковых требований о предоставлении информации достаточно лишь доказательства того, что истребуемая информация непосредственно затрагивает права истца. Такое положение Закона справедливо, поскольку соответствует конституционному смыслу права на информацию. Оно лишает владельца и собственника информационных ресурсов права отказать в предоставлении информации по мотиву нецелесообразности и ненужности ее для пользователя.

Библиографический список

1. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г.
2. Трудовой кодекс РФ.
3. Закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.
4. Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1.
5. Федеральный закон РФ «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ.
6. Постановление Правительства РФ от 5 декабря 1991 г. № 35 (в ред. Постановления Правительства РФ от 3 октября 2002 г. № 731) «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну».
7. Перечень сведений конфиденциального характера (в ред. Указа Президента РФ от 23 сентября 2005 г. № 1111).

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВОДООХРАННЫХ ЗОН ПО НОВОМУ ВОДНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Е.С. ГУСЕВ, *асп. каф. права МГУЛ*

В связи с изменением и совершенствованием российского законодательства в сфере водных и связанных с ними отношений жители Московского региона столкнулись с рядом проблем, обусловленных постройкой и приобретением в собственность домов на берегах водоемов.

Вызвано это прежде всего действием постановления правительства Подмосковья «Об утверждении минимальных размеров водоохранных зон и прибрежных защитных полос водных объектов, частично или полно-

стью расположенных на территории Московской области», утвержденного 17 сентября 2004 г. (Постановление правительства Подмосковья «Об утверждении минимальных размеров водоохранных зон и прибрежных защитных полос водных объектов, частично или полностью расположенных на территории Московской области», от 17.09. 2004 г.).

Что же представляет собой территория водоохранной зоны? В соответствии с «Положением о водоохранных зонах водных объектов и их прибрежных защитных полосах» от

23 ноября 1996 г. № 1404, водоохранная зона – это территория, примыкающая к акваториям поверхностных водных объектов. На ней устанавливается специальный режим хозяйственной и иных видов деятельности с целью предотвращения загрязнения, засорения, заиления и истощения водных объектов, а также сохранения среды обитания объектов животного и растительного мира.

В пределах водоохранной зоны выделяются прибрежные защитные полосы, на территориях которых вводятся дополнительные ограничения природопользования.

До недавнего времени не существовало четких законов, запрещающих строительство рядом с водными объектами на территории Подмосковья, а основными нормативными правовыми актами в данной области служили Водный кодекс РФ от 16.11.1995 № 167-ФЗ и вышеуказанное «Положение...» от 23 ноября 1996 г., а также иные акты органов местного самоуправления, которые имели рекомендательный характер и не были обязательны для исполнения. Ввиду этого количество построек на берегах различных водоемов с каждым годом увеличивалось, нанося немалый вред состоянию окружающей среды. И лишь с 2004 г. на берегах водохранилищ, рек и прудов начали действовать новые правила, регламентирующие любую хозяйственную деятельность.

Согласно действующему законодательству, в прибрежной защитной полосе запрещены любая хозяйственная деятельность и строительство, но можно приобретать земельные участки в собственность или брать их в аренду. Строить же в водоохранной зоне можно лишь при наличии положительного решения экологической экспертизы.

Утверждение размеров водоохранных зон и прибрежных защитных полос для каждой реки, озера, пруда и для многих ключей Подмосковья привело к тому, что многие постройки, возведенные на расстоянии ближе 500 м от уреза воды, могут подвергнуться сносу. Данное положение запрещает любое строительство и движение автотранспорта в радиусе 100 м от рек Ока и Клязьма. В перечне водоохранных зон указаны комплекс Нарских прудов и 14 рек, протекающих по

территории Одинцовского района. Водоохранная зона, предназначенная для охраны водных источников от загрязнения, защиты местных животных и растений, и территория, где запрещена или ограничена всякая хозяйственная деятельность, для Дютковского нагульного пруда составила 500 м, для Асаковского, Софинского и Траснянского нагульных прудов – 300 м. Прибрежная защитная полоса, находящаяся внутри водоохранной зоны, у самого берега, которая должна быть занята исключительно деревьями и кустарниками, составляет 100 м, за исключением Траснянского нагульного пруда, ограниченного защитной полосой всего в 20 м. Для рек Беляна, Вяземка, Дубешня, Жуковка, Медвенка, Молодельня, Нахавня, Островка, Сетунь (в районе Кубинки-Никольского-Бушарино), Сетунь (на границе с Ленинским районом), Сторожка, Трасна водоохранная зона 100 м, прибрежная защитная полоса – 20 м (30 м – для реки Сетунь в районе поселка Заречье). Самыми неприступными для строителей и земледельцев стали берега рек Нара и Москва. Здесь прибрежная защитная полоса для каждой – 100 м, водоохранная зона для Нары – 300 м, а для Москвы – 400 м.

С 1 января 2007 г. вступает в силу новый Водный кодекс, который содержит некоторые послабления для владельцев построек вблизи водоемов. Согласно новым правилам, в прибрежной полосе можно будет возводить строения в тех случаях, когда строительство не нарушает экологические нормы.

Для строительства в водоохранной зоне новый ВК РФ («Собрание законодательства РФ», 05.06.2006, № 23, ст. 2381) не требует согласования с Росприроднадзором, но сохраняется обязательность экологической экспертизы. Ширина природоохранных зон у воды теперь будет меньше. Согласно ст. 63 нового ВК РФ максимальный размер прибрежной защитной полосы составит 50 м, водоохранной зоны – 200 м.

Наряду с уменьшением ширины природоохранных зон по новому ВК РФ значительно упростилась процедура использования прибрежных территорий для жилищного, коммунального и других видов строительства. В Кодексе отсутствуют положения, запреща-

ющие строительство в прибрежной полосе, а нормативы, относящиеся к размерам водоохранных зон, устанавливаются только за пределами поселений, то есть налицо фактическое уничтожение водоохранных зон в пределах поселений. Все это в целом делает еще более привлекательными участки у водоемов. Хотя новый ВК РФ закрепляет превалирование федеральной собственности над частной, право пользования водными объектами, приобретаемое ранее на основе лицензии и заключенного договора с исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления, теперь закрепляется лишь договором. Это в значительной мере упрощает водопользование.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о значительном расширении перспектив возведения строений в прибрежных зонах водоемов. Однако помимо Водного кодекса существуют иные нормативные акты, затрагивающие водоохранную деятельность: Земельный, Лесной, Градостроительный кодексы и др. Следовательно, для продуктивного функционирования нового ВК РФ необходимо согласование соответствующих норм. Такой процесс, на наш взгляд, имеет положительный аспект, так как может способствовать пересмотру некоторых правовых норм в сторону усиления их природоохранной направленности.

Стоит отметить, что новый Водный кодекс применяется только к ситуациям возникшим после введения его в действие. Другими словами, субъектам, которые успели возвести строения в водоохранных зонах до вступления в законную силу нового ВК РФ, все-таки придется поплатиться за нарушение водного законодательства.

Важным пунктом являются экологические последствия, связанные с упрощением водопользования согласно новому ВК РФ.

По последним данным Роспотребнадзора, до 30 % проб воды на сегодняшний день не соответствует минимальным гигиеническим нормам. Хотя новый ВК РФ и ужесточает экологические требования, в частности вводит новые нормативы сброса загрязняющих веществ в водоемы и количественного содержания загрязнений в воде (ст. 54), тем не менее он значительно упрощает получение прав на возведение строений в водоохранных зонах. Это не может не повлечь за собой увеличение количества строений, что в значительной степени негативно скажется на качестве воды в водоемах, а также на экологическом состоянии водоохранных зон.

Таким образом, упрощение водопользования, согласно новому ВК РФ, внушает определенные опасения. Этот документ может принести существенный ущерб как экологическому состоянию водоохранных зон, так и водных объектов в целом.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА СЛОВ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ

Р.Н. ЖАВОРОНКОВА, *проф. каф. перевода МГУЛ, канд. филол. наук*

В большинстве работ, посвященных широкозначности, внимание исследователей сосредотачивалось преимущественно на ее лексическом аспекте [1, С. 94]. Но у широкозначности есть также аспект грамматический, отнюдь не менее важный, чем лексический. Само наличие и масштабы широкозначности в определенном языке находятся в прямой зависимости от его типологической характеристики. Так, во флективных языках широкозначных слов меньше, чем в аналитических. Дело в том, что в условиях аналитического строя ввиду отсутствия достаточных морфологических признаков возрастает роль синтаксиса и значение слова в гораздо большей степени определяется жестко стандартизированным контекстом, чем во флективных языках. Однако аналитический строй создает не только благоприятные условия для развития широкозначности, но и потребность в словах с широкой понятийной основой, так как типизация синтаксических структур предполагает использование в подобных структурах одних и тех же лексических единиц, которые, очевидно, не могут не быть широкозначными. Особенно много слов с широкой понятийной основой встречается в научно-технических текстах, так как в условиях быстрого накопления теоретических и практических знаний появляется необходимость накопления большого количества новых предметов и явлений. Применительно к распространению слов с широкой понятийной основой в английском языке можно упомянуть следующее высказывание М.С. Герасинской: «Английский язык благодаря своему строю нуждается в большом количестве технизированных слов, т.е. слов, служащих для образовательных и других целей, например тех, которые выполняют функции связки, вспомогательного глагола перфекта, пассива. Но вместо того, чтобы иметь отдельно слова полнозначные и отдельно слова с техническими функциями, обычно слова совмещают в себе эти две функции» [2, 4]. Таких слов, обладающих общей абстрактной семан-

тикой, в английском языке достаточно много. Благодаря специфике строя английский язык в сравнении с любым германским или романским языком обладает большим количеством глаголов-связок, многие из которых являются многозначными. Многие грамматические формы и конструкции выражают определенное грамматическое значение, которое тесно переплетается с лексическим значением слов и является неотъемлемым компонентом общего содержания предложения. Следовательно, при адекватной передаче этого содержания переводчику необходимо учитывать грамматическое значение имеющихся в английском предложении форм и конструкций. Помимо необходимости учитывать и передавать в переводе грамматические связи слов и грамматические значения отдельных форм и конструкций, грамматическая проблематика перевода имеет и другую сторону. Ведь и по-русски любая мысль получает определенное грамматическое оформление, и при любом переводе необходимо использовать определенные русские грамматические формы и конструкции. Выбор грамматических средств при переводе также должен происходить с учетом их значения с тем, чтобы наилучшим образом передать содержание оригинала. Отсюда следует, что и в области грамматики переводчику необходимо уметь сопоставить близкие по значению явления в английском и русском языках и знать, в каких случаях можно использовать в переводе аналогичную конструкцию и как поступать, когда такой конструкции в русском языке нет.

В английском языке есть слова, имеющие широкий диапазон грамматических значений и обладающие способностью выполнять различные функции в предложении. В связи с этим они переводятся на русский язык по-разному. К таким словам относятся, например: *that; it; one*.

«*That*» является многофункциональным словом и может выступать в роли:

1. Указательного местоимения. *Both the specific resource selected and how that*

resource is measured can have dramatic effect on the determination of overcutting. – На определение сверхвырубки могут оказать сильное воздействие как вид выбранного ресурса, так и способ его измерения.

2. Союза (вводит дополнительное придаточное предложение). Например: *ANOVA indicated that the development process has a statistically significant influence upon height.* – Дисперсионный анализ результатов исследования показал, что процесс развития древостоя оказывает значительное статистическое влияние на высоту.

3. Слова-заместителя (для замены упомянутого ранее существительного). Когда указательное местоимение «*that*» употребляется вместо предшествующего существительного, оно переводится на русский язык либо тем существительным, которое заменяет, либо совсем не переводится. *He concluded that the developmental process of pure beech stands was entirely different from that of beech-pine stands.* – Он пришел к выводу, что процессы развития чистых буковых и буково-сосновых древостоев полностью различаются. В данном примере указательное местоимение *that* заменяет выражение *developmental process* и не переводится на русский язык.

4. Союзного слова (вводит определительное придаточное предложение). *According to Assmann, Fagus sylvatica is a typical shade-tolerant species with a late culmination of increment, along-sustained period of active growth that falls off slowly only in old age, and a capability of filling widely variable types of growing space.* – Эссман считал бук европейский типичной теневыносливой породой с поздним максимальным увеличением прироста, стабильно долгим периодом активного роста, продолжительность которого постепенно сокращается только в зрелом возрасте, и способностью широко распространяться на различных площадях питания.

«*It*» может в предложениях быть:

1. Местоимением

а) личным: *So overcutting occurs when a harvest rate is so high that it encourages forest resource industries to invest in human and capital resources despite an inevitable premature retirement of the investment.* – Таким образом,

сверхвырубка возникает, когда темп лесозаготовок настолько высок, что он поощряет желание предприятий отраслей лесного хозяйства вкладывать средства в людские ресурсы и средства производства, несмотря на преждевременный расход этих капиталовложений;

б) указательным: Если «*it*» выполняет указательную функцию, то переводится «это». *Even though they found the contract condition unrealistic, Pennsylvania land managers reasoned it would help them bargain the game commission changing deer management policies.* – Несмотря на то, что некоторые эксперты считают условия контракта нереальными, управляющие лесными землями Пенсильвании поняли, что это поможет им убедить комиссию по диким животным изменить политику управления численностью оленей.

2. Выполнять функции формального подлежащего. Если «*it*» стоит в начале предложения, но не заменяет ранее упоминавшееся существительное, то является подлежащим безличного предложения и не переводится. *It is too soon to evaluate the market success fo certified wood products from Minnesota or Pennsylvania certified resources.* – Сейчас слишком рано оценивать успех на рынке сертифицированной древесной продукции из подлежащих сертификации ресурсов Миннесоты или Пенсильвании.

3. Служить вводным словом в предложениях с эмфатическим оборотом. *While foresters were certainly seeking sustainability, perhaps it was sustainability of local communities as much as of forest resources.* – Возможно, пока лесоводы пытались добиться стабильности, это была попытка сохранить как местные сообщества, так и лесные ресурсы. Если «*it*» выполняет функцию усиления в предложении для выделения отдельных членов предложения, то оно может и не переводиться.

«*One*» может быть в предложении:

1. Числительным: *However, in sites of intermediate productivity the overstorey trees are even aged, but one or two much younger cohorts appear in the other storeys.* – Однако на среднепродуктивных почвах одновозрастным является только верхний ярус, в то время как в других ярусах появляются одна или несколько групп гораздо более молодых деревьев.

2. Неопределенно-личным местоимением: *For example, one might argue that a harvest rate is not excessive as long as the planned investment in regeneration allows the lands productive potential to be captured continually through time.* – Например, можно было бы поспорить, что темпы лесозаготовок не являются чрезмерными, пока планируемые капиталовложения в возобновление позволяют сохранить производительную способность земли.

3. Словом-заменителем для замены упомянутого ранее существительного: *In the second analysis, we examined if there were differences between mature even-aged stands and uneven-aged ones.* – Вторая стадия исследования заключалась в поиске различий между спелыми одновозрастными и разновозрастными древостоями.

К разряду многофункциональных слов чаще всего относят местоимения, частицы и союзы. В связи с этим нельзя не отметить работу Ст. Ульмана, отличающуюся двусторонним рассмотрением «формальных слов» (местоимений, артиклей, союзов, предлогов и т.д.). Говоря, с одной стороны, о значении данного класса слов, автор, с другой стороны, указывает, что хотя эти слова «и ведут себя в некоторых отношениях как слова, но выполняют чисто грамматическую функцию и не принадлежат к лексической системе языка».

Функциональную трактовку союзов предлагает А. Соломоник: он отказывается от принятой в лингвистике классификации слов на значимые и служебные, считая ее аморфной и размытой [3]. Союзы, с его точки зрения, относятся к разряду функциональных слов, которые автор определяет как единицы, обеспечивающие «соединение значимых слов в грамматически правильные цепочки» [там же, 84]. Автор отрицает наличие у такого рода слов какого-либо значения, так как они не отражают ни объектов, ни явлений реальной действительности, и считает, что они существуют лишь в силу своей функции – обеспечивать «правильную и эффективную работу самой системы» [там же, 230].

Исследуя модальные характеристики вопросно-ответных единств, Н.П. Макаров отмечает, что результативные союзы (*so, then*)

дополняют, при этом не переключая, основной модальный смысл компонентов вопросно-ответного единства.

Р.К. Камешева указывает, что «союзы *but, or*, употребляемые в качестве связующих элементов оборотов с нефинитными формами, могут служить актуализаторами антонимической связи между ними в сочетании с частицей *not*, предложением *without* при тождественном оформлении ядерных компонентов».

В.И. Кодухов выделяет две характеристики союзов: с одной стороны, данный класс слов рассматривается как строительный материал для предложений; с другой – как выразитель синтаксических значений. Так, союз может указывать на наличие определенного типа связи между компонентами предложения (подчинение или сочинение) и одновременно на значение, например противопоставления или несоответствия [4, С. 242].

В частности, Л.С. Бархударов и А.А. Реформатский, пересматривая критерии классификации придаточных предложений, рассматривают союзы как формальные показатели придаточности [5, С. 95]. Так, А.А. Реформатский трактует союзы как выразители сочинительных / подчинительных отношений как в простом, так и в сложном предложении. Говоря о синтаксическом употреблении союзов, Л.С. Бархударов полагает, что союзы являются показателями синтаксической связи между словами, словосочетаниями и предложениями. Союзы могут являться выразителями отношений сочинения (такого типа синтаксической связи, при котором синтаксическая функция всей группы в целом совпадает с синтаксической функцией любого из ее непосредственно составляющих компонентов) или отношений подчинения (такого типа синтаксической связи, при котором синтаксическая функция всей группы в целом совпадает с синтаксической функцией только одной из ее непосредственно составляющих), отличаясь при этом от синтаксических функций других ее составляющих [5, С. 35]. Таким образом, союзы рассматриваются как определенные грамматические средства языка, которые, наряду с другими подобными средствами

(предлогами, артиклями, вспомогательными глаголами и др.), обеспечивают возможность построения речевых произведений (начиная со словосочетания и заканчивая текстом) из знаменательных слов языка.

Л.С. Бархударов определяет значительное количество формально-грамматических средств выделения (маркеров) членов простого повествовательного предложения. Так, к примеру, среди лексико-синтаксических маркеров вычленяются:

1) парный союз сравнения *as...as* (выделяет обстоятельство сравнения, именной член составного сказуемого);

2) парные союзы *both...and, whether...or, either...or, neither...nor, now...now, not only...but also* (выделяют подлежащее, сказуемое, определение, прямое дополнение и т.д.) [там же, 26-30].

В русле теории универсалий, У. Вейнрейх делит все языковые знаки на две категории: десигнаторы, состоящие из означающего, имеющего физическую природу; форматоры, также имеющие означающее и имплицитно указывающие на определенную мыслительную операцию (отрицание, обобщение и др.). Именно к форматорам автор причисляет союзы естественных языков.

У. Вейнрейх рассматривает некоторые сочинительные союзы как указатели, но уже на уровне текста. По его мнению, слова этого разряда могут указывать на «будущее сообщение в новом предложении». Однако большинство сочинительных союзов, выступая в качестве связочных средств, с информационной точки зрения имеют «обратно направленную функцию».

Так, сочинительный союз *or* рассматривается как инструмент реформуляции (*reformulation*) и введения альтернативы (*replacement*). При этом данный союз может либо сопровождаться вводными словами, выступающими в той же функции, либо употребляется сам по себе, например:

Conservation organizations are engaged in developing biotechnologies to use them in forestry. Or (rather), they try to do so (SWF, 2001, p. 17). – Природоохранные организации занимаются разработкой биотехнологий для их использования в лесоводстве. Вернее, они

пытаются это делать. Здесь союз *or* является инструментом реформуляции.

Estimates by FAO show that global production of global round wood reached 3335 million m in 1999. Over half of this was wood fuel, about 90 % of which was produced and consumed in developing countries. Or (on the other hand), round wood production, totaling 1550 million m in 1999, was dominated by developed countries, which together accounted for 79 percent of total global production (SWF, 2001, p. 13). – По подсчетам ФАО, в 1999 г. производство круглых лесоматериалов в мире достигло 3335 млн м. Больше половины продукции составило древесное топливо, около 90 % которого производилось и потреблялось в развивающихся странах, что в общем составило 79 % от мирового производства лесоматериалов.

Вышеприведенные примеры демонстрируют, что союз *or* может вводить уточняющее предложение, а также являться маркером ситуации выбора.

Р.А. Клоуз, относя союз *or* к общей категории сочинительных союзов, отмечает, что *or* выражает альтернативное сочинение (*alternative coordination*). Тем не менее, по мнению Р.А. Клоуза, функция *or* альтернативным сочинением не исчерпывается. Следующие два примера иллюстрируют некую двойственность (*ambiguity*), присущую явлению сочинения:

1. *The furniture was exposed on a dais or on a platform (FP, 2001, p. 36).* – Мебель выставляется на кафедрах (или платформах).

2. *Impregnation or coating are used to make plywood for dining chairs (FP, 2001, p. 3).* – При изготовлении фанеры для кухонных столов применяют пропитку или промазку.

В данных примерах союз *or* выполняет две совершенно разных функции. В примере(1) *or platform* разъясняет значение слов *dias*, то есть рассматриваемый союз выступает в качестве средства разноименной номинации одного и того же объекта реальной действительности. В примере (2) рассматриваемый союз выполняет другую функцию: *or* здесь выступает в качестве маркера альтернативы, поскольку очевидно, что объекты, обозначаемые существительными *impregnating* и *coating*, различны.

Наконец, Р.А. Клоуз указывает на еще одну немаловажную функцию союза *or*. Союз *or* может играть роль не только связующего звена внутри простого или сложносочиненного предложения, *or* может также служить внутритекстовым коннектором, сводя воедино отдельные предложения или даже более крупные единицы структуры текста.

Как видим, в этом случае факультативно может употребляться и позиционный коррелят *or* – наречие *either*. Альтернатива может маркироваться не только на уровне предложения, но и на уровне текста, как уже было показано выше.

Библиографический список

1. Жаворонкова, Р.Н. Трудности перевода слов с широкой понятийной основой / Р.Н. Жаворонкова: науч. тр. – Вып. 332. – 2005. С. 94–106.
2. Герасинская, М.С. Семантика и функция глагола *to get* в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук / М.С. Герасинская. – М., 1978. – 200 с.
3. Соломник, А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Соломник. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 203 с.
4. Кодухов, В.И. Введение в языкознание / В.И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1979. – 286 с.
5. Бархударов, Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1975. – 156 с.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПРОДВИНУТОГО УРОВНЯ НЕОФИЦИАЛЬНОМУ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ

З.В. МАНЬКОВСКАЯ, *проф. каф. перевода МГУЛ, канд. филол. наук*

Художественный фильм можно считать одним из источников получения лингвокультурной информации о деловом мире страны изучаемого языка наравне с аутентичными газетными, журнальными текстами, художественной литературой, теле- и радиопрограммами.

Особенностью и преимуществом изучения делового общения на материале художественных фильмов является то, что художественный фильм открывает богатейшие возможности для наблюдения за вербальными и невербальными аспектами функционирования языка и отражает современные тенденции его развития.

Художественный фильм устанавливает образцы словоупотреблений в реальных, а не искусственно созданных ситуациях общения, в которых фиксируются не только словарные, но и окказиональные значения слов и выражений. Студент имеет возможность подражать образцам использования языка представителями различных слоев делового мира, начиная с представителей высшего руководства и заканчивая секретарем и кандидатом на должность. Фильм также обращает внимание студента на различные стили общения: формальное/неформальное общение, информи-

рующая/убеждающая речь, нейтральная и образная речь, основанная на использовании стилистических приемов, игры слов, идиоматики, примерами которых изобилуют художественные фильмы.

Художественный фильм содержит большой объем национально-культурной информации, представляя реалии культурного сообщества изучаемого иностранного языка, является отражением его ценностей и стереотипов. Художественный фильм знакомит студентов с понятием «социальные и культурные импликации», которые связаны с нормами, принятыми в языковом коллективе. Другими словами, фильм помогает студенту понять, что позволительно и что является социальным табу для образованного человека, говорящего на иностранном языке.

Достоинством художественного фильма как материала для обучения деловому общению на иностранном языке является противопоставление и сосуществование нейтрального пласта лексики современного языка и разговорно-бытового, который имеет существенные ограничения в использовании, связанные со сферой распространения слова, временем/длительностью его употребления, способностью переходить из разряда разго-

ворного в разряд нормативного употребления.

Работа над художественным фильмом подразумевает, в первую очередь, работу над словом в стилистическом и прагматическом плане, обеспечивает знакомство студента со стилистической дифференциацией словаря, стилистическим потенциалом слов и основным способом его отражения в словаре – стилистическими пометами.

Наиболее ярко в художественном фильме представлен разговорный/неофициальный стиль общения, который, к сожалению, не очень активно изучается в вузах, особенно на уроках по деловому общению. Поэтому важно рассмотреть более подробно возможность обучения студентов продвинутого уровня разговорной речи в рамках деловой тематики.

Разговорная речь – зыбкое образование. Помимо того, что разговорная лексика неоднородна и включает идиоматические выражения, фразовые глаголы, сленг, вульгарную лексику, жаргонизмы, табу, которые не имеют четкого статуса в языке, она имеет тенденцию переходить со временем в нормативную или нейтральную лексику, что часто затрудняет определение границ нейтрального и разговорного и нередко приводит к возникновению сложных ситуаций выбора.

Разговорная лексика связана с выражением сильных эмоций и психологических состояний в неофициальной обстановке общения, которая может определяться сниженной тематикой разговора, то есть касаться запретных или табуированных тем. Знание запретных слов, как отмечает В.И. Карасик в предисловии к Новому англо-русскому словарю современной разговорной лексики [5], имеет огромное значение. Оно позволяет не только понять действие механизма снятия напряжения и агрессивности и сформировать положительные образцы поведения, но также избавиться от неприятных ощущений, унижительных или смешных положений, вытекающих из неправильно понятого или неправильно употребленного иноязычного выражения. Как указывает В.И. Карасик, особенно внимательно нужно относиться к сленгу, поскольку он является показателем

статуса человека, часто человека малообразованного, противопоставляющего себя обществу. Сленг, как и жаргон, это способ ограничить число собеседников, способ общения между «своими», а иностранец не относится к «своим» по определению и поэтому может выглядеть нелепо, пытаясь играть неподходящую для него роль. Кроме того, большинство сленговых слов – это однодневки, они быстро устаревают, и смещение временных рамок может привести к созданию комического эффекта. Итак, не стоит употреблять сленговые выражения в речи, но понимать их, знать сферу их употребления и правильно реагировать, разумеется, нужно.

Как определить уместность или неуместность разговорного выражения в ситуации общения? Для этого существуют стилистические пометы, которые отражают стилистическую дифференциацию лексической системы языка, служат для характеристики той части словарного состава современного литературного языка, которая по тем или иным причинам ограничена в употреблении. Стилистические пометы используются во многих типах словарей – толковых и двуязычных, поэтому не вызывает сомнений необходимость их учета студентами в разговорной практике.

По мнению И.Р. Гальперина [4], роль стилистической пометы огромна. Ее задачи не ограничиваются только стилистической характеристикой слова, она дает дополнительную информацию о возможностях словоупотребления и более глубоко раскрывает смысловую структуру слова. Несмотря на отсутствие единства среди лексикографов в трактовке характера ограничений, служащих критерием отбора слов и отнесения их к той или иной категории, можно выделить ряд общих положений, с которыми необходимо познакомить студентов.

А.П. Евгеньева в предисловии к Словарю русского языка [9] выделяет следующие ограничения, обусловленные:

– принадлежностью слова к тем пластам лексики, которые находятся за пределами литературного языка или стоят на его границе (областные, просторечные, грубопросторечные слова);

– узкоспециальным характером терминов науки, техники, ремесла, искусства и т.д.;

– тем, что слово может быть употреблено лишь в определенном стиле литературной речи.

Э.С. Азнаурова [1] расширяет и уточняет список ограничений, а также выделяет два основных принципа: функциональный и лексико-семантический.

Функциональный принцип учитывает:

- соотношение данного слоя лексики с общелитературным стандартом;
- социальную дифференциацию языкового коллектива;
- территориальное разделение;
- соотнесенность понятийного значения слова с различными типами понятий (научных, бытовых);
- происхождение слова.

Принцип лексико-семантической дифференциации основан на расслоении словаря по функциональным стилям.

Классификация Э.С. Азнауровой представляется наиболее полной и непротиворечивой, поскольку охватывает практически все случаи стилистического расслоения словаря. Ее целесообразно рекомендовать студентам как исходную для выделения следующих слоев лексики английского языка и соответствующих им стилистических помет.

По соотношению данного слоя лексики с общелитературным стандартом выделяется, с одной стороны, возвышенная лексика *to break one's oath* и поэтизмы, с другой – фамильярные слова *to suck sb into*, сленг *screw sth up*, вульгаризмы *schmucks*, которые отражаются в словаре специальными пометами: поэт (*poet.*), сленг (*sl.*), вульг. (*vulg.*).

По принципу социальной дифференциации языкового коллектива лексика делится на следующие группы: арго, профессионализмы *objection sustained*, жаргонизмы, просторечия.

По принципу территориальной дифференциации различают диалектизмы *comer (NamE)*, *sport (NZE)*, *shoot (AmE)*, то есть группу лексики, которая возникает под воздействием такого экстралингвистического фактора, как территориальное членение общества. Стилистическая помета – диал. (*dial.*)

По характеру понятийной соотнесенности выделяются термины – слова, создаваемые (или заимствованные) для точного обозначения вновь появившихся понятий и специальных предметов из области науки, техники, искусства, общественно-политической сферы и социального статуса общества, которые обозначаются пометами: мед. (*med.*) *systolic and diastolic pressure*; полит. (*polit.*) *play hardball*; юр. (*Law*) *sustained*; торговля (*Commerce*) *legal tender*; финансовая область (*Fin.*) *stock*.

По принципу происхождения исконно-английские слова противопоставляются иностранным словам и варваризмам (напр. *Kemo sabe*), которые отмечены в словаре как фр. (*Fr.*), нем. (*Ger.*), лат. (*Lat.*) и др., чтобы показать, что данное слово еще не утратило иностранный облик или что его употребление географически ограничено.

И последнее противопоставление по принципу исторической перспективы позволяет выделить архаическую лексику и современные новообразования (неологизмы). Архаическая лексика включает устаревающие и устаревшие слова (*obsolescent and obsolete words*), слова, обозначающие исчезнувшие предметы и понятия (*historical words*), и наконец собственно архаизмы (*archaic proper*).

Необходимо отметить, что при рассмотрении различных классов слов у лингвистов нет единства. Наиболее сложным явлением является сленг. Несмотря на неоднократные попытки подойти к решению проблемы сленга, сущность и происхождение этого слоя лексики до последнего времени остаются спорными. Под термином сленг недифференцированно объединяются совершенно разнородные явления – просторечные слова, диалектизмы, неологизмы, жаргонизмы и шуточные словообразования. В связи с этим некоторые словари отказываются от пометы '*slang*'.

Трудно поддаются учету различия между профессионализмами и жаргонизмами, просторечием и диалектизмами. И.Р. Гальперин видит критерий различия между профессионализмами и жаргонизмами в степени прозрачности смыслового содержания слова. Если слово с точки зрения значения легко расшифровывается, но употребляется в дан-

ной области общественной деятельности, то мы имеем дело с профессионализмом. Если же значение слова, употребляемое в данном профессиональном коллективе, никак не мотивировано или же расшифровывается с трудом, то перед нами жаргонизм. Жаргонизмы являются в какой-то мере тайным кодом.

Если рассматривать расслоение словаря исходя из лексико-семантического принципа, а именно, принадлежности слова к различным функциональным стилям, то в основном в лексикографии для этой цели используются такие пометы, как книжн. (*bookish*) и разг. (*coll.*).

Кроме вышеперечисленных критериев дифференциации лексики современного английского языка, которые можно назвать собственно стилистическими, в некоторых словарях [4, 6] выделяется еще группа эмоционально-стилистических помет, или помет оценочного характера. Они не входят в вышеупомянутую классификацию. Это эмоц.-усил. (*emot.*), усил.-шутл. (*facet.*), ирон. (*iron.*), пренебр. (*derog.*), презр. (*pej.*), разг.-груб. (*inf.-vulg.*), бран. (*swear*), вульг. (*vulg.*), ласк. и т.д. Количество такого рода помет и их номенклатура изменяются от словаря к словарю.

Некоторые лингвисты, занимающиеся вопросами лексикографии [8], считают, что следует четко разграничивать эмоционально-стилистические и собственно стилистические пометы и сопровождать слова двойными пометами. Такой опыт уже имеется. А.В. Кунин впервые в фразеологической практике выделил 6 типов двойных помет для разговорной фразеологии:

разг.-фам. – *a bit of fat* (непредвиденная удача, особенно в материальном отношении);

разг.-груб. – *hold your jaw* (закрой свой рот);

разг. – ирон. – *by your leave* (с вашего позволения (говорят, когда делают замечание неприятное для собеседника));

разг.-презр. – *be no better than she should be*;

разг.-шутл. – *knee-high* («кузнечнику по колену»);

разг.-усилит. – *as the devil* (чрезвычайно, ужасно, чертовски)

Трудность использования стилистических помет заключается в том, что разные словари имеют разные системы помет. Анализируя предпосылки этого разнобоя, Т.Г. Винокур отмечает, с одной стороны, социолингвистические причины, которые проявляются в изменении отношения и к явлениям действительности, и к словам, их обозначающим, и к языковой политике общества в целом. С другой стороны (это особенно касается словарей неологизмов), разночтения объясняются тем, что в поле зрения лексикографов-неологов попадают факты пограничные, еще не обработанные лексикографией, не устоявшиеся в лексико-семантической системе языка. Их можно квалифицировать как словоупотребления с еще не законченным процессом формирования стилистического значения и обратить внимание студентов на них.

Кроме того, Т.Г. Винокур выделяет еще одну причину – лексикографическую традицию словарей, обусловленную задачами общедоступности, демократизации нормы и сокращением словника.

Несмотря на некоторую неоднозначность подходов к интерпретации значений слов, стилистические пометы выполняют очень важную функцию в речевой практике, поскольку они имеют очевидную коммуникативную и прагматическую подоплеку. Ю.Д. Апресян, указывая на прагматическое содержание помет, говорит, что за привычными стилистическими пометами, такими, как «вежливое», «вульгарное», «грубое», «ироническое», «шутливое», «эвфемистическое», стоят сложные и интересные ситуации общения, требующие серьезной прагматической экспликации.

Художественный фильм как материал для обучения неофициальному общению содержит слова и выражения со стилистическими пометами в большом количестве. Для анализа были отобраны некоторые ситуации из американских фильмов «*Wall Street*», «*Working Girl*», «*The Firm*», «*Bounce*», «*One Fine Day*», включенных в учебное пособие «Английский язык в ситуациях повседневного делового общения» [7].

Наиболее полно и широко стилистические пометы представлены в фильмах «*Wall Street*» и «*The Firm*».

Например, в фильме Оливера Стоун «*Wall Street*» содержатся примеры идиоматических выражений. – *It's history (no longer important)*, *It rings the bell (sounds familiar)*; разговорных метафор: – *a real cheese cake (the best)*, *to bag the elephant (to accomplish a big task)*, *to eat sb's lunch for sb (to refuse to pay for the work done)*; фразовых глаголов – *to blow sb away (to kill sb by shooting)*, *to stick around (to stay in a place waiting for sth to happen)* разговорных выражений для обозначения понятий деловой сферы – *to cook the books (to change facts and figures illegally)*, *bow-wow stocks (unimportant stocks)*, а также сленга – *schmucks*.

Названные выражения способствуют созданию речевого портрета персонажей фильма. Например, сленг *schmucks* характеризует главного героя как человека малообразованного, невоспитанного, грубого, с одной стороны, а с другой – достигшего высокого положения в обществе и согласно своему социальному статусу и общественной роли позволяющего себе «вольности» по отношению к подчиненным и людям более низкого ранга.

Такая лексика играет большую роль не только в характеристике героев, но и позволяет с учетом экстралингвистических факторов (время и место действия, ситуация общения), а также паралингвистических средств (интонация, высота тона, жесты, мимика), представленных в художественном фильме, извлечь из реплик героев больше информации, чем из произнесенного вслух, то есть выявить социальные, культурные импликации и импликации, вытекающие из нарушения максим принципа сотрудничества и вежливости.

Посмотрим, как использовано слово *dinosaur*. Это слово в словаре имеет стилистическую помету (*disapproving*), но в фильме служащий фондовой биржи употребляет его по отношению к себе для описания своих перспектив работы на бирже. «*If you don't give me relevant information right now, I'm a dinosaur*». Выявление контекстуального значения слова основывается на его буквальном значении «вымершее животное». Контекст ситуации подсказывает нам следующую интерпретацию: «если не будет представлена нужная информация в срок, работнику грозит серьезное

наказание или увольнение». Такая трактовка значения слова вытекает в результате выведения импликатур: будет смерти подобно, приведет к забвению. Список этих импликатур можно было бы продолжить. Их количество зависит от фоновых знаний и интерпретирующих возможностей (опыта) студентов.

Кроме выявления значения лексической единицы фильм также позволяет установить настроение, состояние, самочувствие героя в момент его произнесения. Герой фильма использует слово *dinosaur* в состоянии напряжения, волнения и даже безысходности.

Интересным примером для анализа в этом фильме является выражение *to send sb C.O.D*, которое отмечено в словаре (*metaphor, NamE*). Данная помета говорит о том, что выражение не может восприниматься буквально и нужно искать скрытый смысл. Поиск необходимо начинать с интерпретации *C.O.D*. Словарь дает нам значение – *cash on delivery, payment on good will be made when goods are delivered*.

В культурной картине мира американцев данное выражение связано с черствостью, безразличием к другому человеку, и поэтому в устах человека, желающего нанести оскорбление другому, оно будет восприниматься как «*have no feelings, betray sb*».

В фильме Сидни Поллак «*The Firm*» находят отражение контрастные категории книжное/разговорное.

Фильм, раскрывающий работу юридической фирмы, изобилует словами с пометами (*law*), такими, как *objection, sustained* (произносятся в суде во время процесса), *witness protection* (программа защиты свидетеля в случае дачи показаний против серьезного преступника), *to come up to parole (to give a prisoner permission to leave prison)*, *to get indictment (a statement accusing sb of a crime)*.

Эти выражения характеризуют речь профессионалов, которые даже в непринужденной ситуации не могут обойтись без слов, ставших их «второй натурой». Таким образом, имплицитно эти слова передают дополнительную информацию «я – профессионал, опытный юрист».

С другой стороны, их цель – показать новичку, что фирма, которая пригла-

шает его на работу, солидная и серьезная организация.

Речь главного героя, человека образованного, отличает некоторая возвышенность и торжественность *break my oath, waive the rights, terminate the employment*, которая достигается употреблением книжной лексики.

Художественный фильм ярко показывает зависимость речевой манеры главного героя от фактора адресата и ситуации общения. В разговоре с офицером отдела правосудия в критической ситуации он использует разговорные выражения *hotshot lawyer (extremely successful), it's got teeth (powerful, effective), it isn't sexy (exciting, interesting)*, которые характеризуют ситуацию как безвыходную, когда человек забывает о приличиях и дает волю своим чувствам.

Таким образом, художественный фильм может быть не только интересным, захватывающим и неординарным средством обучения неофициальной речи в ситуациях профессионального общения, но и материалом для интерпретации и выведения дополнительной, часто не выраженной вербально информации, что достигается благодаря умению правильно применять стилистических пометы.

Библиографический список

1. Азнаурова, Э.С. Очерки по стилистике слова / Э.С. Азнаурова. – Ташкент, 1973.

2. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь / Ю.Д. Апресян. – ВЯ, 1986. – № 2.
 3. Винокур, Т.Г. Толковый словарь и языковое употребление / Т.Г. Винокур. – ВЯ, 1986. – № 4.
 4. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М., 1958.
 5. Глазунов, С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики / С.А. Глазунов. – М.: Русский язык, 2002.
 6. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь, изд. 3 / А.В. Кунин. – М., 1984.
 7. Маньковская, З.В. Английский язык в ситуациях повседневного делового общения: учеб. пособие по развитию навыков разговорной речи для студентов 4-го курса специальности 022900(031202) «Перевод и переводоведение» / З.В. Маньковская. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2006. – 200 с.
 8. Семейко, А.М. Эмоционально-усилительные прилагательные в современном английском языке (опыт лексикографического исследования): дис. ... канд. фил. наук / А.М. Семейко. – М., 1975.
 9. Словарь русского языка АН СССР института русского языка в 4-х томах// под ред. А.П. Евгеньевой, 2-е изд.
 10. Greener M. The Penguin Business Dictionary// Penguin Books, 1994.
 11. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English// Oxford University Press, 7th edition.
 12. Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000.
 13. Oxford Guide to British and American Culture for Learners of English// Oxford University Press, 2001.
 14. Spears Richard A. American Idioms Dictionary // National Textbook Company, USA, 1991.
 15. Spears Richard A. Dictionary of American Slang// National Textbook Company, 1991.

О ВЛИЯНИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ВАЛЕНТНОСТЬ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВЫ

М.О. ЖЕРДЕВА, доц. каф. иностранных языков МГУЛ, канд. филол. наук

Общеизвестно, что словарный состав английского языка этимологически весьма неоднороден: он содержит большое количество иноязычных заимствований, составляющих более 60 % всего вокабуляра. Ассимилируясь лексически, заимствованные слова вовлекаются в словообразовательные процессы, свойственные языку-рецептору; при этом они образуют новые слова в сочетании как с исконными, так и с заимствованными аффиксами.

Инвентарь суффиксов современного английского языка также этимологически не-

однороден и включает значительное количество морфем негерманского происхождения. Вполне очевидно, что синхронно производные слова, которые были заимствованы в готовом виде, состоят из производящей основы и суффикса одинакового (т.е. негерманского) происхождения; напротив, слова, образованные в английском языке, могут содержать как этимологически родственные, так и неродственные компоненты. В связи с этим представляется интересным проследить, какова способность основ исконных и заимствован-

ных слов сочетаться с суффиксальными морфемами разного происхождения.

Лексический материал для данного исследования был получен в процессе сплошной выборки простых по словообразовательной структуре имен со значением лица (всего 936 слов из словаря современного английского языка под редакцией А.С. Хорнби) и производных от них прилагательных и существительных (973 слова из краткого Оксфордского словаря). Выбор материала для исследования обусловлен тем фактом, что лексико-грамматический разряд имен лица или *Nomina Personae (NP)*, отличается большим разнообразием в этимологическом и семантическом отношении, а также образует весьма разнообразные производные. Именно эти особенности способствуют решению задачи по выявлению влияния происхождения основы на ее словообразовательную валентность.

Образуя имена прилагательные, основы *NP* сочетаются с германскими суффиксами *-ly, -like, -y, -ish, -ed, -less, -ing (friendly, childlike, boyish, snobby, childed, fatherless, childless)* и романскими *-ic, -ical, -al/-ial, -ous (patriotic, prophetic, doctoral, gluttonous)*.

Результаты сопоставительного анализа производных показали, что исконные основы *NP* сочетаются только с германскими аффиксами: *foolish, motherly, knightlike, childed, childless*. Исключением являются два гибридных деривата *aldermanic* и *bridal*.

Объяснение этого феномена содержится в монографии по английскому словообразованию Г.Марчанда. Он отмечает, что сочетание исконного слова с заимствованной словообразовательной морфемой является более редким случаем, чем сочетание заимствованного слова с исконной деривационной морфемой. Первое связано с усвоением иноязычной словообразовательной модели, а этот процесс требует длительного времени; напротив, во втором случае ассимилировавшиеся заимствования ведут себя так же, как и исконно английские слова по отношению к германским аффиксам. Поэтому германские аффиксы все свободнее присоединяются к основам романских слов по мере их ассимиляции в английском языке. Гибридные производные типа «исконная основа + романский

аффикс» появляются весьма поздно (в ранний новоанглийский период), а некоторые заимствованные аффиксы так и не приобрели способности вступать с ними в деривативные отношения.

Данный тезис Г. Марчанда [3] подтверждается результатами анализа словообразовательных гнезд, образованных от *NP*: если основы исконных *NP* сочетаются только с германскими суффиксами, то заимствованные основы присоединяют к себе как германские, так и романские суффиксы, например, *brutal, brutish, matronal, matronly, managerial, managing* и др.

Заимствованные основы самой различной темологии вступают в деривационные отношения с романскими и германскими суффиксами: латинские (*popal<Pope*), французские (*masonic<Mason*), кельтские (*bardic<Bard*), итальянские (*dogal<Dog*), испанские (*boobyish<Booby*), арабские (*vizierial<Vizier*), персидские (*satrapic<Satrap*), латино-американские (*cannibalic<Cannibal*), индейские (*mugwumpish<Mugwump*). Следует отметить, что среди производных, образованных от заимствованных слов (141 лексема), преобладают дериваты с романскими суффиксами (80 слов).

Влияние этимологического фактора на словопроизводство имен прилагательных от *NP* подтверждается и материалом словаря современного английского языка под редакцией К.Барнхарта. Все зафиксированные в этом словаре производные прилагательные, образованные от основ *NP* непроизводной структуры (11 слов), представляют собой образования «исконная основа + германский суффикс»: *a dove (a person opposing war) – dovish; wasp (a white anglo-saxon) – waspish* и др. Производных прилагательных, образованных от заимствованных *NP* непроизводной структуры, в этом словаре не отмечено.

Влияние этимологического фактора на деривативную валентность обычно сочетается с воздействием особенностей ее структуры (главным образом основообразующего суффикса существительного или его фонемного исхода). Тенденции отдельных суффиксов вступать в деривативные отношения с основами определенного происхождения соответствует их закрепленность за основами с

определенными исходами и основообразующими суффиксами.

Для романских адъективных суффиксов такая закреплённость является весьма строгой: они присоединяются главным образом к основам, содержащим в исходе фонемы, фонемные сочетания или суффиксы, которые характерны только для заимствованных NP. Так, основы с исходами на *-at*, *-ot*, *-et*, *-al* (*patriot*, *prophet*, *acrobat*, *vassal*), как правило, сочетаются с суффиксами *-ic* или *-ical*; ср.: *patriotic*, *prophetic/prophetical*, *acrobatic*, *vassalic*. Основы NP, имеющие вышеперечисленные исходы, не образуют производных с суффиксом *-al*. Этот суффикс обычно присоединяется к существительным Nomina Agentis, основы которых образованы с помощью суффикса *-or* (<лат.*-arius*): *ensor* – *ensorial*, *doctor* – *doctoral/doctorial* и т.д. Среди производных были отмечены также прилагательные с суффиксом *-al*, образованные от основ NP, имеющих в своей структуре суффиксы *-ent* (*parent* – *parental*) и *-ary* (*secretary* – *secretarial*). Отсутствие вышеуказанных фонемных исходов и суффиксов у исконно английских NP, несомненно, является ограничительным фактором для их способности сочетаться с суффиксами романского происхождения и, следовательно, препятствует возникновению гибридных производных.

Следует заметить, что некоторые заимствованные NP имеют фонемный исход производящей основы, сходный с исконно английскими существительными. Среди таковых можно выделить 4 типа:

– гласный (монофтонг или дифтонг): *hero*, *albino*, *spy*, *enemy* и подобн. (ср.: исконно английские существительные *fellow*, *widow*, *dady*, *lady* и др.);

– гласный (монофтонг или дифтонг) + сонорный *n*: *person*, *cousin*, *sultan*, *virgin*, *cretin* (ср.: *maiden*, *woman*);

– гласный (дифтонг или долгий) + согласный: *pope*, *duce*, *brute*, *scribe* (ср.: *bride*, *mate*);

– гласный + вокализовавшийся *r* (исход, омонимичный распространённому суффиксу Nomina Agentis *-er/-or*): *ancestor*, *master*, *amateur*, *tsar/csar* (ср.: *brother*, *sister*, *neighbour*).

Основы заимствованных NP с вышеперечисленными типами исходов способны сочетаться как с романскими, так и германскими суффиксами, а нередко с теми и другими, образуя параллельные производные: *brutal*, *brutish*, *charlatan*, *charlatanish*, *masterful*, *masterly*, *cousinly*, *cretinous*, *amateurish*, *ambassadorial* и др.

Исконно английские имена, имеющие указанные типы исходов, с романскими суффиксами не сочетаются (ср.: *woman*, *sister*, *neighbour* и др.). Исключением здесь является лишь гибридное слово *bridal* (по-видимому, по аналогии с дериватами *scribe* – *scribal*, *tide* – *tidal* и др.).

Однако этимологический фактор в таких случаях действует не прямо, а через стилистическое расслоение словарного состава. В то время как заимствованные слова, образующие словопроизводящую основу, в значительном большинстве составляют слой книжной лексики, исконные существительные из разряда NP чаще всего относятся к нейтральной или разговорной лексике. Основы слов, относящихся к последним двум слоям, преимущественно вступают в сочетание с германскими, а не романскими суффиксами, которые тяготеют к основам книжного стиля.

Появление гибридных производных «заимствованная основа + германский суффикс» и их количество в языке зависят не только от наличия в языке-рецепторе основ определенной стилистической принадлежности и морфологической структуры, но и от семантических различий германских и романских суффиксов, обслуживающих определенный лексико-грамматический разряд имен.

Основы NP в производных прилагательных сочетаются с суффиксами следующих словообразовательных значений:

– «похожий на, подобающий тому лицу, которое обозначено производящей основой»: *-ish* (*donnish*, *amateurish*), *-ly* (*kingly*, *slovenly*), *-like* (*kinglike*, *knightlike*), *-ful* (*masterful*, *manful*), *-ed* (*nitwitted*, *wretched*), *-y* (*snobby*, *girly*), *-ic* (*despotic*, *aldermanic*), *-al* (*-ial*) (*brutal*, *baronial*), *-ous* (*gluttonous*, *villainous*);

– «относящийся, принадлежащий к тому лицу, которое обозначено образую-

щим производное прилагательное именем»: *-ic* (*apostolic*), *-al* (*patronial, vicarial*), *-ly* (*mistressly, scholarly*), *-ish* (*bardish, boyish*);
 – «имеющий кого-либо»: *-ed* (*childed, parsoned*);
 – «лишенный кого-либо»: *-less* (*queenless, parentless*).

Как видно из этого перечня, все заимствованные суффиксальные морфемы дублируют значения «похожий, подобающий кому-либо» и «относящийся к, принадлежащий кому-либо» германских суффиксов (оба сразу или одно из них).

Однако если последнее значение для романских суффиксов является главным и представлено в большинстве производных прилагательных, то для германских суффиксов оно второстепенно и встречается лишь в редких случаях: ведущим для *-ish*, *-ly*, а для *-like* и *-y* единственным значением является «похожий на или подобающий кому-либо». Ср.: *brotherly, boyish, geenlike, snobby* и др.

Для суффиксов *-y* и *-ish* кроме того характерен значительный коннотационный потенциал, который отсутствует у романских адъективных суффиксов. Среди последних отсутствуют также суффиксальные морфемы со значением «имеющий кого-либо» и «лишенный кого-нибудь» (суффиксы *-ed*, *-less*).

Вышеуказанные и другие различия в значениях суффиксов разного происхождения способствуют тому, что заимствованные основы, служащие словообразовательной базой для моделей с романскими суффиксами, вступают в сочетание и с германскими суффиксами, а иногда параллельно с теми и другими, так как семантический стимул словообразовательного акта в обоих случаях неодинаков. Ср.: *bardic-bardish, eremite-eremitish, sycophantic-sycophantish, parsonic-parsoned* и др.

Кроме происхождения основы и ее структуры, валентность основы в значительной степени зависит от ее семантики, так как семантическая совместимость основы и аффикса является первым условием любого словообразовательного акта.

Все NP по основному семантическому признаку можно разбить на следующие лексико-семантические группы:

1) NP со значением общественного положения и титула (213 слов): *king, pauper, serf, sherif, baron*;

2) NP со значением представителя какой-либо профессии (197 слов): *clerk, doctor, soldier*;

3) NP со значением представителя определенной возрастной группы (38): *boy, child, girl, infant, woman*;

4) NP со значением семейно-родственных отношений (41): *mother, sister, aunt, cousin*;

5) NP со значением отношений между людьми (50): *comrade, friend, enemy*;

6) NP со значением качественной характеристики (294): *villain, cripple, martyr, cockney*.

Анализ производных прилагательных, мотивируемых NP, свидетельствует о том, что наборы суффиксов, с которыми сочетаются основы NP отдельных лексико-семантических групп, значительно различаются. Однако, как показало исследование, в данном случае это объясняется не столько значением основы, влияние которого на валентность основы по адъективному ряду минимально, сколько влиянием других, не семантических факторов, среди которых не последнюю роль играет происхождение основы.

Количественное соотношение исконных и заимствованных основ в отдельных лексико-семантических группах варьируется в довольно широких пределах. Самое значительное количество исконных слов среди NP со значением пола и возраста (72 %) и семейно-родственных отношений (70 %). В группе NP со значением общественного положения слова этого происхождения составляют 27 %, представителей некоторой профессии – 25,3 %, а среди NP со значением отношений между людьми и качественной характеристики 54 % и 53 % соответственно.

Различия отдельных лексико-семантических групп NP в этимологическом отношении находят выражение в способности сочетаться с суффиксальными морфемами разного происхождения. Так, основы NP со значениями пола – возраста и семейно-родственных отношений, состоящие преимущественно из исконно английских основ, как правило, со-

четаются с германскими суффиксами *-ish*, *-ly*, *-less*, иногда *-ful* и *-ed*. Например: *childish*, *brotherly*, *womanlike*, *manful*, *widowed*, *wifeless* и др. Единичные заимствованные основы, входящие в указанные две группы, соотносятся с производными прилагательными, которые были заимствованы в английский язык в готовом виде и имеют романский суффикс (всего два примера в выборке): *parent-parental*, *infant-infantile*.

Таким образом, исследование производных прилагательных, образованных от NP, выявляет значительное влияние этимологического фактора на способность основы сочетаться с определенной суффиксальной морфемой.

Аналогичная тенденция наблюдается и в словопроизводстве имен существительных. Основы NP, образуя имена абстрактного и конкретного значений, сочетаются с германскими суффиксами *-ship* (*bachelorship*), *-hood* (*womanhood*), *-dom* (*ducedom*), *-ling* (*priestling*), *-y* (*sonny*) и с романскими суффиксами *-ery/ry* (*carpentry*), *-ism* (*despotism*), *-ate* (*sultanate*), *-age* (*peonage*), *-acy/cy/y* (*prelacy*, *colonelcy*, *gluttony*), *-ancy/ency* (*sycophancy*, *agency*), *-ess* (*baroness*), *-rix* (*rectrix*), *-let* (*kinglet*).

При словопроизводстве существительных на валентность основы NP существенное влияние оказывает ее значение, а также принадлежность к той или иной лексико-семантической группе. Одновременное действие семантического (а также структурного) фактора хотя несколько и снижает влияние этимологического фактора на валентность основы, но не приводит к полной его нейтрализации; общая тенденция к этимологической согласованности основы и суффикса сохраняется и в производных существительных.

Основы NP исконно английского происхождения, образуя имена существительные, сочетаются как с германскими, так и романскими суффиксами, однако преобладают сочетания с первыми: из 263 производных существительных, мотивируемых основами этого происхождения, 177 оформлены германскими суффиксами и 83 – романскими.

Аналогичная тенденция свойственна и заимствованным основам: из 471 NP этого происхождения 337 сочетаются с романскими суффиксами, а 134 – с германскими.

Позиции в отдельных моделях существительных, независимо от происхождения суффиксальной морфемы, обычно заполняют как исконные, так и заимствованные основы. Исключением является модель с суффиксом *-ancy/ency*, который закреплен за основами на *-ant/ent* (например, *cliency*, *sycophancy*) и не способен сочетаться с исконными основами, так как для них этот основообразующий суффикс или омонимичный ему фоно-морфологический исход не характерны.

Все остальные модели различаются только численным соотношением производных, образованных исконными|и заимствованными основами NP. Первый тип производных, как правило, преобладает в моделях с германскими суффиксами, а второй тип – в моделях с романскими суффиксами. Так, из 113 основ NP непродуговой структуры с суффиксом *-ism* дали производные 93 заимствованные основы и 20 германских основ. Из 46 производных с суффиксом *-dom* 33 образованы от германских имен существительных, а из 63 слов с суффиксом *-hood* от имен этого же происхождения произведены 40.

Только в модели с суффиксом *-ship* удельный вес производных, образованных от исконных и заимствованных основ, приблизительно одинаков (99 и 94 соответственно из 193). Этот факт в значительной степени объясняется, во-первых, практически неограниченной способностью суффикса *-ship* сочетаться с основами с самыми различными исходами, а во-вторых, большой многозначностью модели. Производные существительные, отражающие эту модель, имеют следующие словообразовательные значения: *rank*, *dignity of* (*admiralship*, *deputyship*), *state*, *quality*, *condition of being* (*heroship*, *kingship*), *times*, *period of being* (*apprenticeship*, *deputyship*), *relation of* (*companionship*, *auntship*), *ability*, *skill of* (*admiralship*, *jockeyship*). Вышеуказанные особенности модели с суффиксом *-ship* нейтрализуют влияние происхождения основы на ее валентность.

Хотя в количественном отношении производные со значением лица и уступают словам с абстрактным значением, обнаруживают ту же тенденцию к этимологической согласованности основы и суффикса. Дериваты

этого типа отражают две группы моделей со значением:

- эмотивной оценки (суффиксы *-ling*, *-kin*, *-y/-ie*, *-let*);
- лица женского пола (суффиксы *-ess*, *-rix*).

С германским суффиксом *-y/-ie*, как правило, сочетаются исконно английские основы NP (*son – sonny*, *lad – laddie*, *lass – lassie*), относящиеся в большинстве случаев к лексико-семантическим группам пола – возраста и семейно-родственных отношений. Они являются закрытыми, и в них в количественном отношении господствуют германские имена. Единственным исключением является гибридное образование *auntie* от слова французского происхождения *aunt*.

Позиция в моделях с германскими суффиксами *-ling* и *-kin* тоже преимущественно заполняет исконные основы. Ср.: *lordkin*, *ladykin*, *daughterling*, *clerkling*, *squireling*. Но встречаются и гибридные образования, например *princeling*, *princekin*.

С суффиксом *-let* романского происхождения сочетаются как романские, так и исконные основы: *prince – princelet*, *king – kinglet*.

Производные со значением лица женского пола в основном образуются при помощи романских суффиксов *-ess* и *-rix*. Наиболее многочисленны производные с суффиксом *-ess*. Из 93 основ NP, сочетающихся с этим суффиксом, 85 % являются заимствованными. Низкая сочетаемость исконных основ с *-ess* объясняется главным образом тем, что характеристика лица по признаку естественного пола в английском языке реализуется за

счет контекста. Кроме того, значение пола у исконных основ часто передается их лексическими значениями, что, естественно, лишает их возможности сочетаться с суффиксом *-ess*. Ср.: *man*, *woman*, *boy*, *girl*, *slattern*, *slut*.

Суффикс *-rix* сочетается только с заимствованными основами, что обусловливается формальной закрепленностью этого суффикса за основами на *-or*.

Таким образом, происхождение основы оказывает большое влияние на ее словообразовательную валентность как в словопроизводстве имен прилагательных, так и существительных: исконные основы преимущественно избирают германские суффиксы, а заимствованные – романские.

Действие этимологического фактора неразрывно связано с влиянием стилистической принадлежности и морфологической структуры основы на ее валентность: формальная ограниченность модели, закрепленность суффикса преимущественно за основами слов книжного стиля и с определенными фонологическими исходами, которые характерны только для заимствованных слов, препятствуют включению в модель основ исконно английского происхождения.

Библиографический список

1. The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. 2nd ed., L., Oxford Univ. Press, 1963.
2. The Shorter Oxford English Dictionary, vols. 1-2, 3rd ed., Oxford, 1995.
3. Marchand H. The Categories and Types of Present Day English Word Formation. Wiesbaden, 1960, p.159.
4. Barnhart Clearance L., Sol. Steinmetz, Robert Barnhart, A Dictionary of New English (1963-1972). L., 1973.

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю.А. ВОЛОСНОВА, доц. каф. перевода МГУЛ, канд. филол. наук

В настоящее время в российском и зарубежном языкознании выделилось направление, известное под названием **корпусная лингвистика** (*corpus linguistics*). Корпусная лингвистика ставит целью изучение речевых закономерностей на материале больших текстовых объемов (корпусов), которые были предварительно обработаны, размечены и

систематизированы в электронной форме. Отличие таких корпусов текстов от обычных электронных библиотек в том, что в них при помощи специальных программ можно искать необходимые фрагменты текстов по заданным параметрам, а затем обобщать и анализировать полученные данные. При этом само исследование занимает время, измеряемое в секундах.

Отличие корпусной лингвистики от традиционной заключается не только в применении компьютерных технологий, но и в общем подходе к изучаемым явлениям. Корпусная лингвистика направлена на изучение речи, воплощенной в текстах конкретных языков. Она идет от речевых данных к выводам, т.е. использует индуктивный эмпирический метод, при этом опирается на квантитативные исследования [1].

Интерес исследователей к корпусной лингвистике обусловлен широким развитием компьютерных технологий и программного обеспечения, которое предоставило исследователям исключительные возможности для получения и обработки информации. Тот объем сведений и данных, на который исследователь раньше тратил месяцы и годы, сидя в библиотеках и выписывая от руки нужную информацию, сейчас оказался буквально «на кончиках пальцев» и может быть получен и обработан за несколько минут.

Однако информационный взрыв порождает не только блага, но и проблемы. Парадоксально, но самой главной из них является обилие информации. С этой проблемой общество сталкивалось уже во второй половине двадцатого века, когда информационные технологии еще не получили такого развития. В 60-х гг. прошлого века в индустриально развитых странах существовало правило: если требовалось внедрить какой-либо проект стоимостью в пределах 50 000 долларов, который уже существовал, но на поиск информации о нем требовалось время, то дешевле было разработать аналогичный проект заново, чем заниматься поиском информации о нем.

С развитием Интернета процесс получения информации стал неизмеримо легче, быстрее и дешевле, но возникла новая проблема: как в огромном потоке сведений отобрать нужные именно вам. Так, например, на запрос «*корпусная лингвистика*» русскоязычная поисковая система Яндекс выдает 2033 страницы и 373 сайта по теме, а англоязычная система Yahoo по запросу «*corpus linguistics*» выдает 938 000 упоминаний данного словосочетания в Интернете, причем время поиска в Yahoo занимает 0,14 секунды. Хотя сравнение страниц и сайтов, с одной

стороны, и количества упоминаний, с другой, не совсем корректно, тем не менее данная статистика дает представление, во-первых, об объеме информации по данному вопросу и, во-вторых, о сравнительном развитии данного направления в России и на Западе.

Но если рассматривать весь объем полученных ссылок, то время, затраченное на просмотр всей информации, будет несоизмеримо больше времени, проведенного в библиотеке в 20-м веке. При этом большая часть ссылок является перекрестной, т.е. авторы ссылаются друг на друга, либо упоминание слов запроса относится к рекламе публикаций или заказных рефератов и диссертаций, а также является анонсами семинаров и конференций. Иными словами, большая часть ссылок не несет научной, лингвистической информации и является «информационным шлаком», который надо отсеивать, на что тоже требуется время.

В такой ситуации вступает в действие так называемый Первый Закон Муэрса: «*потребитель уклоняется от использования поисковой системы, когда искать информацию более хлопотно, чем обойтись без нее*» [3]. Подобно тому, как промышленность выпускает все новые и новые бытовые приборы, чтобы облегчить домашний труд хозяйкам, так и программисты работают над созданием все новых и новых программных продуктов, призванных облегчить рутинный поиск информации и побудить пользователя к дальнейшим научным исследованиям. Но «*для точного, научно обоснованного поиска нужной информации необходимо строить специализированную семиотическую (знаковую) систему*» [2]. В.В. Рыков, пионер российской корпусной лингвистики, предлагает для создания такой системы создать информационно-поисковый язык (ИПЯ), под который составляется так называемый поисковый образ документа (ПОД), соответствующий концептуальному содержанию документа [2]. Это концептуальное содержание зачастую не выражено в пользовательском словесном запросе информации, что порождает огромный объем предоставляемой информации, который блокирует дальнейшую работу с ней.

Издавна лингвисты стремились установить связь между содержанием (концептами) и его лингвистическим выражением (словами), выявить закономерности и зависимости между содержанием и формой. Однако такие исследования зашли в тупик, поскольку концепции относятся к области философии и психологии, а слова – к области лингвистики. Одна и та же концепция может быть выражена разными словами, а в одно и то же слово может быть вложено разное содержание. Как говорил Шалтай-Болтай в «Алисе в Зазеркалье», «когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше». Но несмотря на расхождение концепций, стоящих за словами, исследователи не оставляют попыток установить закономерности выражения содержания формой. Например, Муэрс считает, что каждое понятие может быть описано особой лексической единицей – дескриптором [4]. Он рассматривает людей, «привязанных к словам» (*word-bound*), как «невосприимчивых к идеям» (*idea-blind*), и полагает, что такому типу людей недоступен информационный поиск, забывая при этом, что даже самые абстрактные идеи непременно должны выражаться в тех или иных словах, а в компьютерных запросах слов тем более не избежать.

Метод дескрипторов, являющихся переходной формой от лексического запроса к понятийному и пригодных для компьютерного поиска, был описан в работе Р.П.Футрелла и С.Гауч [5]. Само название работы, включающее слово *bootstrapping* («самообеспечение»), предполагает, что переход от словесного описания запроса к понятийному происходит на основе слов все того же языка, только ограниченных в своем составе и организованных по-иному. Процесс перехода они называют расширением запроса (*expanding query*). Запрос расширяется и становится «концептуальным» (*conceptual*), используя обращения к оперативному корпусу необходимой лексики (*online database*) и так называемым специализированным «матрицам подобия» (*similarity matrix*). Таким способом устраняется бессмысленное лексическое сравнение (*word matching*) при поиске и осуществляется переход к концептуальному поиску (*conceptual retrieval*). Их исследование проводится на ма-

териале корпуса из 200 000 слов, который они при помощи предварительной разметки делят на классы и группы подобия (*simsets*), образующие иерархически расположенные гнезда (*clusters*). Данные компьютерных исследований были подтверждены на материале тезауруса Roget's. Таким образом, результаты компьютерного анализа почти не отличались от результатов эмпирического анализа Roget's, но само компьютерное исследование заняло несравнимо меньше времени, чем традиционное. Увеличение эффективности информационного поиска идет через сравнение семантических структур в поисковом запросе и текстах корпуса.

В западной лингвистике проблема языковых корпусов была успешно решена уже давно. Еще в 1967 г. Г. Кучера и Н. Френсис опубликовали работу «Вычислительный анализ современного американского английского языка», которая была проведена на Брауновском корпусе, состоящем из текстов современного американского варианта объемом 1 млн слов. Словарь «Американское наследие», опубликованный в 1960 г., стал первым словарем, составленным на основе текстового корпуса. Вслед за ним появился британский словарь Collins' COBUILD, основанный на корпусе «Банк английского языка». Далее последовали корпуса LOB (британский английский 1960-х гг.), Kolhapur (индийский английский), Wellington (новозеландский английский), ACE (австралийский английский), Frown Corpus (американский английский начала 90-х гг. XX в.), FLOB Corpus (британский английский начала 90-х годов XX в.). В 90-х гг. при участии консорциума издателей, Оксфордского и Ланкастерского университетов, Британской Библиотеки был составлен Британский Национальный корпус объемом 100 млн слов. Были также разработаны корпус латинских текстов «Персей», чешский корпус Карлова университета и др. В 1992 г. была создана организация Европейская корпусная инициатива (ECI), предусматривающая создание около 40–50 корпусов текстов на европейских языках, каждый объемом от 12 тысяч до пяти млн слов.

Что касается русского языка, то отечественная лингвистика отстает в этом от-

ношении от зарубежных исследований. Упсальский корпус русских текстов создан еще в 1960-е гг. и остается единственным завершенным и активно используемым проектом такого рода. Он не удовлетворяет современным требованиям из-за устаревших материалов и ограниченности объема (1 млн словоупотреблений). Он также не является лингвистически аннотированным или размеченным (в нем не указаны морфологические, синтаксические, семантические свойства тех или иных сегментов текста, что затрудняет поиск по нему), в то время как современная лингвистика оперирует в основном аннотированными корпусами (*treebanks*).

Тем не менее, в российских институтах ведется обширная работа по созданию корпусов текстов. Начиная с 1980–1990 гг., работа над созданием компьютерных баз данных по русскому языку ведется в рамках Машинного фонда русского языка при Институте русского языка РАН под руководством В. М. Андрущенко. В 1995 г. был возобновлен Междисциплинарный семинар ДИАЛОГ. Это самое представительное российское мероприятие, целиком посвященное компьютерной лингвистике и ее приложениям, собирает каждый год большое число ведущих специалистов в области интеллектуальных языковых технологий из компьютерных фирм, вузов и научных институтов со всей России и из-за рубежа. Постоянными участниками ДИАЛОГа являются Московский Государственный Университет, РГГУ, Институт Языкознания РАН, компании АБВУУ, Яндекс, РосНИИ Искусственного Интеллекта, Институт Проблем Информации РАН. Научная программа семинаров ДИАЛОГ охватывает основные направления фундаментальных исследований и коммерческих разработок, находящихся на пересечении лингвистики, методов представления и обработки знаний и самых современных информационных технологий.

Кафедра математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) совместно с Институтом лингвистических исследований (ИЛИ РАН) и кафедрой прикладной лингвистики Российского государственного педагогическо-

го университета им. А.И. Герцена (РГПУ) 10–14 октября 2006 г. провела международную научную конференцию «Корпусная лингвистика-2006». В ходе конференции обсуждались проблемы корпусной лингвистики, имеющие как теоретическое, так и прикладное значение. Тематика конференции позволяет охватить проблемы репрезентативности корпусов и отбора источников, лингвистической и экстралингвистической разметки, многие другие аспекты создания корпусов – лингвистические, программные, технологические. Отдельный аспект корпусной лингвистики, предлагаемый к обсуждению, – проблемы использования корпусов для проведения лингвистических исследований и разработки специализированного инструментария, а именно лингвистических поисковых систем (корпус-менеджеров), обеспечивающих удобный интерфейс для пользователей. Особое внимание планируется уделить координации различных разработок в области корпусной лингвистики в России и выработке стандартов.

Что касается разработки самих корпусов, то на филологическом факультете МГУ на базе лаборатории общей компьютерной лексикологии и лексикографии был создан Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века. Для этого был осуществлен подбор обширного газетного материала для корпуса (тексты общим объемом более 11 млн словоупотреблений) на основе принципов включения в него полных номеров 13 российских газет на русском языке за отдельные даты 1994–1997 гг. Его полная версия (более 1 млн словоупотреблений) готовится к представлению в Интернете. В настоящий момент на сайте лаборатории можно ознакомиться с тестовым фрагментом корпуса общим объемом более 200 тыс. словоупотреблений. Поиск по корпусу может проводиться по словам, корням слов и по различным типам информации, характеризующим русские лексемы, словоформы и тексты в целом. Особый интерес в данном корпусе представляет система маркировки газетных текстов маркерами конкретных жанров и жанровых типов. Изучение литературы по теме и проведенный анализ текстов позволили выявить круг основных жанрообразующих факторов [6].

В Институте лингвистики РГГУ ведется несколько проектов по созданию специализированных корпусов. Исследовательским коллективом под руководством С.И. Гиндина, объединяющим преподавателей, сотрудников и студентов кафедры теоретической лингвистики и Кафедры математики, логики и интеллектуальных систем, создана и продолжает развиваться гипертекстовая филологическая информационная система по творчеству В.Я. Брюсова. Система включает полный структурированный электронный корпус текстов Брюсова и его филологическое сопровождение. В Центре типологии ведется работа над созданием мультимедийного корпуса русских разговорных текстов.

Таким образом, корпус текстов, с одной стороны, это исходный речевой материал для корпусной лингвистики и для других лингвистических дисциплин; с другой стороны, результат деятельности корпусной лингвистики.

В настоящее время перед российской прикладной лингвистикой стоит более широкая задача создания Национального корпуса русского языка. Этот проект поддержан Российской академией наук в рамках программы «Филология и информатика». В нем участвуют лингвисты многих научных учреждений и вузов.

Национальный корпус – это собрание текстов в электронной форме, представляющих данный язык на определенном этапе его существования, отображающий данный язык во всем многообразии жанров, стилей, социальных и территориальных диалектов и т.п. Корпус должен быть представительным, т.е. содержать по возможности все типы письменных и устных текстов, представленных в языке, и все эти тексты должны входить в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода. Это возможно только при значительном объеме корпуса (сотни миллионов словоупотреблений). Планируемый составителями объем Национального корпуса русского языка – 200 млн слов.

Разметка – главная характеристика корпуса. Она отличает корпус от простых коллекций (или «библиотек») текстов, в изо-

ляции представленных в современном Интернете. Чем богаче и разнообразнее разметка, тем выше научная и учебная ценность корпуса. В Национальном корпусе русского языка в настоящее время используется четыре типа разметки: метатекстовая, морфологическая, акцентная и семантическая; в ближайшее время планируется внедрение синтаксической разметки. Система разметки постоянно совершенствуется.

Создание Национального корпуса дает огромные возможности для всех направлений лингвистических исследований. Возможность массовой статистической обработки текстов позволяет математически подтверждать или опровергать гипотезы, составлять грамматики и словари. Например, ни один английский толковый словарь не составляется сейчас без опоры на Британский Национальный корпус. Основными пользователями национальных корпусов в первую очередь являются лингвисты. Однако статистические данные об определенных языковых периодах могут заинтересовать литературоведов и историков, а также преподавателей и студентов высших учебных заведений. Составление учебников и словарей также невозможно без опоры на корпус.

Разрабатываемый Национальный корпус русского языка будет охватывать прежде всего период от начала XIX до начала XXI в. Этот период представляет как язык предшествующих эпох, так и современный, в разных социолингвистических вариантах – литературном, разговорном, просторечном, отчасти диалектном. В корпус включаются оригинальные (непереводные) произведения художественной литературы (проза и драматургия, в дальнейшем также поэзия), имеющие культурную значимость, а также представляющие интерес с точки зрения языка. Помимо художественных текстов, в корпус в большом количестве включаются и другие образцы письменного (а для современного этапа – и устного) языка: мемуары, эссеистика, публицистика, научно-популярная и научная литература, публичные выступления, частная переписка, дневники, документы и т. п.

Исследование с помощью национальных корпусов предоставляет исследователям

многочисленные возможности и направления. Кроме определения частотности словоформ, корпус дает представление о конкордансе. **Конкорданс** – список словоформ, встречающихся в тексте, расположенных в алфавитном порядке. В противоположность словарю слово здесь дается с его словесным окружением.

Сходным, но не тождественным, является исследование **коллокации**, последовательности слов или терминов, встречаемость которых превышает процент случайных совпадений. Понятие коллокации относится к правилам употребления сочетаний слов, таких как сочетания определенных предлогов и глаголов или глаголов и существительных. Таким образом, корпусные исследования позволяют изучать речевые единицы в контексте, не выделяя их из естественного окружения.

Работа с корпусами текстов позволяет поднять на новый уровень дистрибутивную методику, которая направлена на определение совокупности:

- 1) всех линейных окружений данной языковой единицы;
- 2) всех сочетаний исследуемой языковой единицы.

Дистрибутивный метод может включать также контекстуальное исследование семантики, но прежде всего он заключается в возможности прогнозирования в речи (тексте) одних элементов на основании знания других. Например, фразеологически связанная единица или грамматическая форма многих слов часто дает возможность стопроцентного предсказания другого слова или грамматической формы. В остальных случаях распределения слов прогнозирование подчиняется вероятностным закономерностям, т.е. можно предсказать слово или грамматическую форму лишь с известной долей вероятности. Корпусная лингвистика позволяет выразить эту вероятность в точных цифрах.

Сопоставление двух или нескольких корпусов текстов позволяет создать компьютерные программы, так называемые накопители переводов, интерактивные инструменты, позволяющие переводчику накапливать в специальной базе данных эквивалентные текстовые фрагменты на двух языках, чтобы в дальнейшем быстро находить образцы для

перевода новых текстов. В качестве фрагментов могут выступать слова, словосочетания и целые фразы. При работе над текстами, близкими по жанру и тематике, такие инструменты по мере пополнения базы данных все больше упрощают и ускоряют перевод. Программа сегментирует переводимый текст (выделяет фразы или обособленные обороты) и сличает полученные сочетания с элементами базы данных, в случае совпадения предлагая переводчику подставить готовый перевод фрагмента в конечный текст (или же подставляя его автоматически). В наиболее совершенных программах имеются встроенные морфологические модули и средства проверки орфографии для нескольких языков, а также относительно интеллектуальные средства сопоставления параллельных текстов с целью автоматического формирования парных фрагментов на двух языках. Процедуры сопоставления в разных программах различны, но, как правило, они включают элементы диалога и иногда требуют модификации одного из параллельных текстов.

Однако создание текстовых корпусов не решает всех проблем, стоящих перед исследователями. Важной составной частью работы является создание программ, позволяющих эффективно работать с корпусами. В первую очередь это так называемые корпус-менеджеры, поисковые системы на базе определенного корпуса. В качестве одного из примеров можно привести программу «Экспертная лингвистическая система», разработанную в СПбГУ. Программа ЭЛС может использоваться для изучения лексического состава текстов корпуса, для поиска контекстов лексем или словоформ в корпусе (в частности при создании wordnet-тезауруса), для создания всевозможных частотных словарей (например словарей языка писателей).

Основной задачей программы ЭЛС является анализ частотности лексем в текстах корпуса. В выходном списке можно просматривать контекст либо для всех лексем, либо только для графических омонимов, по желанию пользователя. Также имеется возможность выбора варианта сортировки полученного списка. Кроме того, для выбранных пользователем файлов программа ЭЛС про-

изводит подсчет некоторых дополнительных статистических данных: количества предложений, количества слов в предложении и т.д. В возможности программы входит автоматическое деление слов на слоги.

Составители корпусов в работе сталкиваются с рядом проблем. Прежде всего следует отметить проблему *репрезентативности* корпусов, т.е. способности отражать все свойства проблемной области. Репрезентативность определяется фонетическими, морфологическими, синтаксическими, стилевыми параметрами. Создатель корпуса сначала ставит вопрос, какой корпус и для кого он создает. Невозможно представить компьютеру все тексты или все разговоры данного языка, поэтому создатели корпуса ориентируются на исследователей, которым этот корпус предназначен.

Лексикографам хватает большого корпуса с примерами малоупотребительных слов и/или их форм, но для специализированных исследований грамматистов, стилистов и др. надо охватить разные стили и жанры национального языка. И здесь составители сталкиваются с проблемой *отбора текстов* для корпуса. Например, У.Френсис и Г.Кучера ставили целью представить корпус текстов, отвечающих ясным и четким критериям отбора:

1. Происхождение и состав текста (автор должен был быть урожденным носителем американского варианта английского языка, диалог должен был занимать менее половины объема текста).

2. Синхронизация (включены были тексты, впервые изданные в 1961 г.).

3. Продуманное соотношение численной представленности различных жанров и отбор отдельных текстов при помощи особой вероятностной процедуры.

4. Доступность для компьютерной обработки (специальные пометы для передачи графических особенностей текста и т.п.).

Объем отдельного текста должен статистически достоверно отражать его стилевые особенности, а численный состав и соотношение жанров должны адекватно представлять стилевые особенности жанров и их относительный вес. При этом представляется противоречивым тот факт, что объективный

программный инструмент, каковым является корпус, в основе своей построен на субъективном отборе и определяется человеческим фактором.

Подводя итоги данного обзора, можно выделить перспективы корпусной лингвистики и вытекающие из них проблемы. Во-первых, огромное количество информации затрудняет ее поиск, в результате чего требуется создание специальных корпусов и дополнительных поисковых инструментов, предназначенных именно для целей данного корпуса. Во-вторых, концептуальный поиск, призванный сделать более эффективным пользовательский запрос, в действительности сводится к поиску синонимов и систематизации их по семантически гнездам, т.е. относится скорее к области семантики, чем логики, и с трудом поддается формализации. В-третьих, корпуса строятся с целью дать объективную информацию, поэтому перед создателями корпуса стоит задача уменьшить фактор субъективности при отборе текстов для корпуса и разработать строгие и четкие критерии отбора. Все это не снижает значимости и перспективности исследований в области корпусной лингвистики и указывает на все новые направления прикладных исследований.

Библиографический список

1. Рыков, В.В. Персональный сайт курса лекций по корпусной лингвистике Рыкова В.В. rykov-cl.narod.ru/c.html
2. Клименко, С.В., Рыков, В.В. Корпусная лингвистика и информационный поиск. Доклад на конференции «Диалог-2000. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-2/171.htm>
3. Mooers C.N. «Mooers» law, or why some retrieval systems are used and other are not // American Documentation. – 1960. – Vol.11, N.3.
4. Mooers C.N. Descriptors // Encyclopedia of library and information science / A.Kent and H.Lancour, eds. – Vol.7. – New York, 1972. – Vol.7. – P. 31-45.
5. Futrelle R.P., Gauch S. Experiments in syntactic and semantic classification and disambiguation using bootstrapping // Acquisition of Lexical Knowledge from Text.– Columbus, OH. Assoc. Computational Linguistics, 1993. – P. 117-127.
6. Сайт лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии. Филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/corpus_descr.html

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ НАУЧНОГО И НАИВНОГО ЗНАНИЯ В ЯЗЫКЕ

Ю.А. ПРОКОФЬЕВА, *ст. преподаватель каф. иностранных языков МГУЛ*

Непреходящая актуальность проблемы взаимоотношения объективной действительности, языка и мышления на очередном витке науки вновь акцентировала «человеческий фактор», предполагающий исследование языковых феноменов в тесной связи с человеком, его мышлением и различными видами духовно-практической деятельности.

Именно акцентирование «человеческого фактора» привело к появлению в разных науках, прежде всего гуманитарных, ряда понятий, которые представляют психические, лингвистические, логические, философские модели объектного мира: концептуальная картина мира, картина мира, образ мира, концептуальная система, языковая картина мира и др.

Понятие **картина мира** относится к числу фундаментальных, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире.

Картина мира является глобальным образом, созданным в результате духовной активности человека. Она возникает в ходе контакта человека с миром. Картина мира многолика и многомерна, объединяет представления человека о различных сторонах окружающей действительности и потому разделяется на религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественную и другие картины мира.

Понятие картины мира строится на изучении представления человека о мире. Если мир – это человек и среда во взаимодействии, то картина мира – «результат переработки информации о среде и человеке» (Цивьян, 1990), во взаимодействии опять же с человеком. Человек не склонен замечать те явления и вещи, которые находятся вне его представлений о мире. По определению В.И. Постоваловой, картина мира – «создаваемый человеком субъективный образ объективной реальности» [9]. Это реальность человеческого сознания, и ее создание человек

делает целью своей жизни: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни...».

Картина мира есть определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания.

Современная лингвистика определяет знание о мире в сознании носителей языка как **концептуальную картину мира**.

Основной единицей концептуальной картины мира является **концепт**. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов знания». Согласно Е.С. Кубряковой, концепт – это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике.

Понятие **языковой картины мира** восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка.

В современном языкознании проблеме языковой картины мира посвятили свои труды такие лингвисты, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежицкая, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.

По их представлениям, каждый язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или его языковую картину. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении различных слов и выражений языка, складывается в некую единую

систему взглядов и установок, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими на данном языке.

Языковая картина мира – отраженные в категориях (отчасти и в формах) языка представления данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности, целостное изображение языком всего того, что существует в человеке, вокруг него, осуществляемое средствами языковой номинации изображение человека, его внутреннего мира, окружающего мира и природы.

«В языковом знаке закрепляются и реализуются... результаты отражательной мыслительной деятельности человека» [7].

Языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней.

Языковая картина мира не образует независимый образ, существующий параллельно с концептуальной картиной мира. Языковая картина мира встроена в структуру концептуальной картины мира, «выполняя функции означивания основных ее элементов и экспликации средствами языка концептуальной картины мира» [10].

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина постоянно меняется, перерисовывается, в то время как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений.

Научная деятельность – один из видов деятельности, направленный на познание мира, т.е. представляющий свой образ или картину мира.

«Наука – один из важнейших узлов, связывающих культуру и цивилизацию. Она сама одновременно принадлежит культуре и цивилизации» (В.Н. Порус, 1998).

Понятие науки включает в себя как деятельность по получению нового знания, так и результат этой деятельности – сумму научных знаний, соответствующих данному этапу ее исторического развития.

Научная картина мира (НКМ) – плод познавательной деятельности человека. Она создается, используется узким кругом людей – учеными. Это творение тысяч авторов, от

живших в эпоху предистории науки до наших современников, глобальная информационная кладовая научных знаний.

«Научная картина мира – вся совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» (Касевич, 1996).

В НКМ постоянно вносятся новые знания, она совершенствуется и видоизменяется, представляя собой развивающееся образование. Отвечая требованиям развития науки, НКМ всегда стремится к полноте и точности знания одновременно.

Наука как часть общечеловеческой культуры не может возникнуть и развиваться без языка или вне зависимости от него. Знание, не означенное в языке, не может стать социально наследуемым компонентом культуры. Такое знание останется на уровне эмпирических данных, полученных человеком или группой людей, и исчезнет вместе с ними.

Ядро языка любой науки составляет используемая данной наукой терминология, которая в свою очередь формирует научную языковую картину мира.

Логика движения науки вперед всегда связана с поиском наиболее удачного вербального выражения идеи, с последующим его закреплением в языке науки. Язык помогает уточнить и доопределить научные понятия.

Различение обыденного и научно-теоретического знания в философии имеет давнюю историю. В античности это противопоставление «знания» и «мнения» (Платон), в философии нового времени (Р. Декарт, Ф. Бэкон, Д. Локк, французские материалисты XVIII в., немецкая классическая философия), в современной зарубежной философии – это проблема взаимодействия теоретических форм сознания (философии и науки) и здравого смысла.

Проблема разграничения научного и наивного знания актуальна и в лингвистике.

В настоящее время актуальной является проблема соотношения или противопоставления по линии научное – обыденное знание [6].

Принято считать, что в естественном языке отражается «наивная картина мира»,

составляющая содержание «обыденного сознания» его носителей [1, 11].

Наивная геометрия, наивная физика, наивная биология, психология, философия и пр., отражающие материальный и духовный опыт этноса, отмечены национально-культурной спецификой и противостоят соответствующим научным геометрии, физике, биологии, психологии, философии и пр. в той мере, в какой лексическое значение противостоит понятию.

Лексическое значение, зафиксированное в словаре, – это то, что люди имеют в виду, когда они употребляют слово [2]; картина мира, воссоздаваемая лексической системой национального языка, может быть приблизительна и неточна в деталях, но она интуитивно достоверна, наглядна и отвечает здравому смыслу: вода здесь – это жидкость, заполняющая моря и реки, прямая – линия, не отклоняющаяся ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево.

Объем словаря в языковой картине мира (или обыденном языке) и объем языка в развитой науке не совпадают. Но это несовпадение складывается не в пользу языка, как думал Б. Уорф, а в пользу науки. Чтобы убедиться, достаточно обратиться к названиям пород деревьев – как они представлены в обыденном языке и в научной терминологии (отрасли лесоперерабатывающей промышленности). В повседневной жизни нам достаточно названия «*maple*», тогда как специалист использует термины «*sycamore maple*», «*European maple*», «*Bosnian maple*», «*English field maple*», «*ash-leaved maple*», «*blistered maple*» (соответственно: белый клен, крупнолистный клен, остролистный клен, полевой клен, американский клен, «птичий глаз»). Подобным образом дело обстоит с любыми областями знаний.

Обыденное сознание совпадает со спонтанными, непрофессиональными, базирующимися исключительно на непосредственном опыте практической деятельности людей способами освоения мира. Имея дело с будничными, привычными, изо дня в день повторяющимися отношениями между вещами и людьми, ближайшим образом связанное с практикой и, следовательно, обладающее

возможностью постоянно проверять свою эффективность, обыденное сознание может обладать значительной познавательной ценностью.

Бытовое и рациональное знание связаны: они являются результатом параллельных видов познания и сосуществуют в мозгу человека [8].

Противопоставление бытовых и профессиональных (научных) сфер коммуникаций имеет в своей основе противопоставление доминирующих типов мышления: чувственно-образного и рационально-логического (оппозиция которых представлена в строении нашего мозга: левополушарные и правополушарные структуры). Первый тип мышления лежит в основе наивной картины мира, второй тип преобладает в профессиональном (научном) мышлении. Осознанность, планируемость, совершенство совершаемой деятельности требуют применения логических механизмов.

Научная коммуникация рассматривается как совокупность процессов представления, передачи и получения научной информации, которые образуют основной механизм существования и развития науки. Участниками научной коммуникации являются ученые и специалисты различных отраслей знания.

Результаты познания в специальных областях закрепляются в материальной форме с помощью терминов. Термины являются элементами научного аппарата теорий и концепций, описывающих эти области знания и деятельности наряду с другими средствами познания (научными приборами и инструментами, номенклатурой, собственными именами и т.д.). При этом термины, с одной стороны, закрепляют знание, закрепляя понятия, категории и закономерности этой области знания. С другой стороны, термины зачастую способствуют открытию нового знания, являясь точками роста какой-либо теории. В этом проявляется одна из их основных функций, актуальных для когнитивной лингвистики – ориентирующая функция.

«Поскольку термины являются ядром научной языковой картины мира, именно они служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном

пространстве, задают направление мыслительной деятельности, служат ориентиром мышления и ориентиром деятельности» [4].

Термин выражает и формирует научное понятие, следовательно, является базовой единицей научной картины мира. Наивная картина мира является результатом обыденного мышления человека и отражается в естественном языке, то есть с помощью общеупотребительных слов.

Существуют различные взгляды на сущность термина и его соотносительность с общеупотребительной лексикой. Мы полагаем, что одной из причин этого является разнообразие терминов, составляющих любую терминологию. Во-первых, во всякой терминологии существует определенное количество «консубстациональных» терминов – лексических единиц, которые одновременно являются и специальными терминами и словами общего языка [5]. Например, в лексике деревообрабатывающей промышленности наряду с терминами, явно отличающимися по форме от общеупотребительных слов (*hylophyte*, *knot boring*, окорка, выкружка) можно встретить большое количество терминологических единиц, совпадающих по форме со словами общеупотребительной лексики (*mat*, *sock*, зуб, звено).

Помимо этого, зачастую одно и то же слово соотносится как со специальным, так и с бытовым понятием, например слова *wood*, *trunk*, сушка, резка, кора. Эти слова широко используются как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности в сфере деревообработки.

Кроме того, общеупотребительные слова с одной стороны, и термины, с другой стороны, находятся в атмосфере постоянного взаимовлияния. Происходит постоянный процесс преобразования терминов в общеупотребительные слова. Происходит своеобразная терминологическая экспансия [3]. При этом получают распространение термины, относящиеся к наиболее актуальным областям знания. Словесные обозначения отдельных популярных названий науки становятся все-

общим достоянием, теряют терминологическую точность и приобретают лексическое значение, основанное на обыденном представлении, вызванном жизненными ассоциативными связями.

Общеупотребительные слова также могут становиться терминами.

Этот факт свидетельствует о том, что граница между терминологической и общеупотребительной лексикой (и, соответственно, между наивной и научной картиной мира) нестабильна и имеет функциональный характер. Одно из основных отличий между ними заключается не в форме, а в специфичности употребления.

Библиографический список

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Избранные труды. Т.1. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996.
3. Володина, М.Н. Теория терминологической номинации / М.Н. Володина. – М.: Издат-во МГУ, 1997.
4. Голованова, Г.Е. Ориентирующая функция термина / Г.Е. Голованова // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 180–188.
5. Гринев, С.Н. Введение в терминологическую лексикографию / С.В. Гринев. – М., 1986.
6. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: РГГУ, 2000.
7. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Комкнига, 2006.
8. Манерко, Л.А. Сложноструктурное субстантивное словосочетание: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале технической литературы современного английского языка): дис. ... д-р филол. наук. 10.02.04 / Л.А. Манерко. – М., 2000.
9. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / В.И. Постовалова. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
10. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988.
11. Урысон, Е.В. Языковая картина мира Vs обиходные представления / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21.

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ

Е. В. КЛИМАЧЕВА, доц. каф. педагогики и психологии МГУЛ

В мировой психологической теории и практике вопросу стресса уделяется огромное внимание уже в течение многих десятилетий. Первым дал определение стресса Ганс Селье, канадский физиолог начала XX в. Он ввел термин «стресс» для обозначения неспецифической реакции организма в ответ на любое сверхсильное воздействие. Благодаря Г. Селье термин «стресс» и обозначаемое этим словом понятие получило широкое распространение в науке, вошло в справочники, учебники, энциклопедии и в повседневную жизнь. Ученый утверждает, что стресс – это не просто нервное напряжение. Это состояние может быть связано с приятными и неприятными переживаниями.

Все биологические организмы имеют врожденные механизмы поддержания внутреннего равновесия (гомеостаз). Стрессоры (сильные внешние раздражители) нарушают это равновесие, на что организм реагирует неспецифической (независимой от вида стрессора) защитно-приспособительной реакцией. Возникающий процесс стресса и приспособление к нему проходит несколько стадий. Тревога сопровождается мобилизацией резервов, включением защитных механизмов – большинство стрессов разрешается на этой стадии. При продолжении действия стрессора возникающее сопротивление неизбежно вызывает расходование адаптационных резервов. Последующая стадия – истощение. При этом сопротивляемость организма временно или необратимо снижается. Организм имеет ограниченные резервы адаптационных возможностей, их истощение может быть необратимым, что ведет к потере здоровья, быстрому старению.

Термин «стресс» в современной психологической литературе употребляется для обозначения состояния человека в экстремальных условиях на биохимическом, физиологическом, психологическом (эмоциональном) уровнях. Менее употребим термин «дистресс», обозначающий наиболее разрушительные, сверхсильные последствия стресса.

На бытовом уровне стрессом часто называют любое психологическое (эмоциональное) напряжение. Но Ганс Селье утверждал, что полная свобода от стресса означает смерть. Под психологическим стрессом мы понимаем высокую степень психологического напряжения, оказывающую сильное отрицательное влияние на деятельность человека и его отношения с окружающими.

Стрессовая ситуация и поведение в ней человека характеризуются следующими особенностями. Преобладающими стресс-факторами являются психологические факторы (профессиональные и семейные деструктивные конфликтные взаимоотношения). Фактор не является стрессогенным сам по себе. Таким он становится в оценке его конкретным человеком.

Возможные реакции человека на стрессовую ситуацию можно разделить на три группы: сознательное овладение ситуацией и преобразование ее в конструктивное поведение; импульсивная реакция, ухудшающая и не разрешающая отношения с близкими и другими людьми, дающая лишь рядку негативных эмоций; уход от ситуации, защита (часто несознательная) от негативных чувств, связанных с ней.

Результатом конструктивного поведения в стрессовой ситуации являются: позитивные изменения в ситуации, улучшения отношений с вовлеченными в нее людьми, самопознание, новый опыт, повышение самоуважения, уверенность в себе, увеличение и изменение своего поведенческого репертуара.

При неконструктивном поведении (уход от решения проблемы, неадекватное, импульсивное реагирование) характерны: ухудшение ситуаций и отношений; понижение или неустойчивость самооценки, самоуважения, уверенности, примитивизация поведения (сокращение поведенческого репертуара).

Большинство стрессовых чувств, эмоций можно разделить на две группы – страх и гнев (разного уровня интенсивности). Страх проявляется в тревожности, беспокойстве,

чувстве вины, самоедстве, боязни конкретных ситуаций, чувстве беспомощности, безысходности. Гнев порождает раздражительность, обиду, зависть, злость, месть, ненависть.

По характеру индивидуальных реакций людей на стрессовые факторы выделяют два психологических типа. Они характеризуются следующими особенностями. У первого типа выявляется большая уязвимость перед стресс-фактором, низкий стрессовый порог. Показатели работоспособности и самочувствия снижаются даже при небольшой интенсивности стресс-фактора. Этому типу присущи склонность к конкуренции, борьбе, высокий уровень притязаний, стремление быть всегда на высоте, завышенные требования и нетерпимость по отношению к окружающим. Для второго психологического типа характерна меньшая подверженность влиянию стресс-факторов, высокий порог к стрессам, склонность к компромиссу, способность быстро адаптироваться к ситуации (гибкое, разнообразное поведение), способность к самоанализу (умение анализировать проигрыш), спокойное и разумное отношение к другим.

В контексте вышесказанного остановимся на понятиях «стрессоры» и «потребности». В каждой ситуации человек реализует (сознательно или бессознательно) ту или иную потребность, намерение. При благоприятных условиях потребность реализуется насыщаясь, «растворяясь», теряя свою актуальность. Человек получает возможность «строить» новые потребности. Стресс-факторы срывают благоприятный цикл зарождения, насыщения, «растворения» потребности. На психику человека негативно влияют нереализованные намерения, планы, желания. Стрессогенными являются не сами по себе события (ситуации, личностные особенности), а связанные с ними препятствия для реализации человеком значимой потребности, утрата достигнутой жизненной позиции.

Существует несколько моделей поведения человека в стрессовой ситуации в зависимости от его реакций на стрессор. Так, негативные эмоции, вызванные стрессором, повышают вероятность импульсивных, автоматических реакций, деструктивных ответов на ситуацию. Человек становится рабом

своих эмоций. («Я» – не хозяин своего поведения, «эмоции ведут меня»). В этом случае человек действует в рамках автоматизированного поведения. У такого человека можно наблюдать следующие деструктивные реакции: агрессию, неоправданные уступки, уход от ситуации, обесценивание ее, заикливание на негативных чувствах, регрессию. Человек сам не выбирает ответную реакцию. За него это делает эмоция. Эмоция автоматически вызывает реакцию.

Конструктивное поведение можно представить схематически ««Я»–ситуация». При этом человек выходит из состояния, когда его «ведут». Его поведение становится обдуманным, учитывающим поступающую информацию. Нет деструктивного влияния негативных эмоций. Человек сам начинает активно влиять на ситуацию, проясняет ее и свои взаимоотношения с вовлеченными в нее людьми.

В тренинговых и коррекционных занятиях с поведенческими реакциями работа ведется в двух направлениях: через осознание участниками тренингов, семинаров неконструктивного поведения, коммуникативной некомпетентности; отработку конструктивных навыков в режиме «здесь и теперь».

Практическая реализация нашего теоретического исследования проблемы стресса нашла отражение в программе занятий «Стресс и стрессоустойчивое поведение», проводимых совместно с психологами Центра психолого-педагогической поддержки и реабилитации г. Королева. Значимая роль в программе отводится освоению методов релаксации и снижению стрессовых реакций (ступора, двигательного возбуждения, страха, агрессии). В процессе тренинга дается установка на принятие возможной неудачи и программирование успеха. Используются эффективные методы изменения мышления и современные технологии психологической защиты, в основе которых – приемы, мобилирующие адаптационные резервы организма в целях преодоления ситуации разрушающего стресса. Для абитуриентов, студентов, молодых специалистов особенно актуален тренинг «Учимся сдавать экзамены». Его цель – психологическая подготовка к сдаче экзаменов, зачетов с наименьшими эмоциональными

потрясениями, тренировка психологической устойчивости и овладение приемами эффективного распределения внимания, улучшения памяти, активизации мышления.

Совместно с врачом-психотерапевтом Центра психологической реабилитации «Исток» г. Москвы С.Л. Шарминой разработана и успешно реализуется обучающая программа «Экстренная психологическая помощь и профилактика посттравматических расстройств (ПТСР)». Программа адресована педагогам, психологам и другим специалистам, работающим с детьми и подростками и призванным оказывать экстренную психологическую помощь. Программой предусмотрен курс лекций и практических занятий. В лекционном курсе рассматриваются психофизиологические проявления острого стресса и его влияние на жизнедеятельность, особенности адаптации и психологическая помощь в период преодоления посттравматических стрессовых расстройств (сверхсильный стресс, отсроченный во времени стресс и т.д.). Большое внимание уделено теории развития ПТСР и ее психофизиологическому отличию от острого стресса.

Особое место в данном лекционном курсе отводится проблеме взаимосвязи ПТСР и суицидальных намерений у детей и подростков, взаимозависимости внутриличностных конфликтов и предсуицидальных поведенческих реакций, а также системе долгосрочной психологической поддержки и психотерапии при суицидальных намерениях.

Не менее пристальное внимание создателей программы обращено на проблему детей и подростков «между миром и войной». Намечены пути и методы психологической помощи при адаптации человека, побывавшего в зоне боевых действий, к жизни в мирных условиях; особенно остро поставлены акценты проблемы «детей катастроф» и влияние длительных страхов на психологическое развитие детей и подростков.

На практических занятиях преподаватели, психологи познают пути коррекции эмоционального стресса, технологии психологической защиты, контроля и управления поведением в условиях острого стресса и дистресса (отсроченного стресса).

Освоение современной психодиагностики острого стресса и посттравматических реакций дают участникам семинаров и лекций возможность своевременно на должном уровне анализировать и классифицировать эмоциональные расстройства в соответствии с основными диагностическими стандартами европейских стран (МКБ-10). Осваиваются следующие диагностические методики ПТСР у взрослых и их модификации для детей и подростков: «клиническое интервью», «шкала влияния травматического события», «миссисипский опросник ПТСР», «Родительская анкета оценки травматический переживаний».

Библиографический список

1. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. – СПб.: Питер, 2001. – 268 с.
2. Тарас А.Е. Психология экстремальных ситуаций / А.Е. Тарас, К.В. Сельченко. – Минск: Харвест, 2000. – 475 с.
3. Самоукина Н.В. Экстремальная психология / Н.В. Самоукина. – М.: Эксмо, 2000. – 281 с.
4. Пушкарев А.Л. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия / А.Л. Пушкарев и др. – М.: Институт психотерапии, 2000. – 110 с.
5. Сандомирский М.Е. Защита от стресса / М.Е. Сандомирский. – М.: Институт психотерапии, 2001. – 314 с.
6. Ксандария В. Тренинг по управлению стрессом / В. Ксандария. – М.: Эксмо, 2002. – 268 с.
7. Киришбаум Э. Психологическая защита / Э. Киришбаум, А. Еремеева. – М.: Смысл, 2000. – 175 с.
8. Гремлинг С. Практикум по управлению стрессом / С. Гремлинг, С. Ауэрбах. – СПб.: Питер, 2002. – 231 с.
9. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь / А.В. Гнездилов. – СПб.: Речь, 2002. – 161 с.
10. Бодров В.А. Информационный стресс / В.А. Бодров. – М.: Персе, 2000. – 322 с.
11. Тушканова О.А. Психологическая подготовка к экзаменам, выступлениям, ответам на уроках / О.А. Тушканова. – Волгоград: Центр психологии, 2001. – 65 с.
12. Шапиро Ф. Психотерапия эмоциональных травм с помощью движений глаз / Ф. Шапиро. – М.: Класс, 1998. – 486 с.
13. Пчелинцева Е.В. Коррекционно-профилактическая работа с дошкольниками, пережившими насилие / Е.В. Пчелинцева. – М.: Гном, 2000. – 31 с.
14. Ташаева А.И. А я не боюсь! Профилактика страха медицинских процедур у детей / А.И. Ташаева, С.В. Гриднева. – М.: Генезис, 2002. – 75 с.
15. Менделл Д. Групповая психотерапевтическая работа с детьми, пережившими сексуальное насилие / Д. Менделл, Л. Дамон. – М. Генезис 2000. – 155 с.

СОЛО ДЛЯ ЧАСОВ С БОЕМ
(история одного стихотворения)

А.М. ВОЛОБАЕВ, *проф., зав. кафедрой МиОК, директор музея МГУЛ*

М.В. Исаковский

ПРИПОМНИМ, ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ
(*посвящается N-скому заводу*)

Сегодня, на празднике людном,
Мы с вами припомним, друзья,
Как двигалась в путь многотрудный
Рабочая наша семья;

Как вдаль – по полям, по откосам,
По длинной дороге степной –
Пошли, потянулись обозы
На целые версты длиной.

Но в наши дома оголтело
Вломились фашистские псы,
И родина нам повелел
Готовить иные часы –

Как смертью враги нам грозили,
Как шли в Подмоскovie бои,
Как мы под бомбежкой грузили
Станки заводские свои;

Весь свет застилала пороша, –
Пройдешь – и не видно следов...
И все же мы вынесли ношу,
В которой сто тысяч пудов;

Часы со смертельным заводом
Для тех, кто пошел на грабеж,
Для тех, кто над нашим народом
Занес окровавленный нож;

Как, сидя в теплушках на сене,
Глядели мы в сумрак ночной,
Как где-то в тумане осеннем
Остался наш город родной...

И все же – хоть тяжело нам было –
Спасли, отстояли завод.
И вот он – на полную силу
Работает, дышит, живет!

Часы для злодеев матерых,
Что кровь неповинную льют,
Часы, после боя которых
Враги никогда не встают.

Припомним, друзья и подруги,
Расскажем без всяких прикрас,
Какие свирепые вьюги
На пристани встретили нас;

Товарищи, вспомним об этом
И будем тверды до конца!
И пусть торжествующим светом
Наполнятся наши сердца;

Так что же, друзья и подруги, –
Пусть будет работа дружна!
Пусть наши проворные руки
Похвалит родная страна;

Как в старой нетопленной школе
Мы жили у мертвой реки,
Как сердце сжималось от боли,
Что снег заметает станки;

Пусть душу согреет сознание,
Что мы ни на шаг, ни на миг
В суровые дни испытанья
Не сдали позиций своих;

Пусть станет убийцам грозою
Советский завод часовой,
Пусть плачут кровавой слезою
Они над своею судьбой;

Что к ним не придут пароходы
Ни с этой, ни с той стороны,
Что дальше нам не было ходу,
Быть может, до самой весны...

Что мы никому не давали
Позорить рабочую честь
И что в фронтовом арсенале
И наше оружие есть,

Пусть ночи встают гробовые
Над тем, кто нацелился в нас,
Пусть наши часы боевые
Пробьют его смертный час!

1942

Припомним, друзья и подруги,
Как ночи и дни напролет
По той незнакомой округе
Искали мы с вами подвод;

И наше грохочет громами
В годину великой войны...
Когда-то мы делали с вами
Часы для советской страны;

Как тяжело тащили на сани
Железную грузную кладь, –
Тащили и падали сами
И, вставши, тащили опять;

Когда-то в уюте квартирном,
В спокойные ясные дни,
На стенах, на столике мирном
Секунды считали они.

К началу Великой Отечественной войны Пушкино уже 16 лет числился городом, но, похоже, не подозревал об этом. Был он «тихий, весь в садах» и соснах. Тишина нарушалась редкими свистками маневровых паровозов, отчего вздрагивали лошади у деревянных коновязей по периметру рынка. Практически весь город был «деревянный», из деревянных домов, заборов, телеграфных и электрических столбов, лавочек, скворечников и прочей древесной мелочи. Деревянными, естественно, были и двухбашенный летний кинотеатр, почта, роддом, танцплощадка и начальная школа.

Деревянным был и трехподъездный двухэтажный дом на 2-ой Домбровской улице, построенный в 1934 г. из отборных бревен «отборными» мастерами, хотя мастеров можно было бы и не отбирать, ибо он принадлежал московскому деревообрабатывающему заводу треста «Точмех» («Точная механика»).

Отбраковка дерева на заводе была строжайшей, ибо требовались высочайшие точность и качество отделки для корпусов морских хронометров, палубных и шахматных часов, футляров для геодезических и других приборов, готовален, и, конечно, «обычных» часов: настенных и настольных, напольных и ходиков (после войны добавились корпуса телевизоров «Рубин» и магнитофонов «Яуза»). Заказчиками были известные московские заводы: 1-й и 2-й часовые, «Авиаприбор», «Геофизика», завод Счетно-аналитических машин (САМ).

Жил в этом доме и Михаил Архипович – главный инженер завода («Главный», как будем его называть). Выпускник Киевского Лесотехнического института, прошедший аспирантуру в Московском ЦНИИМОД, стал опытным научным работником и производственником, которому перед войной по приказу наркома лесной промышленности С.С. Лобова было дано секретное задание – организовать на Красносельской мебельной фабрике цех по производству авиационных деревянных винтов. Сложнейшая работа, включающая проект реконструкции, заказ необходимого оборудования, испытание изделий в знаменитых ЦАГИ и ВИАМе, была

выполнена всего за год, на месяц раньше установленного срока. Как пригодилось все это при производстве боевых самолетов и аэросаней в годы войны! (Насколько это сложная и «научеёмкая» продукция, можно понять, взглянув на такой винт, хранящийся в Московском государственном университете леса).

Все мобилизационные планы были нарушены из-за катастрофы первых дней войны. Только вооружением и боеприпасами можно было спасти фронт – и Московия, и вся страна его спасли.

Двадцать предприятий было подключено к выпуску автоматов; головным стали ЗИЛ и завод «Искра» (уже в 1943 г. Жукову и Василевскому вручили московский миллионный автомат ППШ); котельный завод начал производить двухтонные авиабомбы. Пятьдесят предприятий по кооперации обеспечили выпуск на заводе «Компрессор» знаменитых «Катюш». В их числе был и деревообрабатывающий завод, ставший номерным в системе Наркомата вооружения СССР (произведенные Москвой 34 млн снарядов и мин, гранаты, взрыватели, автоматы требовали специальной тары, упаковки, так называемой укупорки, в том числе и для реактивных снарядов).

Но главной, особо секретной продукцией деревообрабатывающего завода были изделия, значившиеся в документации как «технические будильники».

... Уже на второй день войны заместитель наркома вооружения В.П. Андреев отдал приказ изготовить в течение недели (полуторагодовое задание) деревянные корпуса необычных, особо точных «будильников» – мин замедленного действия.

Нельзя сказать, что на заводе до войны не было крупносерийного производства. Одних корпусов для настенных и настольных часов выпускали до 200 тысяч, а для ходиков – около 4 млн штук в год. Но такое задание и в такие сроки?! Ведь уже в первые дни войны направились в армию заводские рабочие. Ушла в народное ополчение целая колонна рабочих-деревообработчиков и инженерно-технических работников – профессионалов высокой квалификации. Оставшиеся сроч-

но освобождали цеха от задела гражданской продукции. Это был огромный запас деталей, который удалось полностью сохранить, законсервировав его... в клубе (что после войны оказало неоценимую помощь в возобновлении «гражданского» производства).

22 июля 1941 г. начались налеты вражеских самолетов на Москву. Осветительные ракеты висели над заводом. Ни одна бомба в завод не попала.

Под бомбами, ежедневно и еженощно выпускалось огромное количество продукции – и в первую очередь корпуса мин замедленного действия.

Изготовленные изделия заполняли территорию заводского двора, тротуар, а иногда даже проезжую часть Большой Семеновской улицы. По ночам все это увозилось грузовыми трамваями и машинами на заводы-заказчики.

Враг подходил к Москве.

12 октября в один день по обе стороны фронта – в Москве и Берлине – увидели свет два приказа.

Москва. Принято решение о срочной эвакуации 500 заводов Москвы и Московской области, специалистов и высококвалифицированных рабочих.

Не была проведена разъяснительная работа – и на автозаводе, артиллерийском, на 2-м часовом рабочие препятствовали эвакуации, считая это предательством и дезертирством. На шоссе Энтузиастов они организовали заслон, не пропуская идущие на восток машины.

Берлин. «Группе армий «Центр» передано Указание о порядке захвата Москвы... Верховное главнокомандование приказало: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Так же, как в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. То, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего бойца, объявлено по русскому радио».

В ночь на 19 октября было принято окончательное решение защищать Москву.

Последние месяцы 1941 г. были самыми тяжелыми. Предприятия перестали выда-

вать продукцию «на старых местах», но не были восстановлены в тылу страны, поэтому эвакуация заводов по выпуску боеприпасов осуществлялась по жесточайшему графику.

По решению Государственного Комитета Обороны в октябре-ноябре 1941 г. 2-й часовой был эвакуирован вместе с деревообрабатывающим заводом, его оборудованием и специалистами (в том числе из Пушкино) в Татарстан, в город Чистополь на Каме.

Чистополь был таким же небольшим и тихим, как Пушкино, с тем же статусом районного центра, но в 90 км от ближайшей станции железной дороги и в 142 км от Казани.

И вот эта «география» «в союзе» с ранними и сильными морозами осени едва не сорвали важнейшее правительственное задание. Волга и Кама замерзли, пароходы со стратегическим оборудованием и людьми уже не могли пробиться к городу. А это полторы сотни вагонов. Небывалые снежные заносы напрочь исключили возможность использования автомашин.

Выручил, как всегда, извечный российский вид транспорта. Вывезли все, что можно было, на санях, запряженных лошадьми. Совнарком Татарии обязал обозы, доставлявшие в Казань продовольствие и мобилизованных в армию, загружаться на обратном пути «военными грузами». Не смогли вывезти лишь тяжелое оборудование, которое было доставлено по Каме весной.

И возник «квартирный» вопрос: где размещать оборудование и людей. А прибыло из Москвы около 700 человек. Предприятия в Чистополе были небольшие – судоремонтное, ремонтно-механическое, мебельная фабрика, ликеро-водочный завод. Самой подходящей для прибывшего московского завода была бы мебельная фабрика, но она уже была загружена заказами для фронта. ГКО предложил занять цеха... ликеро-водочного. Но секретарь райкома партии просил хотя бы частично сохранить «винное» производство – основной источник поступления средств в местный банк («утром водку изготовим, в полдень продадим, вечером зарплату госпиталям выдадим»). Главный согласился, территорию и производственные площади поделили «по-братски».

В главном корпусе, освобожденном от ликеро-водочного конвейера, установили станки, лесосушильные камеры, экаустерную систему. В неотапливаемых помещениях при сильных морозах невозможно было устроить бетонные фундаменты – их заменили рамами из деревянных брусьев. А каково было людям, работавшим по 11 часов, в две смены! В одном только деревообрабатывающем цехе требовались 350 человек – и брали мальчишек допризывного возраста, молоденьких девчушек и пожилых женщин, колхозников, эвакуированных из оккупированных районов.

Очень сложно оказалось найти для людей крышу над головой... Дело в том, что отправившийся из Москвы в темноте под бомбежкой прибыл в Чистополь 6 августа необычный, забитый людьми «литературный» пароход. Московский Литфонд писателей СССР эвакуировал таким образом писателей (стариков и инвалидов) и их семьи. Вначале вновь прибывших разместили в здании педучилища, превращенном в общежитие, а затем им пришлось снимать комнаты «в частном секторе». В избах, несмотря на хорошее отношение хозяев, удручала грязь; набережная Камы была сплошным болотом, через которое только в некоторых местах были перекинуты доски. Лишь в центре стояло несколько каменных зданий.

Площадь перед горсоветом была местом, где была черная радиотарелка, где встречались, чтобы узнать местные новости и, самое главное, вести с фронта, в конце августа 1941-го весьма неутешительные. В горсовете, в парткабинете, заседал Совет Литфонда, возглавляемый Асеевым и Трениным, решавший все «писательские», в основном бытовые, вопросы.

Сюда, в Татарию, на свою погибель, попала и великая русская поэтесса Марина Цветаева, с 16-ти летним сыном. После гибели мужа Сергея, ареста дочери Али даже ее силам пришел конец. Доконали ее отношения с сыном, война, эвакуация, безысходная нищета, новые унижения – ей было предписано жить в Елабуге, которой она страшилась и ненавидела. «Если меня не пропишут в Чистополе, я умру. Брошусь в Каму Тут, в Чистополе, люди есть, а там никого. И тут хоть

в центре каменные дома, а там – сплошь деревня». Совет Литфонда, благодаря Асееву, Квитко, многим другим (и вопреки Тренину), дали «добро» на чистопольскую прописку, но было поздно. И если некоторые известные литераторы, недолго пожив в Чистополе, в конце октября отбыли через Казань в отнюдь не «хлебный», военный Ташкент (Ахматова, Чуковская, Квитко, присоединившиеся к ним Маршак, Пастернак, Федин, Фадеев)), то Марина Цветаева осталась лежать в безымянной могиле елабужского кладбища на отлогом, почти лесистом камском берегу.

А жизнь в Чистополе продолжалась...

Как более денежный народ, нежели заводчане, проживающие в Чистополе литераторы невольно подняли цены на базаре. Стоимость пуда муки – 2 тысячи рублей, например, соответствовала зарплате Главного. Жить пришлось ему первое время в гостинице, при сильнейших морозах, почти не отапливаемой, что при плохом питании и большой физической и моральной нагрузке сыграло-таки свою роль: 35-летний Главный заболел туберкулезом, но продолжал руководить производством «технических будильников» до осени 1944 г.

Спасением для рабочих стало регулярное выполнение и перевыполнение плана – они смогли получать до двух окладов в месяц, что было существенным подспорьем при довольно низких зарплатах. Выдавались также рабочие карточки и итээровские талоны. Дети и «иждивенцы» получали тогда 400 г хлеба в день, по 400 г жиров и сахара, по 800 г рыбы или мяса в месяц.

Благом стали и организованные Главным заводские огороды в двух местах – на территории завода, где был водопровод для полива, и на берегу ручья. Требовали они много трудов и времени, но и урожаи были отличными – ведрами собирались огурцы и помидоры; часть овощей меняли у рыбаков на рыбу.

Но не хлебом единым жив человек. «Соседство» с писателями оказалось полезным, они часто выступали на заводе, а жена поэта Исаковского, хороший врач, заведовала заводской поликлиникой. В тяжелых условиях людей выручало чувство локтя, чувство общности; их связывали удивительно добрые, почти семейные отношения. Беседы Главного

о положении на фронтах проходили в доброжелательной и доверительной атмосфере. Была вера в победу – и была Победа.

О днях суровых испытаний в поэтической форме поведал стране поэт Михаил Васильевич Исаковский. Конечно, это не самое лучшее с поэтической точки зрения стихотворение автора «Катюши», «В прифронтовом лесу». «Ой, туманы мои», «Снова замерло все до рассвета...», «Враги сожгли родную хату». Но не надо забывать, что написано оно и опубликовано в «Правде» в один из предпраздничных военных дней, 2 ноября 1942 г. – и здесь не столько «поэтический», сколько «политический» момент. Посвящено оно Н-скому заводу. Теперь мы знаем: это два «братских» московских завода № 835 – Второй часовой и № 847 – Московский деревообрабатывающий.

И глядя на мирно тикающие в Вашей квартире старые часы, может быть, вспомните Вы и эту историю.

P.S. А Главный – это мой отец

Библиографический список

1. Волобаев, М.А. Воспоминания. Рукопись из семейного архива. 90-е годы XX века.
2. Волобаев, А.М. Технические будильники / А.М. Волобаев // Лесная газета. – 4 мая 1995 г.
3. Исаковский, М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2 (1941–1953) / М. Исаковский. – М.: Художественная литература, 1956. С. 31–33.
4. Избранное Лидии Чуковской. – М. – Минск, «Горизонт» и «Аурика», «Предсмертие», 1997. С. 341–368.
5. Чуковская, Л. Записки об Анне Ахматовой Книга 1. 1936–1941. / Л. Чуковская. – М.: «Книга». – С 191–194.
6. Цветаева, А. Воспоминания / А. Цветаева. – М.: Советский писатель, 1984. – С. 714–761.

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Н.И. МАТЯШ, *проф. каф. МуОК МГУЛ, канд. ист. наук*

Николай Яковлевич Данилевский (1882–1885) является одним из выдающихся представителей движения развития культурологической мысли в России XIX в. Обладая необычайно многогранной научной эрудицией как в области общественного, так и естественнонаучного знания, он не подвергся влиянию авторитетов, научных догм, сложившихся методологических схем. Его учение самобытно и уникально. Монументальный труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1871) – крупнейшее в мировой науке историко-социологическое и культурологическое исследование, идеями которого пользовались многие известные западные ученые, среди которых были Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби.

Следует отметить, что развитие культурологической мысли в России было особенным. Прежде всего, культура России не имела такого мощного культурного фундамента, каким была античность для западной культуры. Во-вторых, духовные основы русской культуры определялись православной традицией восточной ветви христианства, что сказалось

на ее развитии. В-третьих, формирование Русского государства было полиэтничным, т.к. объединяло разноплеменные народности. По этой же причине, в-четвертых, идея соборности была главной духовно-нравственной доминантой русской культуры, приоритет которой был закреплен 200-летней борьбой с монголо-татарским игом. Поэтому постоянный поиск русской национальной идеи на каждом историческом этапе развития составлял суть феномена русской культуры, а духовно-нравственная компонента усиливала ее самобытность. В-пятых, после реформ Петра I в условиях становления и развития новой, светской культуры, сориентированной на диалог с западной, возникла проблема поиска культурной идентичности. Эта проблема вызвала в начале XIX в. известную дискуссию между «западниками» и «славянофилами», повысив тем самым интерес к культурологическим проблемам вообще и к проблемам российской культуры в частности. Все эти факторы способствовали появлению в России культурологических концепций как «западного образца», так и возникших на российской почве.

Разделяя в целом позицию западных культурологов – сторонников циклического развития, т.е. видевших в развитии культуры историческую смену «локальных», «замкнутых» цивилизаций, Н.Я. Данилевский выделял в этом процессе наиболее значимые типы цивилизаций, которые он расположил в следующем порядке: 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский или древнесемитический; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) новосемитический, или арабийский; 10) германо-романский, или европейский. Выделение в мировой культуре обособленных культурно-исторических типов со специфическими чертами в религиозной, нравственной, научной, художественной, технической, политической и экономических сферах дало возможность Данилевскому построить *естественную систему истории*. Причем в этом естественном развитии цивилизаций каждая отличалась своей шкалой ценностей и духовных смыслов.

Для более полного осмысления этого процесса автор научного труда «Россия и Европа» разрабатывает теорию *культурно-исторических типов*. В частности, он отмечал, что существуют культурно-исторические типы, которые «зарождаются», выходят на историческую арену, достигают периода цивилизации и угасают, подобно процессам, происходящим в природе (весеннее цветение, период роста летом и осеннее плодоношение). Все виды культурной деятельности носят отпечаток своей национальности. Движущей силой развития культурно-исторического типа является «исторический инстинкт» («народное начало», душа культуры, «общественные творческие силы»), наличие или отсутствие которых не зависит от народа.

Опровергнув как ненаучную теорию линейного поступательного «прогресса», Н.Я. Данилевский показал, что культурно-исторические типы развиваются во всем своем многообразии параллельно. При этом каждый тип имеет свою самобытность, свое историческое предназначение и свою самоценность, независимо от достигнутого им уровня технического развития. Формулируя закон непередаваемости культур, Данилевский от-

мечает, что для конкретного культурно-исторического типа использование достижений других предшествующих или современных культурно-исторических типов может без ущерба осуществляться только в отношении «плодов» их технического развития. Использование из области духовных основ другого культурно-исторического типа явится чужеродным, разрушающим духовные основания, поведет к гибели самобытной и уникальной цивилизации. Согласно Данилевскому, «каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решить, свою идею, свою отдельную сторону жизни, которые стремится осуществить – задачу, идею, сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличнее сама национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях» [1, С. 20]. Так, естественной закономерностью является наблюдаемое в истории явление, когда вхождение или слияние одного историко-культурного типа с другим приводит к исчезновению одного из них или обеих этих частных цивилизаций.

Н.Я. Данилевский также доказывал, что наша цивилизация будет существовать лишь до тех пор, пока будут существовать культурно-исторические противовесы, и как только этих противовесов не станет, как только исчезнет разнообразие, наступит черед государства, которое не обладает жизненной силой и обречено на скорую гибель. Сохранение самобытности и разнообразия культурно-исторических противовесов выступает как условие жизнеобеспечения земного бытия человечества. В связи с этим отрицал всякие попытки создания общей теории устройства гражданских и политических обществ, отмечая качественное различие между народами, доказывая, что не существует политического, экономического или духовного идеала, пригодного во все времена и для всех народов, что все явления общественного мира – это явления национальные. «Понятие об общечеловеческом не только не имеет в себе ничего реального и действительного, – отмечал Данилевский, – но оно уже, теснее, ниже понятия о племенном или народном... Желать быть общечеловеческим – значит желать довольс-

твоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности» [1, С. 122]

Поскольку различные культурные миры, в представлении Данилевского, строятся на совершенно различных началах, хотя вместе с тем все величайшие открытия и достижения прошлого были сделаны не одной нацией или одним культурно-историческим типом, а в результате совмещения отдельных усилий, достижения которого наследовались, ученый дает радикально новое осмысление культурно-исторической преемственности и прогресса. Если традиционно историко-культурный процесс рассматривался как прямолинейное восходящее развитие, то, по мнению Данилевского, жизнь истории связана с постоянной сменой культурно-исторической деятельности: «Исторический прогресс состоит не в том, чтобы идти все время в одном направлении, а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях» [1, С. 109]. Это определение не только фиксирует логический ход мировой культуры, но и указывает на его субстанциональную основу. Бесконечное развитие в одном и том же направлении невозможно и бесплодно, так как лишает человеческий род «одного из необходимых условий успеха и совершенствования – элемента разнообразия» [1, С. 426]. У развития, которое представляет собой совершенствование в какой бы то ни было области, есть свои естественно-исторические пределы, объясняемые невозможностью непрерывного нарастания усложнения.

Морфологический строй каждой существовавшей в историческом прошлом культурно-государственной целостности самобытен и оригинален; цели, преследуемые народами в истории, разнообразны. Поэтому опасны попытки повторить или превзойти достижения канувших в вечность народов, каждый из которых исполнил свою миссию. Культурно-историческое бытие каждого народа – лишь одна из ослепительно сверкнувших граней бытия, и перед вступившими на историческую арену народностями открываются бесконечные возможности творения и созидания нового как реализации своего собственного духа.

Заслугой Н.Я. Данилевского является также выделение наряду с известными типами цивилизаций славянского культурно-исторического типа, при этом выделяется ведущая роль России, русского народа, что не было отмечено ни одним западным культурологом. Будучи «славянофилом» по своим взглядам, он призывал бережно сохранять национальную самобытность русского культурно-исторического типа, не поддаваться, как он выражался, «европейничанью», идущему еще от реформ Петра I, искажения на иностранный лад форм быта: образа жизни, одежды, устройства домов, домашней утвари и т.д. В своей книге «Россия и Европа» Данилевский выделял три разряда такого «европейничанья»:

1. Искажение народного быта и замена его формами чуждыми, иностранными.

2. Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву с мыслию, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо.

3. Взгляд как на внутренние, так и на внешние вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения [1, С. 226].

Указывая на опасность космополитизма в истории и особенно на усиливающуюся тенденцию навязывания Западом всему миру собственного цивилизационного пути, собственных ценностей, выдаваемых за общечеловеческие, Н.Я. Данилевский искренне стремился к тому, чтобы Россия отказалась от поверхностного подражательства и сохранилась как самостоятельная, самобытная страна. Полвека спустя другой русский мыслитель И.А. Ильин также утверждал, что «нет и не может быть единой государственной формы, которая оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически зиждательное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху, при каком-то климате, темпераменте, хозяйстве может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа и Америка, не знаящие Россию, *не имеют ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы...*» [2, С. 204]

Современная социокультурная ситуация как в мире, так и в России подтверждает справедливость и актуальность многих науч-

ных выводов и обобщений, сделанных Н.Я. Данилевским. Такие проблемы современности, как усиливающиеся тенденции глобализации не только в области технических достижений, но и в политике навязывания стандартных форм политической и культурной жизни, пренебрежительное отношение к развитию многочисленных национальных форм культуры и сохранению на этой основе полиэтничности культурных процессов, активное вмешательство более развитых стран во внутреннюю жизнь стран менее развитых в экономическом отношении, но богатых своими культурными и духовными традициями – все это в конечном итоге прогнозировалось великим русским ученым. Осталась все та же подозрительность и неприязнь к России со стороны Запада. «Европа не признает нас своими, – писал Данилевский. – Она видит в России и в славянах вообще

нечто ей чуждое, а вместе с тем и такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... [1, С. 40] Ученый писал и о политике двойных стандартов, когда разразился политический кризис на Балканах. Эта политика осталась неизменной и в наши дни.

Н.Я. Данилевский был, как уже отмечалось, многогранным ученым, а потому умел мыслить нестандартно, альтернативно, прозорливо. В этом заключалась сила и привлекательность его убеждений, его научных изысканий, которые обогатили культурологическую мысль России.

Библиографический список

1. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991.
2. Ильин, И.А. Наши задачи / И.А. Ильин: собр соч. Т.2. Кн.1,2. – М., 1993.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

А.С. АГАФОНОВА, доц. каф. МуОК МГУЛ, канд. искусств. наук

Отечественная культура на протяжении многих веков сохраняет традиции. Это и языческие основы, и связь с православием, и меценатство, и народность. К «народности» можно отнести то, что много деятелей нашей культуры вышло из самых низов, и то, что больше ни в одной стране мира нет столько народных промыслов.

Народная культура всегда была тесно связана с условиями конкретной местности. Поэтому в тех населенных пунктах, где много глины, развивалось гончарное искусство, а в районах, где растет лен, – ткачество и прядение. Причем в изготовлении продукции участвовало все крестьянское население этих районов. Проследим это на примере Хохломы. Почти все жители города Семенова Нижегородской области, начиная с 17 в., были заняты изготовлением крашеной лаковой посуды. В газете «Нижегородские губернские ведомости» за 1855 г. есть запись: «Деятельность в Хохломской волости необыкновенная. В одних деревнях приготавливают баклуши (заготовки), в других из баклуш точат чашки, в третьих их красят» [1]. Известно, что были целые селения ложкарей, снабжав-

ших ложками всю Россию. В округе Семенова в 1870 г. производством ложек было занято 20 тыс. человек. А о размахе выпуска изделий свидетельствуют следующие цифры: «На торги в 1797 г. здесь было выставлено чашек крупных, средних и мелких 550 тыс., стаканов 100 тыс., ложек кленовых, березовых, осиновых – 800 тыс., блюд осиновых мелких 300 тыс.» [2]. То есть народное творчество было источником пропитания для крестьянского населения.

В какой-то степени развитию народного творчества способствовало зависимое положение крестьян, крепостное право. Боярин или дворянин выступал в роли заказчика. В результате подобных заказов было создано множество произведений декоративно-прикладного искусства, к коим относятся народные промыслы. Так, например, читаем в грамоте боярина Б.И. Морозова за 1659 г.: «Да взять бы вам со всех моих нижегородских и орзамаских вотчин со всех крестьян сто блюд сковоротчетых красных и на оловянное дело, больших и средних, таких же, как прежде сего имывалось, да двадцать братин больших красных» [3]. Хотелось бы обратить внима-

ние, что блюда и братины – посуда праздничная, поэтому отправлявшаяся в Москву к видному государственному сановнику должна была обладать высокими художественными достоинствами.

В России с незапамятных времен существуют промыслы, связанные с вышивкой. Это «Мстерская вышивка», «Нижегородский гипюр», «Кадомский вениз», «Елецкие кружева» и многие другие. И немало шедевров русской вышивки было создано крепостными мастерицами. П.С. Шереметев в статье «О русских художественных промыслах» пишет: «В селе Остафьево, Подольского уезда Московской губернии у жены поэта князя П.А. Вяземского, прабабушки моей, княгини Веры Федоровны, рожденной княжны Гагариной, жила с 1811 г. много лет в доме бывшая ее крепостная Лиза, ставшая Елизаветой Савостьяновой, искусная мастерица, обучавшая девочек английскому шитью» [4]. Он же вспоминает, что графиня Анна Семеновна Шереметева устроила в своем селе Уборы Звенигородского уезда женскую рукодельную мастерскую, а вещи, сделанные там, продавались.

Некоторые народные промыслы выходили за пределы только крестьянского творчества и становились крупнейшими предприятиями. Так, Федоскино, село Мытищинского района, в XVIII в. превратилось в самую известную фабрику лаковых изделий Подмосковья. Первоначально здесь производились лакированные козырьки к армейским каскам, затем фабрика перешла к выпуску модных табакерок, которые, в силу всеобщего ими увлечения, требовались в неимоверно больших количествах для людей разных сословий. Специалист по лаковой живописи в России Ирина Николаевна Уханова пишет, что «в 1804 г. федоскинской фабрикой было выпущено на продажу 13 420 табакерок, украшенных живописью» [5]. Или Гжель, о которой впервые упоминается в 1328 г. В 19 в. гжельский промысел был центральным в России в производстве фарфорово-фаянсовых изделий. И до настоящего времени является одним из самых «знаковых символов» страны.

По нашему наблюдению, развитию и сохранению традиций народных промыслов в разное время способствовали:

– поддержка царской власти, правительства. Например, для стимулирования развития русских промыслов, занимавшихся выпуском лаковой продукции, правительство издавало специальные указы в их поддержку. Некоторые указы Петра I были связаны с открытием «лакирных» мастерских. В постановлении 1822 г. читаем: «бумага битая, называемая папье-маше, и всякие из оной изделия отпускаются из России без пошлины, а в Россию ввоз запрещен» [5];

– поощрение со стороны церкви. Промысел «Ростовская финифть» первоначально развивался в монастырских стенах. Он приносил монастырю (имеется в виду Спасо-Яковлевский монастырь) заметные доходы, которые шли на перестройку старых и строительство новых церквей и монастырских помещений. Долгие годы основными заказчиками на посуду промысла «Хохлома» были монастыри, которым нужна была красивая посуда для торжественных обедов, подарков и раздачи паломникам. Монастыри не случайно заказывали хохломскую посуду. Для церковной утвари трехцветие имело глубокий смысл: красный цвет означал красоту, золотой символизировал духовный свет, а черный – благодатную скорбь, очищающую душу человека. В Кадомском монастыре Рязанской области монахи научились плести венецианское кружево и на его основе создали красивейшую игольчатую вышивку – «вениз». В результате появился промысел «Кадомский вениз». К тому же некоторые промыслы были ориентированы на создание только предметов религиозного культа. Например, промысел «Палех» уже в 17 в. представлял собой 20 иконописных мастерских;

– интерес образованной части общества к национальным художественным традициям и творчеству деревенских кустарей. Княгиня М.К. Тенишева привлекала своих друзей, и вместе они ездили по русским деревням, собирали произведения народного творчества. Эта коллекция находится в усадьбе-музее Талашкино;

– переезд в город разбогатевших скупщиков, открывавших свои торговые фирмы в России и за рубежом. Так, в 1889 г. русские купцы привезли на выставку в Париж изде-

лия промысла «Хохлома». После этого стало поступать множество заказов от торговых фирм Германии, Англии, Франции, Америки. В Германии даже построили завод по имитации хохломских чашек. Благодаря скупщикам мир познакомился с новгородским промыслом «Крестецкая строчка». Этот тончайший ажур, состоящий из сложного переплетения ромбов, розеток и звезд, стали приобретать более чем в 60 странах мира. Даже в наше время английская королева имеет комплект постельного белья, вышитый руками крестецких мастериц;

– создание в 1990 г. Ассоциации «Народные художественные промыслы России» для сохранения промыслов в условиях рыночной экономики и защиты их интересов. Эта Ассоциация для поддержки талантливых людей ежегодно совместно с Международным гуманитарным фондом «Знание» и Политехническим музеем проводит смотр-конкурс «Молодые дарования».

Характерная черта народных промыслов – сочетание традиций и новаторства, рукотворность изделия и высокий профессионализм. Подстраиваясь под требования меняющейся цивилизации, промыслы сквозь века пронесли свои, только им присущие особенности, сохранили их и продолжают им следовать. Промысел «Жостово» специализировался на выпуске подносов, так как в годы распространения тракторов, первых рестора-

нов на них был спрос. В наши дни подносы больше служат предметом украшения интерьера, спрос на них не так велик, поэтому мастера стали выпускать еще и женские украшения (заколки, серьги, браслеты), сохраняя яркую цветочную живопись. В советское время мастера Палеха были вынуждены, чтобы сохранить промысел, выпускать украшения, шкатулки. Но в наши дни промысел вернулся к своим истокам: занимается реставрацией иконостасов, созданием церковной утвари. В Ростове Великом создана школа эмальерного дела, для того чтобы возродить традиции русской финифти. Таким образом, художественные промыслы являются одновременно и отраслью промышленности и областью народного творчества. Можно с уверенностью сказать, что народные художественные промыслы России – неотъемлемая часть отечественной культуры, это наши символы, а также вклад во всемирное искусство.

Библиографический список

1. Емельянова, Т.И. Золотая Хохлома / Т.И. Емельянова. – М., 2001. – С. 11.
2. Опись по делам Нижегородского наместнического правления за 1790–1797 гг. – Нижний Новгород, 1898. – С. 249.
3. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. – М., 1945. – С. 92.
4. Шереметевы в судьбе России. – М., 2001. – С. 258.
5. Уханова, И.Н. Лаковая живопись в России / И.Н. Уханова. – СПб, 1995. – С. 80, 101.

УВАЖЕНИЕ К МИНУВШЕМУ

Э.А. ДУРМАНОВА, доц. каф. МуОК МГУЛ, канд. ист. наук

Основная направленность работы кафедры – развить в юных сердцах гордость за родную страну и наш университет. На выполнение этой задачи нацелены как лекционные и семинарские занятия, так и внеаудиторная работа.

Особое место в тематике научных исследований студентов занимает патриотическая тема и, прежде всего, героизм на фронте и в тылу в годы ВОВ, а также послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства страны.

Живой интерес проявляют наши студенты к боевым и трудовым подвигам преподавателей университета: профессора Ю.В. Шелгунова, участника Сталинградской битвы; профессора Н.И. Лебедева, принимавшего активное участие в освобождении Белоруссии от гитлеровских оккупантов; профессора А.В. Вагина, участника ВОВ. В собранной студентами галерее ярких образов своих кумиров-преподавателей достойное место занимает академик ВАСХНИЛ Н.П. Анучин. В студенческих исследованиях

прослеживается его глубокая духовная связь с главным героем бессмертного романа «Русский лес» и его автором Л.М. Леоновым.

Видеофильм о развитии партизанского движения в Брянской области подготовили студенты, исследующие боевые подвиги и послевоенные научные достижения академика А.А. Пижурин, бывшего партизана-разведчика. В фильме широко использован материал его книги воспоминаний «О героическом прошлом».

Большой интерес представляет собой сообщения студентов о своих родственниках, земляках или других близких людях. Так, студент Е. Туржанский в докладе на конференции поделился воспоминаниями своего прадеда о том, как в начале 1942 года группа писателей (Н. Тихонов, С. Маршак, С. Михалков) и художники – «Кукрыниксы» передали свои государственные премии на покупку танка, экипаж которого проявил в боях чудеса бесстрашия и военного мастерства.

С большой гордостью за своих земляков-партизан рассказал студент Д. Горбач, который передал нашему музею ряд белорусских газет разных лет.

Многие преподаватели МГУЛ – частые гости и участники традиционных гуманитарных чтений, проводимых кафедрой МиОК. Так, профессор Уголев Б.Н. проводит интереснейшие беседы о роли леса в жизни нашей страны и в деле нравственного воспитания человека, о становлении Лестеха в период с 1940 по 1980 годы, об основных направлениях деятельности ведущих ученых МГУЛ, о лучших традициях студенчества.

В соответствии с темой статьи в ней далеко не полностью освещена проблематика традиционных студенческих гуманитарных чтений и научно-исследовательских конференций, проводимых кафедрой МиОК. Так, не затронуты вопросы краеведения и культуры Руси, истории искусства и народных промыслов и многие другие. Завершающий этап гуманитарных чтений и конференций – награждение авторов лучших докладов, рефератов, сообщений дипломами, книгами, денежными премиями, публикации в сборнике студенческих научно-исследовательских работ, издаваемом кафедрой МиОК.

РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I – ВЕЛИКИЙ МАГИСТР МАЛЬТИЙСКОГО ОРДЕНА

Т.Н. ШАЛДУНОВА, *ст. преподаватель каф. МиОК МГУЛ*

К1798 г. Мальтийский Орден находился в глубоком внутреннем кризисе. Но ему пришел на помощь российский император Павел I, который 16 декабря 1798 г. был избран Великим магистром Мальтийского ордена. Павел охотно возложил на себя рыцарскую мантию, корону, меч и крест, а также принял из рук мальтийских рыцарей жезл Великих магистров. К императорскому титулу прибавлялось «...и Великий магистр Ордена Святого Иоанна Иерусалимского...» [1, Д. 17].

Это событие воспринималось в Европе по-разному. Аббат Жоржель оставил следующие размышления об этом: «...Взятие Мальты неизбежно вело к крушению верховного ордена Святого Иоанна Иеруса-

лимского. Три «Языка»: Прованский, Овернский и Французский не существовали более; Итальянский «Язык» находился под властью французов-республиканцев, хозяйничавших в Пьемонте, Ломбардии, владениях Святого Престола и Неаполитанском королевстве. Молчание гроссмейстера Гомпеша, удалившегося в Триест и его упорный отказ оправдать свое непонятное поведение на Мальте, чего ждала Европа и требовали все Великие Приоры Ордена, побудили или заставили Великую Приорию Российскую предложить гроссмейстерство царю Павлу I. Принимая этот сан, государь спасал от крушения корпорацию, покрытую славой в течение нескольких веков...» [2].

По сведениям «Политического журнала», Великий магистр Мальтийского ордена фон Гомпеш, оказавшись в Триесте, вовсе не собирался просто отсиживаться там. Первое, что он сделал, отправил «Кавалера к Императору (Германскому императору) с просьбой, чтоб Его Величество назначил будущее главное место для Мальтийского Ордена», и письмо, в котором оправдывал свою сдачу острова практически без сопротивления [3]. Этот же журнал сообщает, что 29 ноября 1798 г. (по старому стилю) «Самодержец Павел I от собранных в Санкт-Петербурге Мальтийских Кавалеров Великого Приорства провозглашен в прокламации Великим магистром. Торжественные церемонии сопровождали препоручение сего достоинства Его Величеству Императору. Участие его в судьбе сего Ордена простиралось и на прежнее местопребывание онаго, на самую Мальту. Государь назначил уже состоящий из разных гренадерских батальонов гарнизон для сего острова, на который Князь Волконский назначен Комендантом» [4].

Не все монархи Европы, которые имели отношение к Мальтийскому ордену, приветствовали избрание Великим магистром католического ордена православного монарха. Уже в мае 1799 г. испанский посланник был выслан из Санкт-Петербурга из-за отказа Испанского короля признать Российского императора Гроссмейстером Мальтийских рыцарей. И он был не одинок. Возникали «затруднения, которые по исповеданию и по первоначальному учреждению сего Ордена встречаются при некоторых других католических дворах». С Испанией дело дошло до объявления войны. Правда, все остановилось только на угрозах, обмене грамотами и высылкой посланников из столиц. Уже в сентябре 1799 г. мы встречаем сообщение о том, что бывший Великий магистр барон фон Гомпеш «в формальном акте отречения предоставил оный титул Самодержцу Павлу I» [5].

В это время отношения между Орденном и Российской империей были завязаны вокруг двух Российских приорств, одно из которых было основано в 1797 г., а другое – годом позже. Первое являлось основой Великого Польского приорства и состояло из

католиков. По существу, история Ордена в России – это продолжение истории Ордена в Польше.

Конвенцией от 4(15) января 1797 г., состоявшейся благодаря влиянию графа Юлия Литты, разрешено было учредить в империи великое приорство Мальтийского ордена, причем ордену жаловались «все те отличности, преимущества и почести, коими знаменитый орден сей пользуется в других местах, по уважению и расположению государей...» [5, С. 94]. Однако российские дворяне имели особые привилегии [6].

В 1798 г. состоялся Высочайший манифест «об установлении в пользу российского дворянства ордена Святого Иоанна Иерусалимского», таким образом учреждалось Приорство для лиц православного вероисповедания. Русские кавалеры для обсуждения своих дел могли иметь особые думные собрания, в которых председательствовал Великий приор. Сан Великого Приора и командора мог быть пожалован только российским подданным. С 1798 г. Орден Св. Иоанна Иерусалимского состоял из двух Великих Российских Приорств: римо-католического и греко-католического с 98 командорствами. До этого российское приорство было присоединено к Англо-баварскому «Языку» и составляло 13 командорств. Условия приема в орден Св. Иоанна были разработаны при непосредственном участии Павла I еще в 1797 г. и включали следующие правила: вступающему необходимо было иметь дворянское достоинство, приобретенное военными подвигами и восходящее за 150 лет; вступающий обязан был произвести определенный денежный взнос в орденскую казну (2400 или 1200 польских злотых), смотря по тому, поступало ли в орден лицо в малолетнем возрасте или по достижении совершеннолетия (15 лет) [7, С. 91–125].

Для приобретения командорства требовался особый военный ценз: кавалер ордена должен был сделать 4 кампании, по 6 месяцев каждая, причем службу можно было проходить или в русских войсках, или в орденском флоте.

Представителем государя по делам ордена являлся поручик Великого магистра. Разрешено было также учреждать, «с особого

на каждый случай Высочайшего соизволения, родовые командорства» по примеру других стран. При этом звание командора передается по наследству «в роде владельца имени или других фамилий, на которые последний укажет» [1, Д. 80].

Резиденция ордена была перенесена в Санкт-Петербург, капитул ордена помещался в доме, где затем расположился Пажеский корпус. В Кронштадте снаряжался флот для завоевания Мальты. Был заключен договор с англичанами о совместном походе на остров с целью освободить его и вернуть прежнему владельцу – Мальтийскому ордену.

Можно много рассуждать о причинах, побудивших принять православного монарха титул Великого магистра католического ордена, о личности самого Российского императора. Об этом много писали как современники Павла I, так и исследователи истории мальтийских рыцарей. Среди исследователей существуют различные точки зрения на гроттмейстерство Павла I. Современники расценивали этот факт как некий курьез или как следствие психологических черт характера императора. Некоторые европейские монархи не могли понять, зачем правителю такой огромной империи титул Великого магистра, который приравнивали к титулу князя маленького германского княжества. В России воспринимали этот поступок царя как очередную прихоть.

Т. Шиман и А.Г. Брикнер в своем исследовании «Смерть Павла Первого» в начале XX в. не подвергают сомнению факт, что Павел I был сумасшедшим, и, следовательно, все его поступки необходимо рассматривать только сквозь призму психического состояния императора [8]. Трудно согласиться с такой точкой зрения на историю этого краткого царствования.

Современник Шимана и Брикнера Н.К. Шильдер считал, что всем решениям и действиям Павла I имеются вполне разумные объяснения. В частности, принятие звания Великого магистра Мальтийского ордена Шильдер объясняет романтическим характером российского императора и сложившейся международной обстановкой, хотя он и признает, что данный поступок Павла I выглядит довольно странно. Шильдер вслед за извест-

ным исследователем истории России конца XIX в. Бернгарди рассматривает Великое магистерство Павла как «послушничество (*noviciat*), в котором дворянство всех европейских государств должно было почерпнуть чувства чести и верности, необходимые ему для того, чтобы противиться воцарению идеи равенства, которая уже готова была охватить все слои общества» [9, С. 395–398].

К этому же периоду относится исследование В.Ф. Чижа «Император Павел I», в котором он пытается ответить на вопрос о сумасшествии Павла как специалист в области психиатрии. Чиж объясняет гроттмейстерство императора тем, что «главной особенностью умственной деятельности Павла I было относительное преобладание сочетания представлений по контрасту». Он признает, что Павел не был сумасшедшим в момент избрания его Великим магистром, но «ради церемоний он принял это звание». Чиж объясняет этот поступок страстью императора ко всякого рода церемониям [10].

В 60-х гг. XX в. историк Суверенного мальтийского Ордена фра Кирилл Туманов назвал главной причиной, заставившей российского императора принять титул Великого магистра, наличие серьезных интересов России в Средиземном море. Однако, как считают современные исследователи, интересы Российской империи в Средиземноморье не были основополагающими в принятии такого важного политического решения, каковым было гроттмейстерство. В.А. Захаров говорит о внешнеполитическом и внутривнутриполитическом аспектах, приведших к возведению в титул Великого магистра Мальтийского ордена Российского императора. С одной стороны, ослабление королевской власти во Франции и нарастание революционных настроений в королевстве, усиление английского влияния в международных отношениях в конце XVIII века; с другой стороны, страх нового государственного переворота и боязнь нового крестьянского восстания, подобного Пугачевскому бунту. Вот те факторы, которые подтолкнули императора к гроттмейстерству [11].

Конечно же, нельзя отрицать склонность Павла I к «рыцарским поступкам», присущим его «романтическому характеру»,

но при этом также нельзя отрицать и тот факт, что император во всех своих решениях руководствовался в первую очередь государственными интересами. Именно поэтому, как считает Ю.А. Сорокин, многим современникам была непонятна резкая смена ориентиров во внешней политике Российской империи за время короткого царствования Павла I. Сорокин утверждает, что Великое магистерство российского императора было обусловлено стремлением противопоставить свое влияние в Европе наполеоновскому, а также законно обосноваться на Мальте в Средиземном море после возвращения острова Мальтийскому ордену [12].

Российский император действительно полагал, что только он может спасти Мальтийский орден от уничтожения.

Благодаря созданию двух Российских приорств: одного католического, другого православного – ряды мальтийских рыцарей стали активно пополняться российским дворянством. Как отмечал Ф. Головкин в своих записках, «столица была наводнена настоящим дождем Мальтийских крестов». При этом отмечались злоупотребления «для удовлетворения страстного желания получить мальтийский крест», даже доходило до курьезов: в орден стали записывать детей грудного возраста [13]. В 1799 г. выходит манифест, утверждающий правила учреждения родовых Командорств, или *jus patronatus* в России [7, С. 91–99].

Все выгоды, которые могло принести великое магистерство российского императора для его империи, не были до конца оценены его современниками, потому что не были проведены в жизнь. Как справедливо заметил Г. Вилинбахов, трагедия этого человека заключалась в том, что вокруг него были люди, которые по тем или иным соображениям лишь подыгрывали ему, но не относились серьезно к его начинаниям и идеям [7, С. 3–23].

Однако пока в России действовал Орден рыцарей-госпитальеров, его ряды активно пополнялись российским дворянством как католического вероисповедания, так и православного. При этом соблюдалась вся сложная процедура сбора и подачи документов.

При изучении документов РГАДА мы пришли к выводу, что российская аристокра-

тия использовала возможность стать членами духовно-рыцарского ордена так же, как и европейское дворянство: орден становился чем-то вроде элитного клуба. Орден представлялся аристократии способом спасения от надвигающейся угрозы буржуазных настроений европейского общества. В принципе, одной из причин, побудивших Павла I к принятию титула Великого магистра, можно назвать его стремление не только обезопасить самого себя от революционных настроений, но и желание сплотить российское дворянство. Исследователи говорят о том, что Павел хотел превратить дворян в «рыцарское сословие – дисциплинированное, организованное, поголовно служащее и преданное своему государю», то есть в подобие европейского средневекового рыцарства. К такому выводу приходят при изучении документов, касающихся сословной политики императора [9, С. 395–398].

Русские дворяне стремились учредить родовое имение Ордена по типу тех, которые были уже на территории Польши, входившей в состав Российской империи, справедливо рассудив, что это может принести им выгоду, если не сразу, то в дальнейшем. Согласно дошедшим до нас спискам кавалеров Ордена самые видные и богатейшие фамилии России спешили вступить в эту организацию, независимо от того, что ими двигало: желание угодить императору в его прихоти или же не упустить возможность приумножить свое благосостояние; или же наоборот, попытка сохранить часть имений в своих руках путем образования родового командорства [1, Д. 40].

В 1800 г. благодаря своим внешнеполитическим действиям Павлу I удалось заключить союз с Португалией. В результате Лиссабонский двор признал Российского императора Великим магистром ордена Мальтийских рыцарей, правда, при одном условии, что Португальское правительство оставляет за собой право «надзирания и распоряжения Орденских поместьев, в Португалии находящихся» [14].

Но в 1800 г. Мальтийский архипелаг был занят англичанами, которые не собирались возвращать его рыцарям. Это вызвало разрыв отношений между Англией и Россий-

ской империей. Император Павел требовал соблюдения конвенции, заключенной между двумя государствами, об условиях освобождения острова Мальты. Лондон отвергал претензии российского монарха на том основании, что он сам первый нарушил условия упомянутого договора.

«...В Лондонских Министерских листках причина несогласий в рассуждении острова Мальты таким образом опровергается, что конвенциею 1798 г. только определено, чтобы Мальта была завоевана соединенною силою России и Англии, и потом обще обладаема; но Император прервал союз, не хотел содействовать завоеванию Мальты, и отозванием своих войск и кораблей сам уничтожил условие, которое одно давало ему право на совокупное обладание Мальтой. Остров по договору должен быть возвращен Мальтийскому ордену; но еще не решено, по достаточному ли праву Император Павел сделался Гроссмейстером...» [15].

Хотя согласно мемуарам, оставленным князем Адамом Чарторыйским (Чарторижским), никто при дворе не воспринимал всерьез увлечение Павла I. «Между тем Павел увлекся новой причудой, порою даже отвлекавшей его от подозрительности и порождаемых этими подозрениями жестокостей. У него вдруг явилось желание сделаться гроссмейстером Мальтийского ордена. Вероятно, возбуждению этого желания способствовала политика, потому что из всех владельцев и покровителей, которых можно было пожелать Мальте, овладевшие ею англичане меньше всего нравились Европе. Павел продолжал поддерживать близкие отношения с Англией, которая с своей стороны нуждалась в том, чтобы русский монарх продолжал оказывать ей свое активное содействие против Франции; все это давало Павлу основание предполагать, что Англия может согласиться передать ему владение, занятое англичанами лишь временно и притом с формальным обязательством возвратить остров ордену Святого Иоанна, под протекторатом той державы, которую укажет Европа» [16].

В это же время в газетах и журналах Европы появляются сообщения о том, что барон Гомпеш, бывший Великий магистр орде-

на, прибыл в Рим к понтифику с целью «взять назад свое отречение от Гроссмейстерства» [15, С. 408]. Возможно, что барон рассчитывал получить обратно свои права магистра от нового Римского папы.

При российском дворе поползли слухи о том, что император собирается перейти из православия в католицизм. Говорили, что якобы Павел исповедовался священнику-иезуиту, постоянно находившемуся при дворе, чего на самом деле никогда не было; Павла даже упрекали в лояльности к католикам. Но при анализе архивных документов и опубликованных законодательных актов относительно устройства римско-католической церкви в Российской империи мы приходим к выводу, что все послабления, делаемые русскими царями в этой сфере, начиная с Петра Великого, были вынужденной мерой, чтобы иметь возможность управлять такой огромной территорией. И Павел I не стал исключением. Наоборот, при нем и его преемнике Александре I политика относительно католиков даже несколько ужесточилась.

Все разговоры о смене веры императором остаются лишь досужим вымыслом. Нами не было найдено ни одного документа, подтверждавшего подобные настроения Павла I. Более того, слухи, связанные якобы с решением императора придать католицизму статус государственной религии, возможно, были связаны с тем, что в состав Российской империи на тот момент входили земли, где преобладающей религией было католическое вероисповедание. Однако речь вряд ли шла о смене государственной религии. Скорее всего, это были проекты о расширении полномочий католиков в пределах Российской империи. И опять-таки речь идет о польско-литовских землях. Косвенно наши выводы подтверждаются воспоминаниями князя Чарторыйского, который в это время находился при дворе великого князя Александра Павловича.

В ночь на 11 марта 1801 г. Павел был убит. Его сын, Александр I, хотя и не был настроен так же романтически, как отец, и отказался от звания Великого магистра, но сохранил за собой титул протектора Мальтийского ордена, о чем он объявил в манифесте от 16 марта 1801 г. Следует отметить,

что новый российский император не сразу изменил свое отношение к мальтийским рыцарям. Еще 11 марта 1801 г. в день убийства императора Павла студент Академии Художеств Иван Моисеев оставил расписку о том, что получил 300 р. за работы в «доме Ордена Иоанна Иерусалимского в российской Церкви». Такие же расписки встречаются и позднее: от 13 июня 1801 г., от 26 июня 1801 г.; они прилагаются к рапортам «от архитектора и кавалера Гваренгия» с отчетом о проведенных работах [1, Д. 40].

Александр не стремился изначально уничтожать орден на территории Российской империи, подтверждение этому факт, что будучи Протектором ордена император рассматривал прошения российских дворян о создании на территории их имений командорства Мальтийского ордена. На высочайшее имя были поданы прошения от князей Осиповых, графов Воронцовых и других представителей известных фамилий российского дворянства [1, Д. 56, 57].

Более того, сохранились списки кавалеров, получавших пенсию Ордена даже после смерти императора Павла. Среди них Нарышкины, Юсуповы, Строгоновы, Самойловы, Долгорукие, Борятинские, Демидовы, Трубецкие, Олсуфьевы, Бутурлины [1, Д. 52]. Кроме того, сохранились ведомости по Католическому Приорству, где фигурируют фамилии Любомирского, Сапеги и др.

В 1816 г. высочайшим указом была назначена комиссия для проведения ревизии по деятельности Ордена. По результатам ее работы были сделаны следующие выводы. Согласно Конвенции, заключенной с Орденом еще императором Павлом I 4(15) января 1797 г., деньги будут продолжать выделяться из государственной казны по всем статьям и целевым назначениям в том же объеме, какой был оговорен в документе.

И только в 1817 г. Высочайше было объявлено, что «после смерти командоров ордена Святого Иоанна Иерусалимского наследники их не наследуют звания командоров ордена и не носят знаков ордена, по тому, что орден в Российской империи более не существует». В начале XIX в. орден теряет свои земли и в других странах Европы. Отношение Александра I к Мальтийскому ордену в

первый период его царствования можно назвать неоднозначным. Совершенно очевидно, что титул Великого магистра ордена он никогда не собирался возлагать на себя. Однако нельзя, на наш взгляд, и говорить, что сын Павла I совершенно устранился от дел в ордене, который продолжал существовать на территории Российской империи.

Безусловно, роль российского императора Павла I в истории Мальтийского ордена до конца не изучена, впрочем, как и сама личность этого самодержца. Его называли безумцем, неизбежно сравнивали с царственными родителями, искали сходства с отцом и противопоставляли матери. На наш взгляд, трагедия Павла I заключалась именно в стремлении его самого не походить на Екатерину II. Хотя если не внешне, то во многих чертах характера Павла Петровича просматривается характер российской императрицы. Трудно согласиться с теми исследователями, которые объясняют действия императора прихотью, сумасшествием или желанием разрушить все то, чего достигла Екатерина II во время своего царствования. Многие современники Павла, даже его недоброжелатели, отмечали его целеустремленность.

Несмотря на упорные слухи о смене веры императором, о его духовнике-иезуите Грубере, о явном расположении к католикам, исследователи приходят к выводу, что это в большей степени вымысел с целью подтвердить безумие императора. Позиция Павла I по отношению к католикам на территории империи заключалась в следующем: они должны подчиняться законам, закон им покровительствует. За время короткого царствования было издано немало законов, регулирующих положение католиков в империи. Именно поэтому, на наш взгляд, нельзя подходить к рассмотрению вопроса о грессмейстерстве Павла I только лишь с точки зрения внешней политики императора или же с точки зрения его «романтического характера». Здесь нашли отражение и его личные увлечения, и государственная деятельность, и стечение обстоятельств. С политической точки зрения грессмейстерство Павла объясняется стремлением русского правительства противопоставить свое влияние в Европе французскому, а также обосноваться

на законных основаниях на Мальте и иметь в Средиземном море опорный пункт, обеспечивающий военные операции русского флота в Средиземноморье, к чему стремились все предшественники Павла I. Конечно же, кандидатура Павла на должность Великого магистра никогда не появилась бы, если бы сам император не проявлял интереса к Ордену, и он не был той личностью, какой являлся. И его романтизм, и «склонность к церемониям» тоже сыграли свою роль при принятии звания Великого магистра императором. Но, взойдя на российский престол, Павел в первую очередь стал политиком и самодержцем, и, естественно, превыше всего для него были интересы государства.

Библиографический список

1. Российский государственный архив древних фактов. – Ф. 28.
2. Путешествие в Петербург аббата Жержеля в царствование императора Павла I / пер. Н.Соболевского. – М.: книгоиздательство К.Ф.Некрасова, 1913. – С. 3.
3. Политический журнал на 1798 г. Часть 3, кн. 3. Сентябрь. – С. 424.
4. Политический журнал на 1799 г. Часть 1, кн. 1. Январь. – С. 126.
5. Политический журнал на 1799 г. Часть 3, кн. 3. Сентябрь. – С. 454.
6. Конвенция, заключенная между Его Величеством Императором Всероссийским и Державным Орденом Мальтийским и его Преимуществом гротемейстером. – СПб.: Императорская типография, 1798.
7. Белоголов, Й.М. Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католической церкви в России. Т.1 (1762-1825) / Й.М. Белоголов. – Петроград, 1915. – С. 91–125.
8. Шиман, Т. Смерть Павла Первого / Т. Шиман, А.Г. Брикнер. – М.: Московское книгоиздательское товарищество «Образование», 1909.
9. Шильдер, Н.К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк / Н.К. Шильдер. – СПб.: издание А.С. Суворина, 1901. – С. 395–398.
10. Чиж, В.Ф. Император Павел I / В.Ф. Чиж // Вопросы философии и психологии, 1907. – № 89. – С. 396.
11. Захаров, В.А. Мальтийский Орден: история и современность. Кн. 2. / В.А. Захаров – М.: Изд-во «ОГНИ», 2003. – С. 114–117.
12. Сорокин, Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII века / Ю.А. Сорокин. – Омск: ОмГУ, 1999. – С. 271–273.
13. Вилинбахов, Г. Рыцари белого креста в России / Г. Вилинбахов // Каталог выставки «Мальтийский Орден в России». – СПб., 1998. – С. 3–23.
14. Политический журнал на 1800 г. Часть 1, кн. 3. Март. – С. 353.
15. Политический журнал на 1800 г. Часть 3, кн. 4. Декабрь. – С. 434.
16. Чарторижский, А. Мемуары / А. Чарторижский. – М.: Терра, 1998. – С. 132–133.

КОМИТЕТЫ СПАСЕНИЯ РОДИНЫ И РЕВОЛЮЦИИ И АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГУБЕРНИЯХ ЧЕРНОЗЕМНОГО КРАЯ ОСЕНЬЮ 1917 – ВЕСНОЙ 1918 гг.

Г.А. БАРКОВ, *ст. преподаватель каф. МуОК МГУЛ*

Октябрьские события 1917 г. являются одним из переломных моментов в истории России. В противостоянии большевиков, пришедших к власти, и партий умеренных социалистов, защищавших существовавший государственный и общественный строй Российской Республики, значительную роль играл Всероссийский комитет спасения родины и революции.

Всероссийский комитет спасения родины и революции (далее – Всероссийский комитет) был образован в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. в здании Центральной городской думы Петрограда на объединенном собрании

всех оппозиционных большевикам политических групп. В его состав вошли представители ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов I созыва, Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, ЦК партий и фракций социалистов-революционеров, социал-демократов, народных социалистов, фронтовой группы, покинувших заседание II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, группы «Единство», Совета Республики – Предпарламента, Центральной городской думы, кооперативной группы Центрофлота [1]. Пост Председателя занял социалист-ре-

волюционер Н.Д. Авксентьев (председатель ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов).

На первом заседании Всероссийского комитета были приняты: решение о создании филиалов в провинции и воззвание «К гражданам Российской Республики», в котором заявлялось о создании комитета, берущего на себя функции правительства до восстановления законной власти и ликвидации выступления большевиков силами «революционной демократии».

Кратко платформу Всероссийского комитета можно охарактеризовать так: выступление большевиков является незаконным вне зависимости от тех целей, которые они перед собой ставили, и от тех лозунгов, которые выдвигали. Слабость власти большевиков и отсутствие поддержки со стороны большей части населения приведут к их падению и к возможному захвату власти контрреволюционными силами. В связи с этим главной целью всех групп «революционной демократии» должно стать скорейшее создание нового однородного социалистического правительства, в которое большевики не войдут, но должны будут дать обещание его поддерживать. Для достижения этой цели приемлемы не только средства мирного давления (изоляция большевиков, межпартийные переговоры), но и применение форм силового давления при помощи вооруженной силы и кампаний неповиновения. До этого момента вся полнота власти должна быть сосредоточена в руках Всероссийского комитета.

В связи с этим Всероссийский комитет активно участвовал в различных сторонах политической борьбы октября – ноября 1917 г., организуя сопротивление большевикам и собирая силы для подавления их выступления в Петрограде:

- осуществлял руководство деятельностью министерств и ведомств центрального аппарата государственного управления, а также координировал сопротивление профсоюзов государственных чиновников и служащих большевикам;

- координируя свои действия с представителями высшего командования русской армии и демократическими армейскими ор-

ганизациями, осуществлял мероприятия по созданию оперативного военного соединения на подступах к Петрограду, которое должно было силой оружия подавить выступление большевиков;

- военная организация комитета осуществляла подготовку выступления внутри Петрограда;

- отстаивал свою программу на межпартийных консультациях по вопросу об организации однородного социалистического правительства как органа, который мог бы заменить и павшее Временное правительство, и Совет Народных Комиссаров; при этом платформа комитета объединяла крупнейшие партии и организации умеренных социалистов от левых социалистов-революционеров до народных социалистов;

- после провала межпартийного совещания при ВЦИК Железнодорожного Союза на совещании в Ставке Верховного Главнокомандующего выступил инициатором создания нового правительства;

- через своих эмиссаров стал инициатором организации местных Комитетов спасения родины и революции (далее – Комитеты спасения), организовывавших сопротивление большевикам на всей территории Европейской России и проводивших на местах его политику.

Таким образом, деятельность Всероссийского комитета охватывала все стороны политического противостояния октября – ноября 1917 г.

В данной статье рассмотрим место провинциальных Комитетов спасения родины и революции Черноземного края (Воронежская, Орловская, Курская, Пензенская и Тамбовская губернии) в антибольшевистском движении осени 1917 г. – весны 1918 г.

В Орловской губернии была создана Исполнительная комиссия по охране города из представителей городской думы, городского Совета рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих.

Состоялось заседание городского Совета рабочих и солдатских депутатов с участием представителей заводских комитетов и военных частей. После этого старый испол-

нительный комитет в полном составе сложил с себя полномочия и было принято решение о формировании нового исполкома и о создании при Совете Военно-революционного комитета.

Орловская губерния – единственная из территорий Черноземного края, ход событий конца 1917 – начала 1918 гг. в которой сложно восстановить в связи с крайней идеологизированностью исследований и их малой фактической базой. В связи с этим говорить о создании в губернии местного Комитета спасения и его роли в событиях не представляется возможным.

В Курской губернии 27 октября 1917 г. был создан Комитет общественного спасения, впоследствии переименованный в Комитет спасения родины и революции. В его состав вошли губернские комиссар Временного правительства и прокурор, начальники военных частей, расквартированных в городе и губернии, а также представители партийных организаций социалистов-революционеров и социал-демократов.

26 ноября 1917 г. состоялось объединенное заседание городского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов. Представители большевиков, поддержанные рабочей фракцией городского Совета, предложили принять решение о передаче власти Советам, представители солдатской фракции городского Совета и Совета крестьянских депутатов выступили с лозунгом создания однородного социалистического правительства, которое должно действовать до Учредительного собрания. В результате обсуждения было принято решение о передаче власти в губернии Революционному совету, который принял решение о роспуске Комитета спасения родины и революции.

На заседаниях уездного съезда представителей политических и общественных организаций в Новом Осколе депутаты приняли решение об отстранении от должности уездного комиссара Временного правительства и о передаче власти до Учредительного собрания уездным Советам и сформированному Революционному комитету.

12 декабря 1917 г. вышел приказ Революционного совета об отстранении от долж-

ности губернского комиссара Временного правительства и роспуске Комитета спасения родины и революции.

На I губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 24 февраля 1918 г. делегаты приняли решение об упразднении Революционного совета и сформировании губернского СНК.

Таким образом, в Курской губернии также долгое время действовал губернский Комитет спасения. Его деятельность, по мнению большевиков, прекратилась в декабре 1917 г. Однако сформировать «свои» органы управления на губернском и уездном уровнях большевикам удалось только в конце февраля – начале марта 1918 г. Но и это «установление Советской власти» долго не продержалось.

В начале апреля немецкие войска заняли большую часть территории губернии – Белгород, Суджу, Рыльск, Путивль, Корочу, Грайворон с уездами. Немецкое наступление сопровождалось крестьянскими восстаниями против большевиков в Короче, Щиграх и Дмитрове (в последних двух случаях восстания подавлены военными отрядами большевиков), а также подавлением погромов, устроенных отступавшими солдатами Красной Армии и матросами в Курске.

В Воронежской губернии после опубликования в газетах телеграммы о попытке государственного переворота в Петрограде было созвано экстренное заседание Президиума Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для обсуждения текущего момента. На заседании представители фракции социалистов-революционеров предложили сформировать Комитет общественной безопасности из представителей всех общественных и демократических организаций города. Решение этого вопроса было вынесено на решение общего собрания.

На общем собрании депутатов Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было принято предложение о формировании Комитета общественной безопасности из представителей всех общественных и демократических организаций города. В состав Комитета общественной безопасности вошли представители политических партий, городской думы, профсоюза железнодорожников,

губернский комиссар Временного правительства и начальник гарнизона Воронежа. Представители большевиков отказались войти в состав комитета.

28 октября был издан приказ о введении в городе военного положения, приведении в боевую готовность всех частей гарнизона и об увольнении со службы офицеров, выступивших против правительства. Одновременно было опубликовано обращение Комитета общественной безопасности к населению города.

В этот же день состоялось экстренное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов Острожска, на котором была принята резолюция о переходе власти в уезде к Совету. Однако реальные действия по захвату власти в уезде большевикам удастся осуществить только в январе-феврале 1918 г.

В октябре 1917 г. большевиками в Воронеже был разработан план вооруженного захвата власти.

30 октября произошло выступление большевиков под руководством Революционного комитета. Была предпринята попытка арестовать исполнительный комитет Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в связи с отказом представителей социалистов-революционеров и социал-демократов, входивших в него, признать власть Революционного комитета.

1 ноября Революционный комитет опубликовал обращение, в котором заявлял, что власть в городе и губернии принадлежит ему.

В течение ноября во всех уездных центрах под эгидой социалистов-революционеров были созданы уездные комитеты поддержки Временного правительства, которые призывали население признавать только власть Всероссийского комитета спасения родины и революции и распространяли его обращения.

21 ноября 1917 г. в Воронеже состоялся губернский крестьянский съезд (552 депутата, из них 487 социалистов-революционеров). Он принял решение о роспуске Революционного комитета и о передаче власти Учредительному собранию.

28 декабря 1917 г. в Валуйках собрался губернский крестьянский съезд, созванный

губернским Советом крестьянских депутатов. Съезд принял решение о передаче власти на местах волостным земствам и о поддержке Учредительного собрания.

По инициативе губернского комитета большевиков в Воронеже был собран альтернативный губернский крестьянский съезд. Он должен был создать противовес губернскому крестьянскому съезду, собравшемуся в этот же день в Валуйках.

22 января 1918 г. была разогнана земская управа Воронежского уезда. Однако и позднее борьба продолжалась. Подчинить себе губернские правительственные учреждения большевикам удалось только в начале февраля. После этого основными центрами антибольшевистского движения стали городские учреждения – дума и управа. Их деятельность была насильственно прекращена только 11 мая 1918 г.

Таким образом, антибольшевистское движение в Воронежской губернии было одним из наиболее мощных в крае. В то же время вопрос о существовании в губернии Комитета спасения родины и революции является на современном этапе исследований этого вопроса спорным. Никаких прямых указаний на это нет. В то же время в деятельности воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов и позднее созданных в губернии комитетов поддержки Временного правительства известны резолюции о признании и поддержке Всероссийского комитета спасения родины и революции, что было бы невозможно без присутствия его эмиссаров в губернии.

В Тамбовской губернии 26 октября 1917 г. был собран пленум местного Совета рабочих и солдатских депутатов для обсуждения текущего момента. Совет принял решение о создании Революционного комитета.

29 октября 1917 г. в Тамбове при губернском Совете крестьянских депутатов создан губернский Комитет спасения родины и революции.

На совместном заседании городского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов в Тамбове представители большевиков выступили с предложением упразднить Комитет спасения родины и революции и передать

власть Советам. Однако предложение было отклонено большинством голосов.

4 февраля 1918 г. в Тамбове был сформирован временный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Одновременно с этим большевики заявили о ликвидации Комитета спасения родины и революции.

На основе приведенных фактов можно говорить о том, что в Тамбовской губернии представителям партий «революционной демократии» удалось воплотить заявление Всероссийского комитета спасения родины и революции и создать губернский Комитет спасения, который возглавил сопротивление захвату власти на территории губернии большевиками. В результате последние только в феврале 1918 г. смогли «взять власть в свои руки» и декларировать подавление этого центра сопротивления (следует отметить, что декларации большевиков в провинции очень часто являлись только «пожеланиями», далекими от действительности).

В Пензенской губернии 26 октября 1917 г. городской Совет рабочих и солдатских депутатов Пензы создал Комитет спасения родины и революции.

28 октября Комитет выделил из своего состава Временный революционный штаб.

В конце октября уездная земская управа и городская дума Чембара на совместном заседании приняли решение об отстранении от должности уездного комиссара Временного правительства и взятии власти в уезде в свои руки.

21 декабря 1917 г. пензенский комитет партии большевиков принял решение об отстранении от должности исполняющего обязанности губернского комиссара Временного правительства, роспуске Временного революционного штаба при Комитете спасения.

27 декабря 1917 г. в Пензе открылся IV Общегубернский крестьянский съезд, созванный по инициативе большевиков. Представители партий социалистов-революционеров и социал-демократов (объединенных) после от-

крытия заявили о нелегитимности съезда, и их фракции покинули заседания. После этого «съезд» принял решения о создании Советов крестьянских депутатов и отрядов Красной гвардии при них, а также избрал новый состав губернского Совета крестьянских депутатов.

В апреле пензенский Совет принял решение о ликвидации городской думы и губернской земской управы.

Таким образом, и в Пензенской губернии сразу после октябрьских событий в Петрограде был создан местный Комитет спасения. Его сопротивление большевикам удалось преодолеть только в начале 1918 г.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в большинстве губерний Черноземного края Всероссийскому комитету спасения родины и революции и партиям «революционной демократии» удалось сформировать местные Комитеты спасения, которые организовали активное сопротивление захвату власти большевиками, сделав по сути эту «власть» призрачной до середины весны 1918 г. После этого большевики столкнулись с новой проблемой – оккупацией Четверного союза и вооруженным сопротивлением «белого движения».

Библиографический список

1. Солдатский голос. №1 27 октября 1917 г.
2. Минц, И.И. История Великого Октября. Т. 2-3. / И.И. Минц. – М., 1978.
3. Глебов, Л.Д. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии / Л.Д. Глебов. – Курск, 1952.
4. Воронков, И.Г. Воронежские большевики в период подготовки и проведения социалистической революции. // Воронеж, 1952; За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917-1918 гг. // Воронеж, 1957; Поливанов А.С. Революционные события в Воронеже в 1917 г. // Воронеж, 1967; Соболев П. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. // Воронеж, 1955.
5. Шварев, В. Борьба за установление Советской власти в Пензенской губернии / В. Шварев. – Пенза, 1953.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ «SACRUM IMPERIUM» В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

М.В. ПАЛЕОЛОГ, *ст. преподаватель кафедры МуОК МГУЛ*

Универсальная идея «*Sacrum Imperium*» – священной империи сформировалась в эпоху средневековья. Эта идея стала ключевой для развития концепции средневековой государственности. Она приобретает особое значение как для развития государства, так и для развития церкви. И императоры, и папы стремились воссоздать канувший в небытие *Pax Romana*.

Идея универсальной мировой державы начинает складываться еще в эпоху античности. Впервые идея мировой державы воплощается в жизнь благодаря походам Александра Македонского. Огромные пространства древней Ойкумены были впервые, пусть и на короткий срок, объединены в IV в. до н.э. Благодаря этому греческая культура, распространяясь в ходе походов македонской армии, становится связующим звеном, объединившим большую часть древнего мира. Римская империя формирует универсальное понятие государства, которое практически начинает ассоциироваться со всем цивилизованным миром. Во времена Рима появляется особое понятие «*Pax Romana*»-«римский мир», которое фактически ставит знак равенства между понятием «мировое государство» и между понятиями «цивилизация» и «культурный мир».

Именно идею такого универсального мирового государства наследует средневековье. Естественно, что христианство внесло особые коррективы в идею универсальной империи. Но именно подражая древнему Риму, средневековые теологи создавали свои модели универсальной империи.

Византия, или Восточно-Римская империя также унаследовала римские традиции, возведя их в абсолют: «Модель миропорядка в Византии мыслилась следующей: один Бог – один василевс – единая Вселенская Римская империя. Византийский император мыслился только как Вселенский, как глава Ойкумены, отец «семьи государей и народов»» [1]. Император был наместником Бога на земле.

Только через него осуществлялась божественная власть над миром. Только император в силу своего особого статуса повелевал и империей и священством. По мнению С. Рансимена император [Юстиниан] разделял понятия «*Imperium*» и «*sacredotium*». Однако это не мешало Юстиниану считать свою власть единственным источником закона: «Из-под его пера в избытке исходили фразы вроде «По воле Божьей мы правим империей, которая предана нам Его Божественной Властью» или «Один Бог и Император, слушающийся воли Божьей, могут справедливо править миром. Император должен милосердием подражать Богу, по милости которого единственно действует Его образ», чья власть, в свою очередь, простирается и на священство» [2].

Греки не только сохранили воспоминания о *Pax Romana*, но, опираясь на авторитет Библии и Отцов церкви, создали идею новой универсальной вселенской империи, где основным признаком становится Симфония властей. Идея Симфонии властей была сформулирована в VI новелле Кодекса Юстиниана. Отношения Церкви и государства мыслились не в паритетно-правовом, а гармоническом развитии. Особенно ярко идею Симфонии властей выразил Л.А. Тихомиров: «По Юстинианову законодательству (527–565 гг.), ... в государстве признавалось существование двух равноправных властей. В предисловии к VI новелле законодатель говорит: «Всевышняя благодать сообщила человечеству два величайших дара: священство и царство (императорская власть). Первое заботится об угождении Богу, второе о прочих предметах человеческих. Оба же происходят от одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни» [3].

Симфония властей – это гармоничное сосуществование духовной и светской власти в рамках одного мирового государства. Василевс обязан заботиться и охранять церковь, а священство обязано молитвой и духовным авторитетом церкви поддержи-

вать власть василевса. То есть обе силы не могли в идеале существовать друг без друга. При этом «... византийский самодержец (автократор) выступил властью верховной в отношении подданных, но не безусловной, не абсолютной, ибо имеет определенное, обуславливающее эту власть содержание, а именно: волю и закон Бога, которому он служит. Около этой Верховной власти стояла постоянная живая Церковь, носительница Божественной нравственной воли, и сам самодержец был лишь членом, но не господином Церкви» [3, С. 144].

Итак, доктрина Симфонии властей становится государственной идеологией Византии. Византийская империя, просуществовавшая более тысячи лет, всячески насаждала идею мирового царства в своем окружении. Весь быт императорского двора, нравы империи должны были демонстрировать мощь и незыблемость мировой Ромейской державы василевсов. Византийцы вслед за римлянами пытались ввести в употребление универсальное понятие «ромей», которое должно было сплотить разные народы Византийской империи в единое политическое тело, которое воплотило бы в себе единую мировую империю.

Таким образом, имперская идея в Византии приобретает следующую форму: ее основой становится доктрина Симфонии властей. Идеологическим выражением идеи универсальной империи было положение: «Один Бог на небе, один православный василевс на земле». И, наконец, третьим элементом, присущим имперской идеологии, становится универсальное понятие «ромей» для обозначения ее подданных вне их принадлежности к той или иной нации. Данное понятие становится символом для обозначения единой национально-государственной общности, воплощающей идею мировой универсальной империи.

Правда, после более чем тысячелетней истории Византия все же пала. Но идея мировой священной империи не погибла. Вместе с византийским наследством эта идея была привезена Зоей Палеолог и ее окружением на новую родину – в Москву. Породнившись с византийской императорской династией, Великие князья московские *prigou* наследуют и

притязания византийских василевсов на мировое господство.

Если в Византии идея универсальной империи развивалась в рамках теории Симфонии властей, то на Западе император и папа претендовали на абсолютную власть в мировой христианской державе. В западной Европе наследниками мировой Римской империи объявляли себя и Римские первосвященники, и императоры *Sacrum Imperium Romanom nascius Teutonica*. И папы, и западные императоры претендовали на титул *Vicarius Cristi* (Наместника Иисуса Христа). Все это привело к борьбе между папством и империей.

Римские первосвященники рассматривали себя наследниками Римских императоров, претендуя на мировую власть. Действительно, благодаря Августину Блаженному и другим Отцам церкви институт папства – хранитель мировой религии – выступал в эпоху средних веков как центр притяжения человечества. Однако в рамках идеи мировой державы духовная власть была одним из двух составляющих. Второй составляющей было представление о вселенской власти императора. Средневековый человек воспринимал единство народов в рамках христианской религии. В языческую эпоху, когда было разделено божество, народы оказались разъединенными, но с появлением учения о едином Боге объединились и народы [4]. Церковное единство выражает единение духовное, а символом единения политического становится Священная империя. В сознании средневекового человека Запады понятия «*Imperium*» и «*Sacredotium*», выраженные в Византии через идею симфонии властей, выражались теорией «двух мечей». Эта теория была сформулирована папой Геласием в V в. В трактате «*Tomus de anathematis vinculo*» после констатации того, что до Христа цари и правители выполняли жреческие функции, папа Геласий делает вывод о том, что, помня о слабости человека, Христос «разделил функции двух властных компетенций и сделал их самостоятельными сферами. Духовная сфера держит известную дистанцию по отношению к обстоятельствам здешнего мира, и, с другой стороны, тот, кто имеет дело с земными веща-

ми, не должен претендовать на руководство делами божественными» [5].

Идея разделения духовной и светской власти, а также их равенство были четко выражены в так называемом «Константиновом даре». Эта фабрикация, подложность которой была доказана еще в XVI в. Лоренцо Валлой, была вставлена в т.н. Лжеисидоровы декреталии (Декреталиями называют сборники посланий Отцов церкви и римских пап по разным догматическим вопросам. Лжеисидоровы декреталии приписывались епископу Исидору Севильскому). Согласно этому документу император Константин Великий в знак благодарности папе Сильвестру, исцелившему императора от проказы, решил на четвертый день после крещения оставить Рим и основать новую столицу на Босфоре для того, чтобы светское правительство не ограничивало свободы духовного лидера христиан – папы. Также якобы император даровал папе Сильвестру и его преемникам верховную власть над Италией и странами Запада. Помимо этого Константин даровал римскому первосвященнику ряд привилегий и достоинств, которые были принадлежностью императора и римского сената. Папской резиденцией должен быть Латеранский дворец, папа должен носить диадему, ожерелье, пурпурную мантию, скипетр, а при его особе должен находиться штат камергеров. А папский клир получал право ездить верхом на белых лошадях и пользоваться почестями и привилегиями, принадлежавшими сенату и патрициям [4, С. 78].

При этом раннесредневековые папы сумели сформулировать идею примата духовной власти над властью светской. Со второй половины XI в. фактически устанавливается вселенская папская теократическая монархия. Так как формально с 1054 г. Западная и Восточная церкви прекратили общение, то и папство, и византийские императоры игнорировали притязания друг друга. Не так относились папы к притязаниям священно-римских императоров. Папа Григорий VII рассматривал государство как низшую сферу того Царства Божия, которого высшим проявлением является Церковь. Если папа господствует в высшей сфере божеского царства, то он тем

более может распоряжаться и в низшей сфере того же божеского царства – государстве. Он различает власть духовную и светскую лишь как высшую и низшую инстанции в пределах одной и той же *respublica Christiana*. Государство, чтобы стать правомерным христианским союзом, должно слиться с Церковью, поглотиться ею [6].

Папа Иннокентий III говорил, что папская власть есть солнце, а императорская власть есть луна. Как луна светит отраженным светом солнца, так и императорская власть подчинена папской власти. Зрительным выражением верховной власти папы стала тиара. Три короны, помещенные на тиаре, символизировали власть папы над небесами, землей и преисподней. Согласно другим толкованиям, тиара указывала на церковь страдающую, борющуюся и побеждающую.

Постепенно идея о том, что кафедра св. Петра есть императорский трон церкви, становится общепризнанной. В ходе длительной борьбы папы сумели присвоить себе право распоряжаться и императорской короной. Однако борьба с императорами ослабила и папство. Окончательным результатом этого процесса стало представление о том, что Римская церковь и Священная Римская империя представляют собой две стороны одной медали. Римский первосвященник есть высший судья в сфере религии и духовных вопросов, а император должен поддерживать мир во всей вселенной. «По отношению к Церкви он является Адвокатом, – титул, заимствованный из обычая церквей и монастырей избирать какого-нибудь могущественного барона, который защищал бы их земли и предводительствовал их держателями на войне» [4, С. 82].

Двойственность представлений средневекового человека о *Sacrum Imperium* происходила, таким образом, из дуалистической природы самого Христа. В целом процесс формирования идеи универсальной мировой империи, имея общие корни, мало отличался и в Византии, и в Западной Европе.

В России, начиная с Иоанна III, русская политическая традиция и идеология развивались под воздействием эсхатологических и мессианских мечтаний русского народа.

Даже начавшаяся при Петре I секуляризация политических идей не разорвала этой прочной связи. Результатом этого симбиоза стали идеи панрусизма и панславизма, а также идея пресловутого Византийского наследства и особой миссии русского народа.

Со временем идея мессианства вошла в плоть и кровь русского народа. Политика и социально-историческое развитие воспринимались русскими как некая сакральная миссия. Вальтер Шубарт отмечал: «Русский и в этом отличается от европейцев. Его национальной идеей является спасение человечества русскими» [7].

Эта миссия по спасению всего человечества вполне естественна для русской политической мысли, которая не представляет себя без связи с судьбами всего мира.

Эсхатологические идеи проникают на Русь вместе с христианством, но особую роль в формировании политических взглядов и социально-исторического развития они начинают играть только со времен Иоанна III. Это происходит из-за того, что опасения конца света по завершении седьмого тысячелетия так и не осуществились. Постепенно чисто религиозная по своей сути эсхатологическая парадигма становится востребованной сферой идеологии. Светским выражением эсхатологических чаяний русского народа стала доктрина Москвы – третьего Рима. Именно она позволяет сформировать русской политической традиции представление об особой миссии русского народа в мировой истории. Древние евреи ожидали прихода Мессии, который спасет и сплотит еврейский народ, а в русской эсхатологической традиции мессианская функция переносится на весь народ. После чего весь социально-исторический процесс превращается в мистерию, целью которой становится мессианская жертва русского народа.

Как указывает П.Н. Милюков, Иоанн III сразу же воспринял идею панрусизма, под сказанную Великому князю императорским послом Поппелем [8, С. 40]. Именно из идеи панрусизма вытекают претензии Великого князя Московского, сформулированные в говорящем титуле «Государь всея Руси». С этого момента Московский великий князь превра-

щается в фигуру сакральную, осуществляющую судьбоносную миссию объединения под своей властью всех русских земель. Недаром короли Польские и великие князья Литовские отказывались признать этот титул Иоанна III. Именно благодаря этому Москва превращается в центр единения, а главное – защиты русских вне зависимости от того, являются ли они подданными Московского князя или нет. Попытки протеста отменялись с присутствующими московским дипломатам уверенностью и апломбом: «Государь наш ничего высокого не писал и никакой новости не вставил. Он от начала – правый *уроженец* – *государь* всея Руси, чем его Бог подаровал от дедов и прадедов.... Все, отнятое у Литвы, – «наша вотчина». «Да и не то одно – наша вотчина, что ныне за нами: вся русская земля, Божией волей, из старины от наших прародителей – наша вотчина» [8, С. 41].

Именно идея панрусизма заложила основы имперской политики Российского государства, просуществовавшей не только до 1917 г., но во многом повлиявшей и на политическую традицию и социально-историческое развитие Советского Союза.

Со временем, благодаря ставшей общепризнанной идее «Москвы – третьего Рима», начинает формироваться весь комплекс политических традиций русского государства. Объединив под своей властью русские земли, Москва определяет для себя новые цели. Теперь Московское царство не просто одно из православных государств, теперь Москва претендует на положение единого мирового православного царства.

Благодаря браку Иоанна III с Зоей Палеолог эта идея становится частью византийского наследства русского государства. Породнившись с византийской императорской династией, великие князья Московские *a priori* наследуют и притязания византийских василевсов на мировое господство. Идея панрусизма, смешанная с идеей византийского наследства, неизбежно подводит политическое развитие русского государства к идее панславизма. Византийская идеология, привезенная в Москву Зоей Палеолог и ее свитой, оказала сильное влияние на формирование социально-исторического развития

как русского государства, так и русского общества в целом.

Согласно византийской имперской доктрине мировое государство должно быть обязательно православным. После падения Византии и создания Османской империи единственным независимым православным государством остается Московская Русь. Именно вселенские патриархи, обращаясь регулярно за помощью и защитой московских князей, помогли Москве ощутить себя наследницей мировой православной империи. Московские великие князья начинают использовать титулы царя и самодержца, которые являются дословным переводом титулов византийских императоров «василевс» и «автократор».

Однако имперская идея не была чем-то оригинальным, созданным на русской почве. Социально-исторический процесс развития Руси в эпоху Иоанна III просто заимствует кальки, созданные южными славянами. Как считает П.Н. Милюков, именно они являлись самыми естественными воспитателями русского национального чувства. Южные славяне давно мечтали создать либо болгаро-греческую, либо сербско-греческую империи. Свой собственный, славянский император и свой славянский патриарх – таковы были вековые идеалы южных славян. И болгарский царь Александр, и сербский Душан пытались примерить на себя порфиру византийских василевсов. Именно эти южно-славянские правители первыми используют в своей титулатуре титулы «царя» и «самодержца». П.Н. Милюков, цитируя одну болгарскую рукопись XIV в., писанную по приказу «царя и самодержца» Иоанна Александра, указывает на хорошо знакомые нам по московской национальной идее параллели: «Все это приключилось со старым Римом; наш же новый Царьград стоит и растет, крепится и омолаживается. Пусть он и до конца растет, – о Царь, всеми царствующий, – принявши (в себя) такого светлого и светоносного царя, великого владыку и изрядного Победоносца, происходящего из корени Асеня, преизящного царя болгар, – я разумею Александра прекроткого и милостивого и мнихолубивого, нищих кормильца, великого царя болгар, чью державу

да исчислят неисчислимыя солнца» [8, С. 43]. После того как турки-османы покорили как «старый» Царьград, так и «новый» Царьград – Тырново, южнославянские патриоты начинают искать новый источник своих политико-эсхатологических надежд. Таким источником становится дальняя таинственная Москва. Впервые данные идеи приносит на Русь болгарин по национальности митрополит Киприан.

При сыне Ивана III Василии III представление о Москве как единственной хранительнице православных традиций становится общепризнанным. И вполне закономерным является то, что именно при Василии III формулируется идея Москвы – третьего Рима.

А уже при внуке Ивана III Иване IV предпринимаются попытки воплотить в жизнь представления об универсальной мировой державе. В византийской традиции священная мировая империя должна была иметь своего царя и независимую церковь во главе с патриархом. Первым шагом на пути создания мировой православной империи становится принятие Иваном IV царского титула в 1547 г. Причем даже сам новый царь понимал незаконность присвоения себе этого титула. Только покорив Казань и Астрахань, Иван Грозный более-менее законно начинает титуловать себя царем Казанским и Астраханским. Законное подтверждение титула царя происходит в 1561 г. Собор 1561 г. провозглашает Иоанна Грозного «царем и государем православных христиан во всей вселенной» [9]. Великий князь Московский получает законное право титуловаться царем и владыкой всех православных христиан, а также считать себя наместником Бога на земле. Именно в 1561 г. Константинопольский патриарх и другие вселенские патриархи признали царский титул Ивана Грозного и признали его единственным защитником мирового православия. Именно с этого момента Россия уже не могла равнодушно смотреть на мусульманское владычество над христианскими землями Востока и Балканского полуострова, что и было одной из причин постоянных русско-турецких войн, начиная с конца XVII до конца XIX в.

Другим важным элементом Симфонии властей являлась автокефальная или са-

мостоятельная церковь. Формально с 1441 г. русская православная церковь считалась самостоятельной. Но юридически русская православная церковь подчинялась Константинопольскому патриарху. (Московская митрополия являлась епархией вселенского патриархата, т.к. митрополит Московский являлся наследником духовной власти Киевских митрополитов) При царе Федоре Иоанновиче московская митрополия получает полную автокефалию. В 1589 г. Вселенский патриарх Иеремия Константинопольский и другие вселенские патриархи рукоположили митрополита московского Иова в сан патриарха. Таким образом, Русская православная церковь получает автокефалию. По договоренности Москвы с вселенскими патриархами за патриархом Московским и всея Руси признано пятое место в иерархии православных патриархов. Таким образом, Русская церковь возглавила список поместных церквей.

С 1589 г. Российское государство стало полностью соответствовать понятию вселенской православной империи. Москва имела своего царя, а также своего патриарха. Идея Симфонии властей четко соблюдалась в Москве до времен Петра I.

Для обоснования своих претензий на вселенское господство Московские великие князья используют не только идею византийского наследства, но и созданную специально генеалогическую легенду. Складывается круг сказаний, подтверждающих правопреемство русским государством вселенских инсигний Византии. Право наследования вселенской власти императора подтверждалось генеалогическим «Сказанием о князьях Владимирских». В этом тексте прослеживалось родство Рюрика с неким Прусом – братом римского императора Октавиана Августа. Таким образом, Московские государи, будучи «сродниками Римских кесарей», законно претендуют на особую сакральную роль в мировой истории. Иван Грозный в своих посланиях неоднократно указывает на свое превосходство благодаря «римскому родству». В письме к шведскому королю Юхану III царь указывал, что ему, отпрыску «мужичьего рода» (ведь его отец-Густав Ваза не прирожденный государь, а избранный ко-

роль), «нелзя ровняться с великими государи». Более того, Иван Грозный, препираясь в письме с Юханом III, использует элементарную ругань. «А с тобою перелаиваться, и ты себе найди такова ж страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся» [10]. В том же письме Грозный пишет: «Мы от Августа кесаря родством ведемся, а ты усужаешь нам противно Богу» [9, С. 18]. Со временем легендарная родословная стала восприниматься как вполне традиционная, а многими православными народами как фактор, указывающий на вселенскую и сакральную роль не только русского самодержца, но и всего русского государства. Идея «византийского наследства» также наложила особый отпечаток на социально-историческое развитие русского государства.

Священный авторитет церкви также требовал некоторого обоснования. Постепенно формируется комплекс сказаний, обосновывающих особую роль русской церкви в истории вселенского православия. Так как после Ферраро-Флорентийской унии Московская митрополия фактически самовольно, нарушая все канонические правила, прекратила общение с Константинопольским патриархом, *de facto* став самостоятельной. В связи с этим появляются сказания, которые обосновывают церковные претензии Москвы на автокефальность. К этим сказаниям относятся «Сказание о путешествии святого апостола Андрея Первозванного» и «Сказание о белом клубуке».

Сказание о проповеди святого апостола Андрея Первозванного приводится в «Повести временных лет». Это сказание становится особо актуальным во времена царя Федора Иоанновича. Именно в это время Русская православная церковь получает автокефальность. Б.Ф. Годунов стремился добиться третьего места для Московской патриархии в перечне поместных православных церквей. Московское правительство, ссылаясь на «Повесть временных лет», пыталось доказать равенство вновь образованного патриархата с древними вселенскими кафедрами. Данная затея провалилась, но новозаветное происхождение русского православия от апостола Андрея Первозванного стало активно ис-

пользоваться русским правительством в политической доктрине.

Также, чтобы подтвердить традицию преемственности Московского царства как вселенской державы от Византии в XVI – XVII вв., в русской идеологической традиции распространяется «Сказание о белом клобуке». Данное сказание классифицируется как послание Дмитрия Герасимова (Дмитрия Толмача) к новгородскому архиепископу Геннадию. Согласно этому сказанию белый клобук – символ священства был получен римским папой Сильвестром от императора Константина Великого. После отпадения ветхого Рима от православия белый клобук переносится в Византию, а затем на Русь в Новгород Великий. Появление в Новгороде белого клобука связывается с именем архиепископа Василия Калики (1330 – 1352 гг.). При новгородском архиепископе, позднее митрополите Макарии, идея белого клобука переносится в Москву, где органично вписывается в доктрину «Москвы – третьего Рима»: «ветхий бо Рим отпаде славы и от веры Христовы гордостию и своею волею; в новеем же Риме, еже есть в Константинаграде, насиением агарянским тако же христианская вера погибнет; на третьем же Риме, еже есть на русской земли, благодать Святого Духа возсия. И да веси ... яко вся христианьская придут в конец и снудутся во едино царство русское православия ради. В древняя бо лета, изволением земного царя Константина, от царствующего сего града царскию венеч дан бысть рускому царю; белый же сей клобук изволением небесного царя Христа ныне дан будет архиепископу Новаграда...» [11].

В XVII в. доктрина «Москвы – третьего Рима» вновь становится весьма актуальной. До воцарения династии Романовых данный тезис воспринимался исключительно в эсхатологическом значении, т.е. святая Русь – наследница Византии – хранительница чистоты вселенского православия, со времен первых Романовых формула Филофея начинает истолковываться исключительно в политическом смысле. В политическом плане именно идея византийского наследия определяла социально-историческое развитие российского государства в XVII в. Мессианско-эсха-

тологическое, чисто религиозное восприятие истории остается в прошлом. С XVII в. сакральная доктрина «Москвы – третьего Рима» стала фактически социально-исторической доминантой русской истории.

Эфемерная идея византийского наследия, включающая и доктрину «Москвы – третьего Рима», и византийскую универсальную идею вселенской православной империи, фактически сформировала историческое развитие Московского царства в XVII в., обусловив те социально-исторические изменения, которые происходили в это время в России. Именно идеей восстановления Византийской империи под эгидой московского царя обусловлена вся реформаторская политика царя Алексея Михайловича в отношении церкви. Со времен Иоанна III идея византийского наследия активно использовалась для подтверждения политических и духовных притязаний русского государства на особую роль в мировой истории. Царь же Алексей Михайлович предпринимает попытку восстановить Византийскую империю под своей эгидой.

Верным союзником царя в этом деле стал патриарх Никон. Так же как и Алексей Михайлович, Никон хотел стать вселенским патриархом в Константинополе, возглавив всю вселенскую православную иерархию. Он даже вынашивал идею перенесения восточных святынь в Россию. Именно этим обусловлена постройка Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Главный храм этой обители в точности копировал Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Маленькая речушка, протекающая у стен монастыря, была выспренно наречена Иорданом.

XVII век в плане социально-исторического и идеологического развития российской государственности становится поворотным в ее истории. Мессианская идея становится ключевой для постижения русской государственности. В идеологическом плане, начиная с эпохи Михаила Федоровича, новозаветные сказания проецируются на образ русского государства. Ярким примером подобной проекции было знаменитое шествие на осляти, которое разыгрывалось в Вербное воскресенье.

В XVII в. эсхатологическая концепция приобретает политическую окраску. Идея

священной мировой державы постепенно начинает воплощаться в политике русского государства. Для того, чтобы иметь возможность объединить под своей властью как всех православных Востока, так и всех православных в России царь Алексей Михайлович проводит церковную реформу [12, С. 160–161].

По мнению Б. Кутузова, реформа русской православной церкви не имела никакой богословской необходимости. На это обращал внимание еще предшественник патриарха Никона патриарх Иосиф. Настоящим инициатором церковной реформы оказывается светская власть в лице царя Алексея Михайловича. В XVII в. российские самодержцы воспитывались в византийском духе. Уже царь Алексей Михайлович получает греко-фильское воспитание. Именно с него русские цари начинают предпринимать конкретные действия для того, чтобы заполучить константинопольский престол.

Вековая мечта российского самодержавия – Константинополь с проливами, как указывает Б.П. Кутузов, была внушена русским Ватиканом. Начиная со времен Василия III, эмиссары Ватикана пытались превратить чисто эсхатологические концепции русской религиозной мысли в конкретные политические действия, чтобы втянуть Россию в борьбу с Османской империей. Такими методами ватиканская дипломатия стремилась расправиться со своими идеологическими противниками, а также подчинить святому престолу «восточных схизматиков».

Б.П. Кутузов отмечает, что проводниками разрушительной политики Ватикана в России становятся выходцы из Киево-Могилянской академии. К малоросскому духовенству в Москве относились с недоверием, подозревая их в тайном католичестве. Первые агенты Ватикана начинают прибывать в Россию еще в XVI в. Одним из таких агентов был Максим Грек (Михаил Триволис), который «около 13 лет учился в католических высших учебных заведениях Флоренции, Болоньи, Падуи, Феррары, Милана, был также в двухлетнем монашеском постриге в католическом доминиканском монастыре Сан-Марко. Приехав в Москву в 1518 г., он тоже призывает великого князя Василия III к освобождению

Константинополя от турецкого ига, говорит о необходимости объединения христиан вокруг Константинопольского патриаршего престола» [12, С. 177].

Агентами Ватикана оказываются и Юрий Крижанич, и Милеску Спафарий: «Ю. Крижанич также старается склонить русского царя к борьбе против Османской империи в союзе с болгарями, сербами, босняками, валахами и другими европейскими народами. В качестве залога прочного военного союза он традиционно выдвигает идею церковной унии» [12, С. 178]. П.Н. Милюков воспринимал Юрия Крижанича двойственно. С одной стороны, действительно воспитанник иезуитов, ратовавший за унию католиков и православных, с другой стороны, Милюков называет Крижанича первым, кто сформулировал русскую национальную идею. В целом именно на взглядах Крижанича воспитываются русские апологеты национальной идеи, оказавшей столь сильное влияние на социально-историческое развитие России в XVII в.

Такую же убийственную характеристику дает Б.П. Кутузов и Милеску Спафарию: «М. Спафарий много потрудился в пропаганде этой столь важной для Рима идеи – вовлечения России в борьбу с турками. Конечно, Молдавия мечтала освободиться от османского порабощения, однако следует помнить и то, что Спафарий фактически также являлся воспитанником иезуитов» [12, С. 178–179].

Конечно же, мы можем считать и Максима Грека, и Юрия Крижанича, и Милеску Спафария эмиссарами Ватикана, стремившегося втянуть Россию в противостояние с Османской империей. Однако именно люди нового типа – выходцы из других стран помогли русскому сознанию превратить чисто церковную эсхатологическую доктрину «Москвы – третьего Рима» в политический манифест, определивший социально-историческое развитие русского государства на ближайшие двести лет.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что идея «*Sacrum Imperium*» является ключевой для политологической мысли средневековья. Эсхатологическая традиция не только сформировала в средневековой духовной куль-

туре хилиастические концепции, но во многом определила социально-историческое развитие средневекового общества. Идея мирового царства стала определяющей политической концепцией как в Византии, так и в Западной Европе. Именно благодаря эсхатологической парадигме в сознании средневекового человека формируются и представления об элементах, составляющих Священную мировую державу. «Симфония властей» и доктрина «двух мечей» выражают нерасторжимую связь духовной и светской властей, воплощающихся в единении церкви и империи.

Для русской политологической традиции идея вселенской православной державы определяла путь развития вплоть до 1917 г. Хотелось бы отметить, что именно русская политическая традиция окончательно переосмыслила идею «*Sacrum Imperium*», а также сохранила ее для политической теории Нового времени. Естественно, что идея имперской державности формировалась в русле религиозных традиций, вследствие чего идея «Москвы – третьего Рима» соединила геополитические и национальные устремления русского государства.

Библиографический список

1. Андреева, Л.А. «Местник Божий» на царском троне / Л.А. Андреева. – С. 113.
2. Рансимен, С. Византийская теократия / С. Рансимен. – М., 1998. – С. 165.
3. Тихомиров, Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – С. 152.
4. Брайс, Дж. Священная Римская империя / Дж. Брайс. – М., 1891. – С. 72.
5. Задворный, В. История римских пап от св. Феликса II до Пелагия II., Т. 2. / В. Задворный. – М., 1997. – С. 51–53.
6. Трубецкой, Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Ч.1-2. / Е.Н. Трубецкой. – М., 1892-1897. –С. 296.
7. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М., 2000. – С. 194.
8. Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры / П.Н. Милуков. – М., 1994. – Т. 3. – С. 40.
9. Сторчак, В.М. Тема российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России / В.М. Сторчак. – М., 2004. – С. 16.
10. Кобрин, В. Иван Грозный / В. Кобрин. – М., 1989. – С. 147–148.
11. Успенский, Б.А., Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б.А. Успенский. – М., 1998. – С. 438–439.
12. Кутузов, Б.П. Церковная «реформа» XVII века / Б.П. Кутузов. – М., 2003. – С. 160–161.

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.В. КАСИМЦЕВА, *ст. преподаватель каф. МиОК МГУЛ*

Культура непрерывно развивается, меняя облик, отражая изменения современного мира, потребности сегодняшнего дня. Нынешняя культура использует огромные достижения науки и техники.

Современная культура стремительно преобразует общество, быт людей, поэтому она оценивается как фактор жизнеустройства, неиссякаемый источник всякого рода нововведений.

По мнению философов и культурологов, в XX в. произошел разрыв социального и культурного циклов, что является следствием ускорения темпа жизни. В прошедшем столетии можно наблюдать чередование нескольких культурных эпох. Меняются ориентации. Низвергаются святыни. Рвутся родственные

связи, человек чувствует себя одиноким в этом мире, одиноким и незащищенным перед завтрашним днем.

Причину «футушока» (шока от будущего) О. Тоффлер видит только в машине: ее скорость рождает неслыханные темпы изменений, поэтому человек с трудом ориентируется в окружающей жизни, теряет способность разумно управлять событиями, что влечет за собой безотчетный страх.

Другой проблемой XX в. является проблема сложных взаимоотношений между сферой культуры и сферой экономики. Само бытие человека оказывается раздвоенным: с одной стороны, постоянное стремление к реализации своей духовности, приобщению к высшим проявлениям культуры, к идеальным

способам существования явилось необходимым условием сохранения духовности человека, с другой – естественная необходимость удовлетворять утилитарные потребности, обустроить свою биологическую ипостась составляет предметно-эмпирическое измерение бытия, вне которого невозможна достойная организация человеческой жизни.

В XX в. с развитием капиталистических отношений цивилизация приобретает экономический характер, превращается в источник импорта философско-идеологических принципов духовно-культурного сектора.

Факт вытеснения духовно-культурных ценностей экономико-технократическими основами современной цивилизации был замечен многими культурологами и философами, начиная от Ницше, Шопенгауэра и Шпенглера и заканчивая Хайдеггером и Фроммом.

Русский философ Н.А. Бердяев первым в России заговорил о проблеме культуры и цивилизации, духовного и материально-экономического бытия человека.

Сегодня стало совершенно очевидно, что общество относительно экономического благополучия, призванное сделать предметно-эмпирическое бытие человека более комфортным, не только не справляется с глобальным духовным кризисом, но и служит источником все новых и новых катаклизмов.

При этом особое значение приобретает еще один аспект названной проблемы, а именно проникновение экономического фактора во все уровни человеческого бытия, начиная от обыденного мышления и заканчивая официальной идеологией. Соотношение культуры и цивилизации на сегодняшний момент уже нельзя рассматривать в традиционных формах, поскольку сама цивилизация (как утилитарно-прагматическая структура) претендует на создание своей собственной «культуры» со своей собственной иерархией ценностей. Нельзя не обратить внимание и на то, что процесс вытеснения духовности, сама культурная эсхатология теснейшим образом сопряжены с новым статусом экономических отношений. Меняется общественная психология человека, интенциональность (направленность) сознания приобретает сугубо де-

нежный характер. Иными словами, сегодня мы становимся свидетелями рождения новой, монетаристской ментальности.

Констатируя, что «современное массовое производство было бы невысказано без количественного и абстрактного выражения», Эрих Фромм видит основной порок капиталистического уклада в том, что в обществе, «где экономическая деятельность стала главным занятием человека, процесс сведения всего к количеству и абстракциям перерос сферу экономического производства и распространился на отношения человека к вещам, людям и к самому себе» [7].

По мнению Фромма, нынешний век характеризуется становлением нового типа рынка – рынка личностей. Не только мир в сознании человека стал товаром, но в товар превратился сам человек, сама личность. Она теряет индивидуальные качества, ее кредо становится формула: «Я таков, каким вы хотите меня видеть». Рыночно ориентированная личность становится объектом меновой стоимости. «Предпосылкой рыночной ориентации является пустота, отсутствие каких-либо определенных качеств, которые не могли бы подвергаться изменениям, поскольку любая постоянная, устойчивая черта характера в один прекрасный день может вступить в конфликт с требованиями рынка», – пишет Фромм [7]. Рыночная ориентация означает перерождение человека в товар, следовательно, означает смерть личности.

Культура, поскольку она является продуктом человеческой деятельности, не может существовать вне общности людей. Эти общности являются субъектами культуры, ее создателями и носителями. Нация как культурная реальность проявляет себя в разных сферах, каковыми являются обычай, направленность воли, ценностная ориентация, язык, письменность, искусство, религия и т. д.

Культура общности не является простой суммой культур отдельных личностей, она сверхиндивидуальна и представляет собой совокупность ценностей, творческих продуктов и стандартов поведения общности людей. Культура – единственная сила, формирующая человека как члена общности. Культура сохранения национальных особенностей

становится богаче, если она взаимодействует со многими культурами мира.

Глобализация как всеобщий и многосторонний процесс культурной, идеологической и экономической интеграции государств, национальных и этнических единств представляет собой сопутствующее явление современной цивилизации. Страны и народы всего мира существуют в условиях растущего взаимовлияния. Ускоренные темпы развития цивилизации и хода исторических процессов поставили вопрос о неизбежности глобальных исторических взаимоотношений, об их углублении, укреплении и ликвидации изоляции стран и народов.

Всеобщие процессы глобализации вызывают необходимые и глубокие перемены в сближении и взаимодействии народов и государств. Мир объединяется для решения межгосударственных или локальных региональных проблем. Взаимосближению и интеграции сопутствуют процессы, которые могут оказаться опасными для самобытности малочисленных народов и национальностей, к примеру, грубая трансплантация норм и ценностей, которые по сей день остаются проблемными и для высокоразвитых стран. Сохранение самобытности и ее укрепление главным образом зависят от активности внутренних сил и от национальной внутренней энергии.

Глобализация выдвигает идеал «глобальной правовой государственности», что неизбежно ставит вопрос о расширении средств ограничения государственного суверенитета. Это является фундаментальной негативной тенденцией глобализации.

В таком случае слаборазвитые страны, имеющие традиционную культуру, выступают в роли только поставщиков сырья, что затормозит рост национальной экономики. Основная характеристика процесса глобализации, протекающего в современном мире, – экстраполяция либерально-демократических ценностей на все регионы без исключения. Это значит, что политические, экономические, правовые системы всех стран мира становятся идентичными, взаимозависимость стран достигает небывалых масштабов. До сих пор народы и культуры никогда не были так зави-

симы друг от друга. Проблемы, возникающие в любой точке мира, моментально отражаются в остальном мире. Процесс глобализации и гомогенизации приводит к созданию единого мирового сообщества, в котором формируются единые нормы и культурные ценности.

Процесс глобализации характеризуется следующими основными аспектами:

- интернационализацией, что выражается во взаимозависимости стран и народов;
- либерализацией, то есть устранением торговых барьеров, мобильностью инвестиций и развитием интеграционных процессов;
- вестернизацией, то есть экстраполяцией западных ценностей и технологий во все точки мира;
- детерриторизацией – созданием единого экономического и территориального пространства.

Глобализацию можно назвать процессом тотальной интеграции. Но она существенно отличается от всех форм интеграции, существовавших ранее. В истории человечества существовало две формы интеграции: принудительная (одно из государств с помощью силы пытается присоединить другие страны) и добровольная, когда страны объединяются на паритетных началах для достижения какой-либо цели.

В обоих случаях территории, на которых осуществлялась интеграция, были сравнительно невелики и не достигали масштабов, которые характерны для современного процесса глобализации. Суть современной глобализации принципиально отлична: она основывается на идее выгоды и материального благополучия. Преобразование национально-государственных корпораций в транснациональные в первую очередь требует единообразного политического и правового пространства.

Современные аналитики рассматривают глобализацию как логический результат нового европейского либерального проекта, в основе которого лежит сциентистская парадигма европейской культуры Нового времени. Бурное развитие науки и техники, интернациональный характер научных и технических достижений привели к появлению новых технологий, новых отраслей знаний.

Но глобализация, имеющая столько преимуществ, обладает и рядом серьезных недостатков. Это влияние технологической гомогенизации на традиции, культуры и жизненный уклад народов.

Одной из существенных потребностей человека является собственная принадлежность к чему-либо, будь то социальная группа, конфессия, географический ареал. Среди этих форм культурная идентичность является одной из главных, в значительной мере определяющей человеческую ментальность, психологию и жизненный уклад в целом.

В первую очередь это относится к национальному языку, к умалению его значения. Современная экономическая деятельность требует осуществления своевременного информационного обмена на одном языке, и таким языком является английский. Конкретный индивид, общество, этнос самоидентифицируются с языком как с основой национальной культуры, поэтому пренебрежение им, даже уменьшение ареала его распространения является знаковым явлением.

С позиций ценности язык является не только средством коммуникации, но и мировоззрением и мироощущением народа; в нем зафиксирована биография нации, он является моделью мира. Национальным сознанием язык воспринимается как живой организм. За потерей языка следует разрушение исторической наследственности, связи времен, памяти. Поэтому язык является важнейшим феноменом культуры. Нет культуры без языка, языком пронизаны все феномены культуры. Также считают, что процессы глобализации обуславливают разрыв памяти. Культура – суть форма исторической памяти, она – коллективная память, в которой происходит фиксация, сохранение и запоминание уклада жизни, социального и духовного опыта данного общества. Культура как память сохраняет не все, а то, что объективно оказалось ценным для нее.

Сопоставляя роль и значение памяти в реальной жизни с культурной памятью народов, мы понимаем, что потеря памяти для индивидуума ведет к потере собственной биографии, собственного «Я» и индивидуальной целостности, такой же процесс происходит

при потере коллективной памяти народа. Социальный опыт людей передается последующим поколениям не по крови, а посредством культуры, и именно в этом смысле можно назвать культуру генетической памятью.

Нация сознает свое единство, она имеет историческую память в качестве основы настоящего и будущего. В национальном самосознании связь времен осмыслена как единая непрерывность, поэтому сохраняется контакт даже с далекими предками: они и их деяния перманентно присутствуют в жизни современников. Образ жизни, который определен культурой, рассматривается не просто как ординарный бытовой фактор, а как значительное завоевание, в достижение которого внесли вклад усердие и труд многих поколений.

Для национального сознания собственный жизненный уклад нации воспринимается не только как своеобразный, только ему присущий способ оформления жизни, но также как превосходство по отношению к другим культурам. Для национального сознания твердость культуры и уклада жизни осмысливается как преодоление конечности. Каждый представитель нации видит преодоление собственной эмпирической конечности в бессмертии национальной культуры, где будущие поколения сохраняют уклад жизни, присущий этой культуре., как это делают современники и как это делали предки. Своеобразное чувство, которое постоянно сопутствует национальному самосознанию, сознание самобытности собственной нации, ее отличий от других называется национальным чувством. В процессе исторического развития нация вырабатывает определенные представления и ценностную ориентацию. Общение с другой культурой лишь усиливает сознание значения собственной нации. Сознание принадлежности к нации означает, что человек связан с ней общностью характера, что судьба и культура нации влияют на него, что сама нация живет и реализуется в нем. Человек настолько определен культурой, что изменения в такой значительной сфере, какой является религиозное сознание, воспринимается весьма болезненно (что наблюдается в странах ислама).

Традиционные, немодернизированные общества сильнее сопротивляются процессам глобализации, для них культура – историческая память, что воспринимается как модель оформления жизни. Отказ от культуры означает разрыв памяти и, как следствие, аннулирование собственной самобытности. Непрерывность культуры для национального сознания означает отрицание личной смерти и обоснование бессмертия. Культура предъявляет индивиду приемлемые требования к порядку поведения, ценностям и нормам, которые являются основой психического развития субъекта. При условии, когда от человека требуются действия, противоположные нормам его культуры, человек все же старается сохранить свою культурную идентичность, хотя среда и требует культурной адаптации (к примеру, проживание в христианской стране человека, исповедующего ислам). Создается ситуация, когда человек или группа людей вынуждены исполнять требования различных культурных систем. Все это оказывает влияние на целостность сознания, приводит к внутреннему дискомфорту личности, отражается на поведении, которое может быть агрессивным и выражаться в националистических, криминальных, антиконфессиональных действиях личности.

Существует еще один аспект проблемы глобализации. Вовлечение природных, прежде всего минеральных, ресурсов в производство достигло небывалых масштабов. Это привело к тому, что многие из них находятся на грани исчерпания. Катастрофически усилилось загрязнение окружающей среды. Учитывая неуклонно возрастающие темпы роста населения Земли и его растущие потребности в сырье, многие ученые предсказывают надвигающуюся глобальную катастрофу. «Осмысление культурного ядра техногенной цивилизации и сравнение его с системой ценностей традиционного типа цивилизаций дает возможность увидеть не только несомненные достижения первой, но и порожденные западно-европейской шкалой культурных ценностей глобальные кризисы» [1].

Глобализационные процессы встречают различные формы сопротивления. Одни имеют политическое, другие – экономичес-

кое, третьи – общекультурное содержание. Политический аспект сопротивления в первую очередь проявляется на фоне разложения национальных государств и уменьшения роли международных институтов. Трансформация сущности международной политики вызвана появлением таких глобальных проблем, какими являются проблемы прав человека, экологии и оружия массового уничтожения. По этим причинам функции и значение традиционно сформированных национальных государств уменьшаются и они уже не способны проводить независимую политику. Им угрожает такая опасность, как сверхгосударственная интеграция. Изменение экономического рынка с появлением транснациональных корпораций, имеющих большие финансовые возможности, ведет к проблеме, когда эти корпорации диктуют условия игры (например, повышение цен на нефть). Глобальные рынки ставят государства на колени. Антиглобалисты считают, что получение сверхприбылей крупными компаниями ведет к обнищанию населения, к сильному расслоению мирового сообщества. Роль и значение государства во время глобализации уменьшается и в том аспекте, что осуществляется уменьшение военной безопасности, так как производство сверхнового дорогостоящего оружия невозможно не только для слаборазвитых стран, но и для стран, которые являются эталоном экономического благополучия (такие, как Швейцария, Нидерланды). Именно поэтому в мире наблюдается противодействие процессам глобализации, в первую очередь стран мусульманской культуры. Глобализационные процессы воспринимаются ими как триумф их противников-христиан. Каждая политическая, экономическая, культурная, а тем более военная акция, направленная в их сторону, воспринимается как крестовый поход. Историческая память этой культуры на протяжении веков формировалась в основном в противостоянии с христианским миром, которое и определило появление в священной для мусульман книге – Коране джихада – священной религиозной войны. Каждый мусульманин, отдавший жизнь за веру, получит место в раю. Мусульманская культура не подверглась модернизации религию, она до сего времени является глав-

ной ее составляющей, поэтому оценка событий определяется религиозным сознанием.

Россия как славянская страна, принадлежащая к православной культуре, также выступает против процессов глобализации, усматривая в этом ущемление собственных интересов и интересов славянских государств.

Противостоят глобализации представители восточных культур, особенно китайской; они пытаются возвести «великую китайскую стену» для защиты от проникновения чуждых китайской культуре элементов, считая, что каждое изменение отдаляет их от культурного идеала «золотого века». Китайцы стараются не поддаваться влиянию чужого языка, чужих традиций. Китайцы, к примеру, избегают разговоров о правах человека, благодаря чему, как им представляется, сохраняют свою самобытность. Индийская культура и сегодня следует принципам буддийского мировоззрения и как бы находится в стороне от мировых процессов. Япония на основании своего уникального опыта, который выражается в своеобразном синтезе традиций и европейских ценностей, считает, что глобализация не может подточить основы ее культуры, и старается использовать глобализационные процессы для укрепления своей культуры и традиций.

Но есть и положительные тенденции в перспективе развития культуры и цивилизации. Они состоят в том, что проблема мировой глобальной цивилизации представляет собой не альтернативу: стандартно-единообразное развитие человечества или лишенное общности многообразие локальных цивилизаций и культур, а понимается как постижение смысла истории в ее единстве и многообразии. Эта концепция отражает стремление человечества к общепланетарному взаимодействию, к взаимозависимости и культурному единству. Она исходит из того, что в каждой цивилизации какая-то часть культурных ценностей имеет общечеловеческий характер и представляет собой общее достояние человечества, имеющего единую судьбу. К таким ценностям относятся моральные зако-

ны, религиозный гуманизм, права человека и т. д. На основе понятия общечеловеческих ценностей возникает идея о метакультуре как общем культурном знаменателе и перспективе развития глобальной мировой цивилизации при сохранении специфики локальных культур и цивилизаций. Метакультуру в этом случае рассматривают как накопление общечеловеческих ценностей, способствующих выживанию и развитию человечества как единого целого. Чаще всего подчеркивают, что формирование метакультуры можно рассматривать только как тенденцию, как перспективу, как фактор преодоления общечеловеческого кризиса и перехода к новому типу цивилизации, к принципиально новой человеческой истории.

Особенностью этого перехода является столкновение интеграционных процессов с возрастающей дезинтеграцией, стремление к добровольному устранению межгосударственных противоречий, поиск общих точек соприкосновения в культурах.

Мировая общечеловеческая цивилизация в нашем представлении не унифицированное, обезличенное сообщество людей, сформировавшееся на базе западной экономической системы, а многообразная общность, сохраняющая самобытность и уникальность составляющих ее народов. Ее фундаментальной характеристикой может стать глобальное культурное пространство как следствие межкультурного и междивизиационного диалога.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. О культуре. Философия творчества, культуры и искусства / Н.А. Бердяев. – М., 1994.
2. Бобахо, В.А. Сущность и смысл культуры / В.А. Бобахо. – М., 2002.
3. Хорни, К. Психоанализ и культура / К. Хорни. – М., 1995.
4. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М., 1992.
5. Фрейд, З. Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. – М., 2003.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 2004.
7. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М., 1994.

ТИПЫ РЕАЛЬНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЙ

В.И. ФАЛЬКО, проф. каф. философии МГУЛ, канд. филос. наук

1. Понятия реальности и мировоззрения

Перемены в современном обществе и мышлении, связанные с их виртуализацией, находят отражение в попытках отказа постмодернистской философии от понятий бытия, реальности, сущности и других онтологических категорий. Преодоление тупиков состояния постмодерна требует их переосмысления, прежде всего категории реальности, вытесняемой сегодня понятиями гиперреальности, виртуальности, ирреальности. Отрицание содержания и статуса понятия реальности в культуре постмодерна связано с тем, что ее традиционное понимание как наличного бытия внешнего мира, данного нам в ощущении, не соответствует ни реалиям современного мира, ни изменившемуся образу мысли.

Выход за пределы классического понимания реальности начинается в феноменологии и экзистенциализме. Нововременная философия искала доказательства реальности внешнего мира или принимала его на веру. Но уже М. Хайдеггер обосновывает тезис о том, что «реальное бытие внешнего мира не нуждается в каком бы то ни было доказательстве или вере» [1, 2]. При этом *Хайдеггер*, вслед за Э. Гуссерлем, утверждает абсолютное бытие чистого сознания, которое не нуждается в реальности. Дальнейшее переосмысление категории «реальность» в неклассической философии сформировало представление о ее предельности, фундаментальности: «Реальность принадлежит последним вещам, которые не нуждаются в доказательстве» [3]. Можно сказать, что реальность есть то, что не нуждается ни в доказательстве, ни в вере.

В этой связи приобретает новое звучание толкование реальности как всеобъемлющей категории, развитое С.Л. Франком: «Реальность в качестве всеобъемлющего единства имеет всякое отрицание внутри себя – просто потому, что она ничего не имеет вне себя» [4]. Данное определение русского философа, вместе с его формулой: «*Реальность есть всегда нечто большее, чем она сама*» [4] – лишает гиперреальность, виртуальную ре-

альность и другие постмодернистские категории претензий на роль образца реальности. Эти понятия производны от категории реальности, предполагают ее, имплицитно содержат в себе, но не объемлют ее и отнюдь не выражают «последние вещи». А ведь именно из такого понимания вытекает постмодернистская формула: «реально все», и поэтому абсолютный реализм Франка может быть альтернативой релятивизации онтологического понятия реальности.

Данность реальности человеку предполагает ее гносеологическую относительность в результате соотнесения с сознанием и языком, в удостоверяющем и означающем характере которых выражается их абсолютность. Однако реален не только предмет сознания и культуры, но также их содержание и состояния, реален и сам человек, который как бы умер в поствременном, но реальном бытии мира. Абсолютность реального непосредственно обнаруживается в фактах и актах нашего внешнего и внутреннего опыта, стирая грань между объективной и субъективной реальностью и производя эффект распада трансцендентального субъекта. Она состоит не только в непосредственной «схватываемости» ее человеком, но и в удержании человека культурой и виртуальностью Другого, в их событии. Реальность мира и человека следует понимать не только через метафизику присутствия, т.е. через отсутствие, но и как всеприсутствие.

Реальность мира, которую нельзя ни доказать или опровергнуть, ни свободно принять на веру или отвергнуть, не дана человеку внешним образом, ибо мы сами, наше Я и есть реальность. Она дана нам прежде всего непосредственно во внутреннем духовном созерцании, в первичных интуициях, образуя предельное основание и глубинную предпосылку мировосприятия и миропонимания. «Мировоззрение, – пишет современный американский философ *Дж. Сайр*, – это ряд предпосылок (истинных полностью, отчасти или совершенно ложных), которых мы при-

держиваемся (сознательно или бессознательно, последовательно или непоследовательно), размышляя об основных слагаемых нашего мира» [5]. Эти предпосылки, представляющие собой мифологическое мировидение, присущее тому или иному типу сознания, и есть для нас не что иное, как реальность мира.

Реальность мифа, которая для мифологического сознания есть реальность мира, также не нуждается ни в вере, ни в доказательстве. Именно из мифа как непосредственной реальности жизни черпает свои начальные интуиции мировоззрение, в том числе научное, на что указывал А.Ф. Лосев: «...*Наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из нее свои исходные интуиции...* Миф же есть само бытие, сама реальность, сама конкретность бытия» [6].

Подобно тому, как Парменид провозгласил, что бытие и мышление есть одно и то же, сегодня можно сформулировать философему, согласно которой *реальность и мировоззрение* в определенном смысле *совпадают*, и не только гносеологически, но и *онтологически*. Поэтому типы реальности соответствуют типам мировоззрения.

2. Системология реальностей и мировоззрений

Типология реальностей имеет дело с понятиями и представлениями, выражающими различные позиции человека по отношению к миру, а не со своего рода пластами (стратами), существующими в объективной реальности независимо от субъекта. Дж. Сайр выделяет семь типов мировоззрения, шесть из которых, как мы показали в предыдущих публикациях на данную тему, соответствуют основным типам реальности [7–10].

Типология мировоззрений и реальностей строится нами в смысловом пространстве, измерениями которого являются аксиологическое, гносеологическое и праксеологическое отношения человека к миру, соотносимые с триадой: *дух – душа – тело*.

Познавательное отношение предполагает прежде всего операции различения и отождествления, которые задают два полюса соответствующей оси смыслового пространства. Этим полюсам соответствуют такие типы реальности, как *Единое* (*абсолютная реальность*) и *Я* (*трансцендентальная реальность*). Выражая соответственно слитность и отчужденность человека и мира, они характерны для мировоззрений *восточного мистицизма* (а также *пантеизма*) и *экзистенциализма* (или *антропологизма*).

Практическое освоение человеком мира ставит вопрос о принципиальной возможности овладения миром или, точнее, его частями. По этому основанию выделяется тип реальности, доступный овладению – *Природа* (или, шире, мир объектов, *наличная реальность*). Соотносительный миру объектов тип реальности – *Иное* (*виртуальная реальность, ВР*), которая не поддается непосредственному овладению, ибо не обладает определенностью бытия. Соответствующие типы мировоззрения – *натурализм* (в том числе «*научное мировоззрение*» в его классическом виде) и *магизм* (включая *неомагизм*, в частности, *Нью Эйдж*).

Ценностное отношение человека к миру предполагает вопрос о том, существует ли сверхценная реальность, являющаяся источником идеалов и ценностей и дающая абсолютный критерий для их оценки. Признание *Бога Творца* (*трансцендентной* по отношению к чувственно воспринимаемому и мыслимому миру реальности) связано с *теизмом*.

Т а б л и ц а

Тип реальности	Логическая формула	Тип мировоззрения
<i>Единое</i>	<i>sMb</i> (1)	<i>Восточный мистицизм</i>
<i>Я</i>	<i>bMs</i> (2)	<i>Экзистенциализм</i>
<i>Природа</i>	<i>sBm</i> (3)	<i>Натурализм</i>
<i>Иное</i>	<i>mBs</i> (4)	<i>Магизм</i>
<i>Бог</i>	<i>bSm</i> (5)	<i>Теизм</i>
<i>Ничто</i>	<i>mSb</i> (6)	<i>Нигилизм</i>

Его антипод – *нигилизм*, отрицающий реальность трансцендентного духа как источника абсолютных ценностей и предполагающий веру в *Ничто* (или *небытие* как реальность).

Седьмой тип мировоззрения, вводимый Дж. Сайром, – деизм – является по существу не основным, а производным типом воззрений на мир, промежуточным между теизмом и натурализмом. Для того чтобы показать, что по принятому нами основанию классификации может быть шесть и только шесть типов мировоззрения и реальности, используем элементы параметрической общей теории систем А.И. Умова [11, 12].

С позиций этого подхода триада: *дух (S) – душа (M) – тело (B)* может быть интерпретирована в терминах языка тернарного описания (ЯТО) поочередно как *вещь, свойство* и *отношение*. По данному основанию получаем шесть возможных структурно-логических формул определения понятий триады. В упрощенной записи это формулы (1–6) в таблице.

Здесь центральный символ формулы обозначает вещь (субстрат), строчная буква справа от него – свойство (атрибут), а левый символ выражает отношение (реляционный параметр). Интерпретируя эти описания в терминах еще одной триады параметрической ОТС: *определенное – неопределенное – производное*, получим дополнительные друг другу определения понятий, но общий вид формул типов реальности при этом сохраняется.

3. Развитие системологии реальностей и мировоззрений

Предложенная система координат смыслового пространства реальностей позволяет разместить в нем множество промежуточных типов мировоззрения. Пользуясь рассмотренной таксономией, можно осознать предпосылки, которых мы придерживаемся, размышляя об основных слагаемых нашего мира, и оценить те или иные типы мироотношений. Каждый может свободно выбрать или осознать ту или иную позицию как свою, либо, скользя по горизонту мировоззрений, увидеть мир глазами представителей иных воззрений и лучше понять их.

Глядя на трехмерную систему типов реальности, мы как бы находимся в четвертом измерении. Рефлектируя четвертое измерение смыслового пространства, замечаем, что ему соответствует определение предметной сущности человека в *Имени (Слове)*. Как пишет А.Ф. Лосев, «без слова и имени нет вообще разумного бытия» [13], и для обретения бытием человека смысла нужно дать ему имя. Триада, тем самым, развивается в тетрактиду: *Дух – Душа – Тело – Имя*. Четвертое измерение смыслового пространства качественно отличается от остальных трех подобно тому, как время отличается от пространства. Имя дается человеку, а не его телесной, душевной и духовной составляющей. Поэтому имя *N* соотносится не с каждым из трех остальных понятий, а с триадой как целым:

$$N \{S, M, B\}; \quad (7)$$

$$\{S, M, B\} N. \quad (8)$$

Здесь мы возвращаемся к двухместной логике, где положение символа *N* слева или справа от фигурных скобок обозначает, соответственно, субъект или предикат. В итоге, с учетом (1–6), получаем *восемь* типов реальности.

При этом триада «*вещь – свойство – отношение*», лежащая в основе параметрической ОТС, расширяется до тетрактиды понятием «*состояние*».

Понятие состояния используется в логике со времен *Аристотеля*, наряду с категориями свойства и отношения, для обозначения основных признаков вещей и традиционно считается предикатом. Однако понятие состояния обычно связывается с изменением вещи во времени, что не присуще абстрактным объектам формальной логики или математики, которые, по Аристотелю, если и существуют, то особым образом, не изменяясь во времени. По этой причине оно чаще всего не ставилось в один ряд с категориями вещи, свойства и отношения в логике и ОТС, не будучи признано общесистемным параметром. В последнее время эта категория привлекает повышенное внимание ученых, и разработка проблемы предикатов состояния нашла отражение на страницах настоящего журнала в статьях К.Г. Красухина [14, 15]. В свою очередь, создатели и сторонники параметрической

кой ОТС вновь обратились к понятию состояния.

Наша трактовка понятия состояния в отношении чисел и других математических объектов, как оно связано с изменением во времени, основана на понимании Аристотелем времени как числа движения: «...Время есть число движения в отношении к предыдущему и последующему и, принадлежа непрерывному, оно непрерывно... Время не есть число, которым мы считаем, а подлежащее счету. ...Находиться во времени значит одно из двух: во-первых, существовать тогда, когда существует время; во-вторых, в том смысле, в каком мы говорим о некоторых вещах, что они «в числе». Это указывает для вещи или что она часть числа, его состояние или вообще что-нибудь от числа, или что у нее имеется число. А так как время есть число, то... предметы... находятся во времени, как в числе» [16].

Таким образом, если *вещь* может быть *состоянием числа*, понятие состояния вполне может быть мыслимо в одном ряду с категориями вещи, свойства и отношения, преобразуя триаду в тетрактиду. При этом нужно иметь в виду, что у Аристотеля речь идет о двух значениях пребывания во времени и о двух видах числа – считаемого и того, посредством которого мы считаем. Этим различиям могут быть поставлены в соответствие два полюса оси *N* – именуемого и именующего, мыслимого и мыслящего, ибо «всякое мышление... есть связь мыслящего и мыслимого» [17]. Тем самым интерпретация особого статуса четвертого измерения смыслового пространства реальностей и мировоззрений как времениподобного оказывается не только метафорой, но наполненной реальным содержанием.

Переход от триады к тетрактиде является весьма характерным для античной диалектики, развитой А.Ф. Лосевым. В связи с этим возникает вопрос о трансформации триады «*определенное – неопределенное – произвольное*», также используемой в ОТС Умова, в тетрактиду. В нашем понимании отношений детерминации и ОТС четвертой категорией этого ряда может являться понятие «*избранное*» (или «любимое»). Это отношение выра-

жает призвание, миссию, смысл бытия человека, свободу творчества (а не свободу выбора из наличествующих возможностей) [10]. Тем самым временная природа четвертого измерения смыслового пространства, проистекая из вечности, обретает жизненность и свободу творящего и осознающего себя духа.

В мировоззрении возникает философское ядро как теоретическое самосознание культуры. Две большие группы мировоззрений, выражаемых формулами (7) и (8), соответствуют делению всех философских систем на философию *Свободы* и философию *Бытия*, предложенному Н.А. Бердяевым. Можно интерпретировать это деление мировоззрений и в соответствии с вариантами решения вопроса о смысле бытия: признанием приоритета *Смысла* по отношению к *Бытию* (жизни, истории и т. д.) или утверждения первенства *Бытия* по отношению к *Смыслу*.

Категории, соответствующие новой оси *N*, – *Смысл* и *Бытие* – не стоят в одном ряду с понятиями *Единое* и *Я*, *Природа* и *Иное*, *Бог* и *Ничто*. Последние объемлются категорией *Бытие* и образуют *мыслимую* (определяемую) сторону предметной сущности человека. *Смысл* же относится к *мыслящему* (дающему определение) полюсу мышления. Типы реальности из абстрактных и, в общем случае, не составляющих единую онтологию понятий превращаются в конкретно-всеобщие категории и даже в живую реальность *Бытия*.

4. Типы философских дискурсов

Вместе с четвертым смысловым измерением пространства реальностей и мировоззрений «предпосылки размышления об основных слагаемых мира» воплощаются в самое размышление, в тот или иной тип философского дискурса. Разновидности дискурсов можно получить, сочетая формулы (1–6) с субъектным или предикатным положением термина *N*.

Вариант философствования, проведенного в конце предыдущего параграфа, выстраивает модель типологии реальностей, которая совпадает с пространственно-временной структурой платоновского космоса, где время имеет начало, а пространство бесконечно. Не

случайно данная модификация типологии реальностей получена благодаря *православному неоплатонизму* А.Ф. Лосева. Упрощенная формула этого типа дискурса, который условно можно назвать имяславием, такова:

$$N \{bSm\}. \quad (9)$$

В этом подходе воплощены, в частности, элементы энергийной диалогии и диалектики. Если *Слово* выражает не *Имя*, а *Глагол*, соответствующий способ отношения к миру предстает как вариант *энергийного дискурса*, разрабатываемый и разделяемый С.С. Хоружим [18]

$$\{bSm\} N. \quad (10)$$

Этот подход является развитием философии А.Ф. Лосева. Он берет истоки в учениях восточных отцов церкви и православном исихазме, опираясь при этом на современные научные представления о *ВР*. Энергийный дискурс приходит на смену эссенциальному (классическому) и экзистенциальному (неклассическому) дискурсам и, на наш взгляд, является альтернативой постмодернизму, адекватной, однако, состоянию постмодерна. В этой философии выделяются «три различных горизонта энергийной онтологии»

«События трансцендирования
События наличествования
Виртуальные события» [18].

Эти «горизонты энергийной онтологии» могут быть представлены как типы реальности следующим образом: 1) *трансцендентная реальность*, 2) *наличное бытие*, 3) *виртуальная реальность*.

Другой вариант *энергийного дискурса*, описываемый С.С. Хоружим, который позволяет осмыслить виртуальную реальность:

$$\{mBs\} N. \quad (11)$$

Современное миропонимание и мышление в форме *полионтического дискурса* реализовано в *виртуальной философии* Н.А. Носова [19, 20]:

$$N \{mBs\}. \quad (12)$$

Оно является переосмыслением восточной патристики, средневековой схоластики, неклассических и современных концепций *ВР*. Согласно этой теории, *ВР* порождается и поддерживается *константной реальностью*, превращается в константную реальность иного уровня, которая порождает свою *ВР*. Этому

непрерывному процессу порождения предшествует, однако, творение, и самой первой реальностью является *Творец*, который повелевает одним реальностям порождать другие. Несводимые друг к другу виды реальности и неограниченное количество уровней порождения реальностей здесь образуют полионтичность виртуальной философии. В нашем дальнейшем изложении мы переопределим константную реальность как наличную.

Далее, поскольку в структуре *Бытия* содержится все слагаемые не только мира, но и человека, оно может мыслиться как *Другой* по отношению к мыслящему как *моему Я*. Я переживаю или со-переживаю экзистенциальному *Я Другого*, тем самым общаясь с ним, и созерцаю в себе воспринятые смыслы. Такая интерпретация постижения мира через *Другого* дает не что иное как *диалогическую* формулу которой может иметь следующий вид

$$N \{bMs\}. \quad (13)$$

Экзистенциальный дискурс может быть выражен символически следующим образом:

$$\{bMs\} N. \quad (14)$$

Здесь существование как экзистенция, то есть переживаемое человеком присутствие в мире, предшествует сущности.

В свою очередь, классический, *эссенциальный* тип философствования, соотносящий сущности с единичными вещами и универсалиями, имеет разновидности, которые назовем условно *номинализмом* и *реализмом*. Они характерны не только для средневековой схоластики, но проявляются в античной и современной философии:

$$\{sBm\} N. \quad (15)$$

$$N \{sBm\}. \quad (16)$$

Восточное философское мировоззрение в *китайско-конфуцианском* варианте характеризуется приспособлением к миру

$$\{sMb\} N. \quad (17)$$

Мистический способ философствования – *индийский* путь Сердца заключается в спасительном уходе в духовную реальность

$$N \{sMb\}. \quad (18)$$

Постмодернистский дискурс осуществляет деконструкцию мироздания, вплоть до его деструкции «ничтожащим *Ничто*»:

$$\{mSb\} N. \quad (19)$$

«Афтерпостмодернизм», в частности, «интегральное сознание» Кена Уилбера [21, 22], пытается примирить и объединить различные мировоззрения, не имея, однако, для этого бытийственной основы:

$N \{mSb\}$. (20)

Мы выстроили 12 типов философского мировоззрения из 24 мыслимых (при условии содержательного различения видов реальности N). Эта типология не претендует на окончательный вид и требует дальнейшей проработки. Из рассмотренных вариантов философского дискурса автору представляются перспективными (10), (9) и (12), представленные именами отечественных философов А.Ф. Лосева, С.С. Хоружего и Н.А. Носова. Системный инструментарий, который может быть развит далее и эффективно применен – это параметрическая общая теория систем А.И. Уемова.

* * *

Итак, в статье ставится и решается на определенном уровне задача построения системологии реальностей. Получена также содержательная метаонтология, охватывающая шесть типов реальностей и соответствующие им мировоззрения. Для более глубокого и содержательного осмысления реальности требуется развитие личностного начала системно-философского анализа. Предложенная типология может быть интерпретирована в терминах триипостасной диалогии *Я – Ты – Он* или *Я – Ты – Мы*. Можно предположить, что четырехипостасное основание типологии *Я – Ты – Мы – Он* даст новый вариант классификации реальностей и метаонтологии. Использование логических и системных методов, а также геометрии смысловых пространств будет вести к ответвлению от философии содержательных онтологий и метаонтологий как философских наук.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск: Изд-во «Водолей», 1998. – С. 225.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Изд-во «Ad Marginem», 1997. – С. 202–208.
3. Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс – «Энциклопедия», 1994. – С. 388.

4. Франк, С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1997. – С. 247–248.
5. Сайр, Дж. Парад миров: Типология мировоззрений / Дж. Сайр. – СПб.: «Мирт», 1997. – С. 14.
6. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – С. 29, 36.
7. Фалько, В.И. Типология мировоззрений / В.И. Фалько // Лесной вестник. – 2002. – № 3(23). – С. 186–191; 2003. – № 4 (29). – С. 137–147.
8. Фалько, В.И. Типы реальности. Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24 – 28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 3 / В.И. Фалько. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 573.
9. Фалько, В.И. Типология реальностей / В.И. Фалько // Философские науки. – 2005. – № 7. – С. 118–132; № 8. – С. 115–128.
10. Фалько, В.И. Типология философий / В.И. Фалько // Гуманитарные дисциплины в техническом вузе: сб. науч. тр. ГОУ ВПО МГУЛ, Гуманитарный факультет. – Вып. 332. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2005. – С. 318.
11. Уемов, А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уемов. – М.: «Мысль», 1978.
12. Уемов, А.И. Общая теория систем для гуманитариев: учеб. пособие / А.И. Уемов, И. Сараева, А. Цофнас. – Варшава: Изд-во “Universitas Rediviva”, 2001.
13. Лосев, А.Ф. Философия имени. Бытие – имя – космос / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – С. 627.
14. Красухин, К.Г. Опыт построения универсальной классификации предикатов / К.Г. Красухин // Лесной вестник. – 2002. – № 3 (23). – С. 62–75.
15. Красухин, К.Г. Предикаты состояния / К.Г. Красухин // Вестн. Моск. гос. ун-та леса – Лесной вестник. – 2003. – № 4 (29). – С. 77–86.
16. Аристотель. Физика // Сочинения. В 4-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1981. – С. 150, 151, 152.
17. Творения преп. Максима Исповедника. – М.: Мартис, 1993. Цит. по: Христианство и наука. М., 2004. – С. 62.
18. Хоружий, С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 64.
19. Носов, Н.А. Виртуальная реальность / Н.А. Носов // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 152–164.
20. Носов, Н.А. Виртуальная психология / Н.А. Носов. – М.: «Аграф», 2000. – С. 7–53.
21. Уилбер, К. Краткая история всего / К. Уилбер. – М.: АСТ: Астрель, 2006.
22. «Интегральные идеи – в практическую жизнь!» Интервью с пионером интегрального сознания Кеном Уилбером // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 73–89.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЕВРОПЕЙСКОГО НИГИЛИЗМА

С.П. КРАСНИКОВ, доц. каф. философии МГУЛ, канд. филос. наук

Началом европейского нигилизма принято считать книгу Фридриха Ницше «Веселая наука». Много лет спустя Мартин Хайдеггер написал книгу, посвященную творчеству Ницше. По его мнению, ницшевский нигилизм необходимо понимать как «теологию отсутствия». Это отсутствие уничтожает всякую жизненную истину по ту сторону тленности и смерти и определяет содержание европейского нигилизма. То есть возникает отношение, в силу которого европеец отказывается признать за действительность продукт интеллектуальной разработки, признавать сверхразумное продуктом разумного, сверхчувственное – абстрактной причинной предпосылкой чувственного. По мнению Хайдеггера, в связи с этим можно говорить об идолоборческом апофатизме, который в форме нигилизма проявляется как «внутренний кризис» западной метафизики. В своей статье я хочу показать исторические предпосылки европейского нигилизма и проанализировать его метафизические предпосылки.

Для начала напомним, что, начиная со средних веков, европейская метафизика строится на предпосылке существования Бога, но в то же время она начинает постепенно изолировать от мира божественное присутствие. Бог отождествляется с интеллектуальным понятием безличной и абстрактной «первопричины» мира или абсолютного «авторитета» в этике. В обоих случаях существование Бога есть интеллектуальная необходимость, подкрепленная доказательной аргументацией, но лишенная связи с историческим опытом и экзистенциальными перипетиями человеческой жизни.

В силу того, что европейская метафизика предлагает абсолютизировано рационалистически принять Бога, она приготавливает и возможность рационалистически отрицать его. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что «смерть Бога» есть итог почти тысячелетнего исторического развития этого абсолютизированного и обоюдоострого рационализма в пространстве западноевропей-

ской цивилизации. «Нигилизм употребляется Ницше как название им впервые опознанного, пронизывающего предыдущие века и определяющего собой ближайшее столетие исторического движения, – отмечал Хайдеггер, – истолкование самой сути, которого он сводит к короткому тезису: «Бог умер» [1].

Впервые в концентрированном виде выражение исторического соблазна Запада, а именно произвести попытку рационально обосновать существование Бога, было предпринято в философии Декарта. В работе «Рассуждения о методе» существование Бога доказывается с помощью единственного инструмента – мыслительной способности субъекта. В результате из интеллектуального восприятия моего собственного ограниченного бытия и мышления я должен сделать вывод о наличии некоего совершенного бытия и мышления – о наличии такого существа, которое вмещает в себя все бытийные и умственные совершенства. А поскольку интеллектуальное схватывание представляет собой единственный способ удостоверения той или иной истины, существование Бога доказывается через схватывание идеи Бога. То есть мы постигаем Бога умом как совершенное сущее. Следовательно, Его существование содержится в этой идее так же, как в идее треугольника содержится та истина, что сумма его углов равна двум прямым, и даже с большей очевидностью. Таким образом, существование Бога, этого совершенного сущего, так же несомненно, как несомненна любая геометрическая истина. «И я не должен думать, что постигаю бесконечное не при помощи истинной идеи, – отмечал Декарт, – а только через отрицание того, что, конечно, подобно тому, как я понимаю покой и мрак через отрицание движения и света. Наоборот, я ясно вижу, что в бесконечной субстанции находится больше реальности, чем в субстанции конечной, и, следовательно, понятие бесконечного в некотором роде первое во мне, чем понятие конечного, то есть понятие Бога первое понятия меня самого; ибо каким образом мог бы я

узнать, что я сомневаюсь и желаю, то есть что мне чего-то недостает и что я не совершенен, если бы я не имел в себе идеи бытия более совершенного, чем мое собственное, через сравнение с которой я узнал бы недостатки своей природы?» [2]. Поэтому можно сказать, что Декарт вводит в человеческую историю понимания *ratio*, причем *ratio* представляет собой самостоятельную субъективную способность индивидуального интеллекта, достаточную для определения и полного постижения истины, ибо она является уменьшенной копией божественного разума. Следовательно, можно сделать вывод о том, что Бог Декарта предстает как производное или продукт познавательной самодостаточности, которую обеспечивает субъекту *ratio* – вне или помимо опыта реальности, или опыта жизни, который всегда есть опыт отношения. Впервые в истории философии все это увидел у Декарта Фридрих Ницше. По мнению Ницше, логические доказательства существования Бога отрицают Бога как реальное предметное присутствие. Исходя из этого можно сделать вывод, что «Монизм субъекта», который навязал европейской философии Декарт, имеет своим логическим следствием не Бога, а именно абсолютизированного субъекта, «сверхчеловека». Хотя надо признать, что сам Декарт, считающий себя религиозным человеком, не решился на такие крайние выводы. Он утвердил субъекта в качестве абсолютного определяющего начала бытия и познания, подчинил Бога абсолютизированному человеку, однако не увидел, что его позиция была проповедью «смерти Бога» и утверждением «сверхчеловека».

Следующим представителем «атеистического теизма» являлся Спиноза. Напомню, что Бог Спинозы есть внутренняя необходимость природы. Природа и Бог отождествляются в единой, вечной и бесконечной субстанции, которая существует сама в себе и постигается через себя, будучи причиной и бытием самой себя и разделяясь только на природу творящую и природу сотворенную. «Бог, или субстанция, – отмечал Спиноза, – состоящая из бесконечно многих атрибутов, из которых каждый выражает вечную и бесконечную сущность, необходимо

существует» [3]. Сущее и идеи – два способа, какими бытийствует и проявляется эта общая сущность Природы и Бога: они имманентно содержатся в этой сущности как ее необходимые следствия и представляют собой переходящие способы ее выражения. Поэтому и можно сказать, что подобное универсальное понимание всего существующего, абсолютно контролируемое как требованиями разума, так и опытом чувств, не оставляет места бытию или Богу за пределами внутримирской действительности. Поэтому в чувственном опыте сущего и в умном схватывании идей человек познает два свойства божественной сущности мира: мышление и протяженность. Человеческое мышление есть самосознание Бога, протяженность предметов – Его вечное измерение.

Наглядное завершение автономизация возможностей разума в рамках «естественной теологии» приобретает в философии Лейбница. По его мнению, познание как физики, так и метафизики должно подчиняться требованиям строгой Науки, то есть требованиям доказательности, гарантируемой рационально-логическим. Это все проявилось в его третьем доказательстве бытия Бога. Кратко его можно изложить следующим образом. Истинность нашего опытного знания имеет свое «достаточное основание», которое содержится в качестве причины в общих посылах – первоначалах, непроверяемых и поэтому логически обязательных. Речь идет о самосущих, вечных истинах. Но если наш ограниченный во времени разум содержит в себе достаточные основания опытного знания, то достаточным основанием вечных истин должен быть, согласно логической необходимости, вечный божественный ум. Ведь основание сущего само непременно должно существовать. Таким образом, Бог предстает в доказательстве как сущий разум, равнодействующая всех вечных истин – метафизических, математических и нравственных, служащих мерилем истинного, совершенного и справедливого. Поэтому в божественных решениях нет ничего логически произвольного. Мир в целом организован на основе чистой логики, Бог есть сама логичность. Исходя из всего сказанного можно сделать следующий вывод, что у Лей-

бница утверждение интеллектуализма как единственного пути метафизического познания обретает историческое завершение.

Но необходимо помнить, что сам только что описанный процесс имел корни в средневековой схоластике. Уже в средние века начинается процесс подчинения метафизики методу рассудочного доказательства, но в Средневековье кроме доказательного интеллектуализма проповедовался апофатический характер божественной истины и бессилие человеческого разума познать, что же в действительности есть Бог, Его сущность, Его трансцендентное бытие. Апофатизм схоластиков не противопоставил интеллектуальному постижению и доказательному утверждению понятие Бога никакой другой познавательной возможности. Он лишь подчеркнул относительный характер рассудочных определений и редукции тварного к нетварному. В результате он косвенно способствовал появлению релятивизма, скептицизма и агностицизма в пространстве западноевропейской цивилизации. Исходя из этого можно сказать, что апофатизм схоластиков игнорирует точку зрения на знание и истину, которая была характерна для всей греческой философской традиции как дохристианской, так и христианской. Как пишет Мартин Хайдеггер: «Средневековой Схоластике неведомо знание как эмпирическая непосредственность отношения, неведомо тождество («истинствовать») и («участвовать», «быть причастным»). Ей неведома верификация знания в общественной динамике отношений» [4]. Следовательно, схоластический апофатизм есть апофатизм божественной сущности. Он настаивает на сущностном различии, которое предполагается всякий раз, когда нетоварный Бог соотносится по аналогии с творениями.

Теперь необходимо показать различие между апофатизмом сущности, представленным западной схоластикой, и апофатизмом личности, характерным для мысли греческого Востока. Это различие четко отражает непримиримое противоречие на гносеологическом и онтологическом уровнях. Апофатизм сущности означает, что в познании сущего мы отправляемся от индивидуальной мыслительной способности, а значит, позна-

ем все существующие вещи как завершенные субстанции, определенные своей, данной сущностью, как мы ее понимаем. Если же эта сущность нетварна, трансцендентна, сверхприродна, то мы признаем, что знаем о ее существовании, но не знаем, какова она в действительности. Такую позицию мы и называем апофатической.

Апофатизм личности означает следующее: мы исходим из того факта, что наше существование и обретенное нами знание суть динамичные события отношений. Причем отношения не исчерпываются констатациями ума, но представляют собой универсальное экзистенциальное событие, обретающее многогранность во множестве способностей восприятия, а именно: в способностях ощущения, критики, анализа, синтеза, воображения, эмоционального переживания, интуиции и др. Никакое интеллектуальное определение не в состоянии исчерпать знание, обретаемое нами из непосредственного отношения. Следовательно, и логическое определение сущности не может предшествовать знаковости каждого сущего, как мы познаем ее в непосредственном отношении, но следует за ней. Таким образом, если Бог – тоже сущее, Он познается прежде всего как сущее в непосредственном отношении, а не как сущность, схваченная в рассудочной дефиниции. Никакое слово не в состоянии заменить или исчерпать непосредственное познание через отношение. Особенно это характерно, когда мы имеем дело с личностью, знаковость которой не только феноменологическая, она заключается в свободном определении самим субъектом своего способа существования. Поэтому мы и говорим об апофатическом характере всякого определения, приписываемого личностной знаковости Бога.

Исходя из всего сказанного можно сделать вывод, что апофатизм сущности в западной метафизической традиции с его отрицательными определениями сущностной знаковости Бога или мистическим выражением сущностной неопределимости безличного Абсолюта не только не противоречит историческому развитию релятивизма и агностицизма, но органически вписывается в это движение. Мартин Лютер подверг резкой критике

интеллектуализм схоластиков. Бог Лютера недостижим для логики, это «сокрытый Бог». Приблизиться к «сокрытому Богу» можно только через веру. Со своей стороны хочу заметить, что объективное рационалистическое обеспечение метафизического знания хотя и вооружает субъекта некоторыми несомненными интеллектуальными истинами, но в то же время подчиняет его институциональности объективированного знания. Напротив, абсолютизированная вера ведет субъекта к освобождению из пелен объективизма, делает субъективно психологическим. Таким образом, вера абсолютизируется как строго субъективная возможность «познать» Бога; конкретнее – как психологическое, эмоциональное участие в таинстве Креста и Страстей. То есть происходит отказ человека от познания Трансцендентного Абсолюта путем объективных доказательств. Этой же позиции придерживался великий философ эпохи Реформации Якоб Беме. Божественный космос становится познаваемым лишь из человека – микрокосмоса, из его конкретного жизненного опыта, а не из абстрактных интеллектуальных построений объективной логики. По сути, философия Реформации представляет собой воинствующее отрицание интеллектуализма, замкнутое, однако, в пространстве его исходных предпосылок: в «монизме субъекта», в исчерпании всякой познавательной возможности пределами индивидуального усилия. В целом мы прямо можем сказать, что перед нами рационализм, вывернутый наизнанку. «На самом деле сама она (мистика Реформации) представляет собой чистейший рационализм, – отмечал С.Н. Булгаков, – только с отрицательным коэффициентом, с минусом» [5].

Главным выразителем реформационного протестантизма стал Иммануил Кант. В своей «Критике чистого разума» он противопоставляет критическую способность чистого разума догматическому концептуализму метафизики схоластиков. Категории знания в принципе имеют опытную природу. Однако, отправляясь от опытного знания, ум приходит к синтетическим суждениям, или априорным истинам, которые соотносятся с опытом, хотя и не выводятся из него. (Примеры таких

истин: целое, первое, пространство, время, душа, Бог). Рассудок, с его априорными началами, не в состоянии добиться независимого от опыта знания. Поэтому метафизика есть наука о пределах человеческой логики. Ее пространство определяется, с одной стороны, данными опыта, а с другой – априорными синтетическими суждениями. Объекты опыта мы познаем как явления (феномены), а не в их истинной сущности, так же как и априорные синтетические суждения мы познаем только как логические возможности (ноумены), а не как действительности. Критическая работа чистого разума по обозначению границ между феноменальными и ноуменальными истинами и по систематизации внутри этих границ взаимных отношений между априорными суждениями и опытными данными – эта работа и есть метафизика, такова позиция Канта. «Весь ход нашей критики в достаточной степени убеждает нас, что, хотя метафизика не может быть фундаментом для религии, – отмечал Кант, – в себе она остается оплотом ее и что человеческий разум, диалектический уже по природе своей, не может обойтись без такой науки, обуздывающей его и предохраняющей его посредством научного и совершенно ясного самопознания от опустошений, которые в противном случае непременно произвел бы в морали и религии не подчиненный закону спекулятивной разум. Следовательно, метафизика природы и нравов и в особенности предварительная критика разума, отваживающегося летать на собственных крыльях, составляют, собственно, все то, что можно назвать философией в подлинном смысле» [6]. Исходя из этого Бог – это некое синтетическое суждение, принципиальная логическая возможность, простое понятие, которое, тем не менее, представляет собой истину, так как непосредственно соотносится с нравственным опытом. Нравственное требование субъективной человеческой воли есть та эмпирическая исходная точка, от которой отправляется чистый разум в определении начальной причины и конечной цели этической практики. Эта причина и цель есть Бог. В своей знаменитой работе «Религия в пределах только разума» Кант формулирует на основе своей философии происхождение религии из

этики, то есть истолкованное нравственных предписаний как божественных заповедей. Он противопоставляет сверхъестественному откровению нравственную необходимость религии и интерпретирует основополагающие начала христианской веры как требования практической этики: «Христос есть олицетворенная идея благого начала» [7].

Учение Канта хорошо показало, куда ведет теологический апофатизм Реформации. В результате мы можем сделать следующий вывод, что у Канта «Сокрытый Бог» схоластиков подменяется этическим принципом категорического императива, то есть самим человеческим субъектом – носителем априорного суждения чистого разума, которое как нравственное требование оказывается регулирующей ценностью общечеловеческого опыта. Дальнейшее продолжение эти идеи обрели в работах последующих представителей немецкого идеализма.

И.Г. Фихте сделал отправной точкой своего философского творчества кантовский критицизм. Основная черта, характеризующая учение Фихте в целом, состоит в самом последовательном полагании человеческого субъекта в качестве центральной фигуры всякой философии, науки и знания вообще. Любое знание есть самонаблюдение человеческим Я своей собственной созидательной и нравственной деятельности, поскольку только Я безусловно и абсолютно существует для самого этого Я. Метод самонаблюдения выражен в диалектической схеме: тезис – антитезис – синтез. Предпосылкой любого знания является самосознание Я, критическое осознание им самого себя как единственной и абсолютной причины всякого опыта. Этот принцип осуществляется с предельной полнотой в высказывании Я=Я, где Я выдвигается в качестве последнего итога всякой истины о духе, воле, нравственности, вере.

Вторая ступень – это антитезис, основанный на логической посылке: Я не равно НЕ-Я. Речь идет об обозначении реальности не-Я, в котором Фихте совокупно выражает природу и материю, внутреннюю связь между ними и всякую объективную связь между ними и всякое объективное ограничение субъективной воли.

В завершение является третья ступень – синтез: противопоставление Я и не-Я и их взаимное ограничение, которое, однако, не упраздняет ни самотождественности и самосознания Я, ни реальности не-Я. Просто оно дает абсолютной действительности Я возможность вместить в себя также всякую иную действительность, внешнюю по отношению к ней самой.

Исходя из сказанного можно сделать следующий вывод, что Я, будучи единственной отправной точкой для приближения к реальности, определяет эту реальность в пределах своих познавательных возможностей. Поэтому мир есть материал для человеческой деятельности, а также чувственная предпосылка нравственного долженствования как самосознания Я своей ограниченности через не-Я. Но и то, что определяется познавательной способностью Я, тоже имеет предел, так как определяется только в качестве не-Я.

Следующим представителем немецкого идеализма являлся Шеллинг, он исходит из оппозиции к субъективному идеализму, поэтому вместо антитезы Я и не-Я он берет более конкретную антитезу Я и природы. Он задается вопросом о том, как интеллект приходит к природе, и о том, как природа приходит к интеллекту, проводя таким образом равновесие обоих принципов вплоть до полного отождествления их в Абсолюте, откуда они исходят в виде так называемых потенциалов. Шеллинг доходит до вполне четкого учения о том, что хотя идеальное и реальное отождествляются в Абсолюте, превращаются в так называемую индифференцию, но сам Абсолют не есть эта индифференция, но нечто высшее. Поэтому у Фихте Божественное трактуется только исходя из нравственного сознания субъекта как осуществление нравственного долга в мире – осуществление посредством бесконечной цепи отдельных сознаний внутри него. Существующий и действующий в сознании нравственный порядок это и есть Бог. Шеллинг все-таки пытается сохранить апофатическое понимание Бога, что усилилось в его позднем творчестве, когда он создает «Философию откровения».

Следующей фигурой, к которой нам необходимо обратиться, является Г.В.Ф. Ге-

гегель. В своей философии Гегель исходит непосредственно от Канта, но лишь с целью опровергнуть взгляд на опыт как на самоочевидную исходную предпосылку знания. По мнению Гегеля, опыт должен быть удостоверен мыслью для того, чтобы стать знанием. Мысль же представляет собой не просто интеллектуальное подтверждение и логическую обработку опытных данных, но диалектическую работу духа, то есть динамичное самосознание духа, которое движется от антитезы к предметной действительности. Человеческий дух признает самого себя только в диалектическом отношении с объективной действительностью. Все это объясняется тем, что действительность разумна и происходящие в ней события служат выражением некоторой идеи. В результате, в диалектическом отношении дух определяет существование предметов и событий и в то же время самоопределяется как их противоположность. Следовательно, в познавательной деятельности субъекта раскрывается тождественность как субъекта, так и объекта. Таким образом получается, что сама сущность вещей диалектична; природа представляет собой предпосылку духа, его «инобытие».

Гегель абсолютизирует человеческий дух в его соотносительности с универсальными измерениями объективной реальности. Человеческая мысль становится у него действием Абсолютного Духа, отождествляемого с Богом. Философская система Гегеля, согласно его собственной характеристике, есть попытка постигнуть самосозидание Абсолюта. Бог объективирует Самого Себя в природе и таким образом осознает самого себя. Природа есть предпосылка самосознания Бога, второй термин Абсолюта, тождественный Абсолюту по диалектической связи. Но синтез диалектической противоположности Бога и мира совершается только по способу человеческого самосознания. Человеческое самосознание представляет собой единственную возможность для Абсолютного Духа осознать самого себя в конечном, а также единственную возможность для конечного осознать самого себя в бесконечном. «Логика, стало быть, следует понимать как систему чистого разума, — отмечает Гегель, — как царство чистой

мысли. Это царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой. Можно поэтому выразиться так: это содержание есть изображение Бога, каков Он в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа [8]. Поэтому в нашем знании о Боге, которым мы обязаны Богу, Он узнает в нас самого себя.

Гегель тем самым отождествляет религию и философию. У них общий предмет — определение Абсолюта. Разница состоит лишь в технических средствах этого определения: философия использует понятийные дефиниции, религия — мифологические образы. Но в конечном счете они преследуют одну и ту же цель — «познание Бога», которое есть высочайшая область самосознания человека и самосознания Абсолюта. «Философия имеет с искусством и религией одинаковое содержание и одинаковую цель, — писал Гегель, — но она есть высший способ понимания абсолютной идеи, так как способ философии есть высший, понятие» [9]. Поэтому можно сказать, что из самого Гегелевского определения содержания логики вытекает, что оно не только совпадает с предметом религии, беря его в высшем смысле, т.е. богопознание, но и богосознание; иначе говоря, идея и есть Бог, по крайней мере в его логической природе. В конечном счете это означает, что Бог есть человеческий разум, поднимающийся до масштабов разума божественного.

«Внутренний кризис» западной метафизики — прогрессирующий нигилизм в отношении Бога как бытийной реальности — был исторически осознан в ницшеанской проповеди «смерти Бога». Необходимо понять, что Ницше проповедует не какой-то умозрительный нигилизм, а констатирует, что место Бога пусто: Бог отсутствует. Все это не набор философских тезисов, не идеологическая предпосылка к разработке новой философской системы, а историческая констатация и интерпретация окончательно свершившегося события. Проповедь Ницше звучит как последнее, заключительное слово европейской метафизики, раскрывающее истинный масштаб происшедшего исторического переворота. Кроме этого, в проповеди Ницше содержится элемент исторической первичности,

оригинальности, а именно властный вызов европейскому историческому самосознанию. Хочу здесь напомнить, что сознание европейца метафизично. Оно предполагает существование Бога как разумной «Первопричины» мира и постулируемого «начала» нравственных предписаний. Следовательно, проповедь «смерти Бога» означала отрицание предпосылок европейского самосознания, вызов, осознание абсурдности бытия, подрыв устоев общественной жизни. Поэтому Ницше вполне сознавал, что «смерть Бога» означает «отмену всех ценностей». Ницше провозглашает это отрицание как свершившийся факт, как величайшее внутреннее противоречие европейской истории. Его слова – плод исторического самопознания, возмущивший сознание европейского человека.

Комментируя слова Ницше о «смерти Бога», Хайдеггер пишет: «Весть о смерти Бога относится к христианскому Богу. Но не менее верно и то (и наша мысль должна остановиться на этом прежде всего), что имена «Бог» и «христианский Бог» используются Ницше для обозначения сверхчувственного мира вообще. Бог – это имя для пространства идей и идеалов» [10, С. 174]. Само по себе отождествление сверхчувственного мира смыслов с именами «Бог» и «христианский Бог» у Ницше не было оригинальным. Оно представляет собой основную многовековую тенденцию западной теологии. Рационализация церковного опыта являлась историческим соблазном для Запада – соблазном вселенского диктата Церкви как непререкаемого авторитета. Сверхчувственный мир первоначал и первопричин, как логически определяет его философская метафизика, был отождествлен с историческим откровением личного Бога, непосредственный чувственный опыт встречи с которым доставила христианская Церковь. Этот опыт всегда казался философам-метафизикам «нелепостью». «Западная метафизика, – пишет Хайдеггер, – основывается на первенстве логики... Рядом с психологией и космологией и над ними возникает теология – не как толкование библейского откровения, но как рационалистическое толкование библейского учения о Боге как причине сущего, природы и человека, его истории и деяний»

[10, С. 184]. Только поэтому христианская метафизика отождествляется у Ницше не только с пространством идей и идеалов вообще, но особенно с платонизмом. Именно благодаря своему платоническому характеру западная метафизика теологична даже в тех случаях, когда противостоит церковной теологии. Об этом много писали Хайдеггер и Жильсон. Напомню, что Платоновская картина мира рационалистически теоцентрична и влияние этого образца прослеживается во всей западной метафизике. Бог есть логически обязательная Первопричина сущего: как онтология, так и космология Запада базируются на исходной логической необходимости. Уже начиная с эпохи Августина и заканчивая эпохой Лейбница и Декарта, Бога определяли как сущность вещей, или бесконечно совершенное Сущее, которое постигается мышлением через возведение к абсолюту мыслительных способностей человеческого существа. Однако, утверждает Хайдеггер, и противоположное интеллектуализму течение иррационализма на Западе отправляется от той же веры в разум: «Мы можем констатировать наличие веры в разум и сопутствующего ей властного господства *ratio* не только со стороны рационализма. В равной мере к пространству веры в разум принадлежит и иррационализм. Величайшие рационалисты очень быстро приходят к иррационализму и наоборот: там, где картина мира определяется иррационализмом, торжествует рационализм» [10, С. 198]. Западная традиция всегда пыталась совместить катафатические и апофатические суждения. В результате естественная теология предстает как логика утверждений, апофатическая теология – как логика отрицаний.

Именно Кант был первый, кто последовательно отрицал первенство логики при определении сущего. Он провел различие между мыслью и бытием и отверг отождествление идей разума с бытием как таковым, ознаменовав тем самым конец классической онтологии. Но необходимо сказать, что кантовская философия не пробилась ни малейшей брешью в «монизме субъекта», который является предпосылкой и основанием интеллектуальной метафизики. Она установила согласие между разумом и бытием при главенс-

твующей роли опыта и тем самым положила начало антропоцентрической онтологии Нового времени, тем самым заложила основы ранней феноменологии.

Гегель на основе феноменологических категорий сделал шаг вперед, установил факт сущностного отчуждения разума от вещей. Мы познаем вещи только как явления, но не в их сущности. Единственная возможность преодолеть это отчуждение заключается, по мнению Гегеля, в истории. История есть динамически осуществляющаяся и развивающаяся практика – деятельность духа, попытка его самореализации как свободы от всякой противоречивости, от всего частного и особенного. И поэтому история представляет собой итог всеобщего становления – как мира, так и Бога: итог развития Абсолютного Духа, которое совершается в пределах его конечного выражения, то есть в пределах историчности человеческого духа.

Исходя из этого, Хайдеггер констатирует, что осуществившийся в философии Канта и Гегеля скачок вовсе не означал преодоления границ субъекта. Приоритет разума снимается, и его сменяет приоритет опыта, или исторического бытия. При этом онтология, как и теология, остается антропоцентричной. «Применительно к метафизике Гегеля действительно следующее определение: метафизика абсолютного субъекта. Поэтому эпоха Нового времени определяется тем фактом, – отмечает Хайдеггер, – что человек становится мерилom и центром всего существующего» [10, С. 208].

Метафизика абсолютизированного субъективизма, то есть антропология как метафизика, означает также окончательное отождествление метафизики с аксиологией. Действительность сущего – прежде всего не логическая, а эмпирическая или историческая. Но эмпирическая, или историческая достоверность всех вещей соотносится с их полезностью: полезность есть мерило истинности и ценности сущего. «Ценность и аксиологическое определение становятся позитивистским заменителем метафизического» [10, С. 98]. Эта онтология, основанная на антропоцентристском ценностном подходе к объектам познания, дополняется теологией

практической целесообразности. Бог определяется как высшее «начало» шкалы ценностей, как обязательная предпосылка, завершение и цель всякой нравственной аксиологии. Бог есть «высшее благо», по аналогии с тем благом, которое составляет эмпирическую категорию нравственного сознания. Но это «первоначало», или вершина ценностной шкалы, оказывается, в конечном счете, лишь абстрактной и безличной необходимостью социальной этики – ценностью по имени «священное», сопутствующей таким ценностям, как справедливость, честность. Этот Бог, понятие о котором выводится из ценностей человеческого нравственного опыта, так же мертв, как и определяемый логикой детерминизма Бог классической метафизики. «Последний удар по Богу и сверхчувственному миру, – пишет Хайдеггер, – заключается в том факте, что Бог, сущее из сущего, возводится в ранг высшей ценности. Самый жестокий удар по Богу заключается в том факте, что мы считаем Его недоступным познанию, не в том, что доказывается недоказуемость Его существования, но в том, что, принятый за действительно существующего, Бог становится высшей ценностью. Этот удар был нанесен не теми, кто не верит в Бога, но верующими и их богословами» [10, С. 218].

Историческая эволюция как западной естественной теологии, так и западного апофатизма завершается и подытоживается проповедью «смерти Бога». Христианский Бог отождествляется как со сверхчувственным миром рационалистической метафизики, так и с формой культуры, или целесообразностью определенного устройства социальной жизни. Проповедь Ницше есть косвенное, но вполне ясное выражение долгого пути западной метафизики и теологии. Таким образом, проповедь «смерти Бога» есть историческое завершение и истолкование всей богословской эволюции западного христианства. Подчинение опыта Церкви рационалистической достоверности подготовило и рационалистическое опровержение этой достоверности. Рационализм, освобожденный от метафизических гарантий, которыми снабжала его схоластика, подготовил в истории господство индивидуалистического эмпиризма. А

индивидуалистический эмпиризм – это «открытая дверь» для вхождения нигилизма. Одновременно с этим иррационализм протестантского пиетизма подготовил появление «ценностного» прагматизма. Последний же закономерно привел от оспаривания ценностных приоритетов к релятивизму, а в конечном счете – к аморализму, к «отмене всех ценностей». Именно отмена ценностей «привела к дверям нигилизма», как и предвидел Ницше: «Этот неуютнейший из посетителей стоит у дверей» [11].

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Время и бытие. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 64.
2. Декарт, Р. Разыскание истины. Рассуждение о методе / Р. Декарт. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 97.
3. Спиноза, Б. Об усовершенствовании разума. Этика / Б. Спиноза. – М.: Эксмо – Пресс. – С. 596.
4. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993. – С. 93.
5. Булгаков, С.Н. Соч. В 2 т. Т.1. / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1992. – С. 535.
6. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – С. 495.
7. Кант, И. Метафизические начала естествознания. Религия в пределах только разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1999. – С. 722.
8. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики. Т.1 / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1997. – С. 43.
9. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики. Т.3 / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1997. – С. 703.
10. Хайдеггер, М. Исток художественного творения. Слова Ницше «Бог мертв». / М. Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993.
11. Ницше, Ф. Воля к власти / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2005. – С. 29.

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (Т.Н. ГРАНОВСКИЙ, П.Н. КУДРЯВЦЕВ, С.В. ЕШЕВСКИЙ, С.М. СОЛОВЬЕВ)

Т.Л. ШЕСТОВА, доц. каф. философии МГУЛ, канд. ист. наук

Вторая четверть XIX в. резко изменила лицо русской историографии. Изменения, произошедшие в этот период в русской исторической науке, можно охарактеризовать как *методологический переворот*, суть которого заключается в переходе русской историографии с позиций просветительского рационализма на позиции объективно-идеалистической диалектики.

На смену историческим концепциям, построенным на принципах Просвещения, приходит историописание, основанное на идеях немецкой классической философии. Учения Канта, Гердера, Шеллинга и особенно Гегеля становятся методологической основой передовой русской историографии. Антропологический рационализм просветителей, на котором строились исторические концепции конца XVIII – начала XIX века, заменяется поиском объективной рациональности исторического процесса; вера в прогресс, основанный на человеческих деяниях, заменяется верой в объективный прогресс духа. Мировая история начинает рассматриваться как процесс самопознания абсолютного духа, разви-

тие которого поочередно воплощается в истории отдельных народов.

Нравоучительные «деписания» историков-просветителей заменяются исследованиями, авторы которых стремятся писать, отыскивая глубинный смысл социальных процессов и раскрывая закономерность исторических явлений. Историков начинает интересовать не столько то, как именно происходило то или иное событие, сколько то, что стояло за этим событием, в чем заключались его истинные причины и каковы были последствия. Историческое познание превращается в поиск объективных законов всемирно-исторического процесса.

Проникновение идей немецкого идеализма в русскую мысль начинается уже в 10–20-е гг. Лекции профессоров-естественников М.Г. Павлова и Д.М. Велланского, публикации альманаха «Мнемозина», издававшегося московским кружком Любомудров (В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков), знакомили русское общество с идеями немецких мыслителей.

В 30-х гг. интерес к передовым идеям немецкой философии резко возрос. Увеличи-

вается количество публикаций работ немецких авторов в русских журналах. В университетскую практику входит обычай регулярных научных стажировок профессорского состава в Германии. Популярными профессора-гуманитарии Н.И. Надеждин, С.П. Шевырев, И.И. Давыдов, П.Г. Редкин, Д.Л. Крюков, Н.И. Крылов не только были хорошо знакомы с трудами немецких философов, но и пытались применить идеи последних в своих работах и лекциях по философии, эстетике, языкознанию, праву. В лице П.Я. Чаадаева, интенсивно переписывавшегося с Шеллингом, была осуществлена попытка создания на основе идей «Системы трансцендентального идеализма» оригинальной русской историософии. К этому же периоду относится первый (правда, неудачный) опыт написания конкретно-исторической работы по истории России, основанной на идеях немецкой идеалистической философии. Историк-самоучка Н.А. Полевой, журналист, писатель, издатель журнала «Московский телеграф», предпринял попытку написать на основе учения Шеллинга «Историю русского народа», в которой намеревался представить закономерный характер ряда социальных процессов в истории России, особенно народных движений.

В профессиональную русскую историографию идеи немецкой классики входят с конца 30-х – начала 40-х гг. с началом научной и преподавательской деятельности Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцева, С.В. Ешевского, С.М. Соловьева.

Начало методологического освоения идей немецкой классической философии русской профессиональной историографией следует отнести к деятельности профессора Московского университета **Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855)**.

Т.Н. Грановский – воспитанник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Еще обучаясь в университете, он стремился самостоятельно ознакомиться с передовыми идеями европейской мысли, штудирова произведения крупнейших европейских авторов конца XVIII – начала XIX вв. Его особое внимание привлекли сочинения Юма, Сисмонди, «новейших французских историков» Тьерри и Гизо.

Прослужив по окончании университета несколько месяцев в библиотеке Морского министерства, Грановский познакомился с Н.В. Станкевичем и членами его философского кружка, в котором увлеченно изучали современную немецкую философию. Особенно почитали в этом кружке Шеллинга. Подружившись с Н.В. Станкевичем, Грановский проникся глубоким интересом к творчеству немецких философов, идеи которых оказали на него сильнейшее влияние. Через новых друзей Грановский получил приглашение от попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова отправиться на учебу в Германию с тем, чтобы по возвращении занять кафедру всеобщей истории в Московском университете.

В Германии (1836–1839) Грановский слушал лекции историков так называемой «правовой школы» Ф. Савиньи и Ф. Раумера, концепции которых строились на изучении форм «развития народного духа», и в первую очередь, на изучении эволюции государственно-правовых институтов. Особый интерес у Грановского вызвали лекции крупнейшего историка Германии первой половины XIX в., последователя Раумера и Савиньи – Л. фон Ранке (1795–1886). О нем Грановский восторженно отзывался: «Он *понимает* историю». Ранке был одним из первых крупных историков, ставших писать «по системе», т.е. не просто хронологизируя события, но «осмысляя» историю, «скрепляя идеями» факты [1]. Именно эта специфика историописания – через «философское рассмотрение» истории – станет впоследствии основой метода самого Грановского.

Философию Грановский слушал у К. Вердера (1806–1893), последователя Гегеля. К глубокому изучению трудов самого Гегеля Грановский приступил весной 1837 г., оставив для этого все другие занятия. Система великого мыслителя оказала сильнейшее влияние на Грановского – историка и человека. Через полгода углубленных занятий философией Грановский писал одному из своих друзей: «Займись, голубчик, философией... Учись по-немецки и начинай читать Гегеля. Он успокоит твою душу... Есть вопросы, на которые человек не может дать удовлетвори-

тельного ответа. Их не решает и Гегель, но все, что теперь доступно знанию человека, и самое знание у него чудесно объяснено» [2].

Вернувшись в 1839 г. из-за границы, Грановский стал читать в Московском университете лекции по всеобщей истории, специализируясь на истории средних веков. Уже с первых лекций стало ясно, что на кафедре – выдающийся профессор, читающий не просто историю средних веков, но философию истории. На его лекции всегда стекалось множество слушателей с самых разных факультетов. Слава Грановского разнеслась по городу. Грановский выступал и с публичными чтениями по истории средневековья, на которые съезжалась «вся Москва». По отзыву Чаадаева, публичные лекции Грановского имели «историческое значение» [3], в них отразилось стремление русского общества к «пониманию» своего прошлого и настоящего.

В своих лекциях Грановский проводил идею единства мировой истории, подчеркивая закономерный характер исторических явлений и процессов. События, ранее известные слушателям как некие отдельные «акты» или «сюжеты» мировой истории, приобретали в лекциях Грановского осмысленное звучание, вплетаясь в причинно-следственную цепь непрерывного процесса развития абсолютного духа. Такой взгляд на историю был нов и интересен не только для профессионалов, но и для широкой публики. На лекциях Грановского было воспитано целое поколение русских интеллигентов, вышедших из стен Московского университета в 40–50-х гг.

Вслед за Гегелем Грановский считал, что в основе исторического процесса лежит самопознание абсолютного духа, проявляющегося в духовной жизни отдельных народов. В каждый период истории абсолютный дух достигает своего высшего проявления в духе того народа, который в данный момент занимает лидирующее положение среди других народов. Причины всех исторических событий имманентны, их следует искать не во внешних факторах, а в саморазвитии народного духа, или «идеи народа». «Основная сила ... есть народный дух, который при бесконечном разнообразии лиц и кругов... удерживает общее направление... При всем могуществе вне-

шних влияний, которые отрицать невозможно, внутренняя сущность народа, его особенность выходит не из них. Дела народа, его судьбы, учреждения, религия, язык, искусство – суть откровения народного духа» [4], – говорил Грановский в своем теоретическом вступлении к публичным лекциям 1843–44 гг.

Сам Грановский специализировался на медиевистике – самом популярном тогда разделе исторической науки, т.к. именно в рамках истории средних веков рассматривались актуальнейшие в начале XIX в. теоретические проблемы исторической науки – сущности и генезиса феодализма, удельной системы, сословного строя и др. Благодаря Грановскому и его последователям об этих проблемах заговорила общественность, обсуждению этих тем стали регулярно посвящать статьи передовые русские журналы – «Вестник Европы», «Московский телеграф», «Телескоп», «Современник», «Отечественные записки» и др.

К сожалению, Грановский не успел написать крупных конкретно-исторических работ, его письменное наследие составляют несколько исследований и статей, а также восстановленные курсы лекций. Тем не менее именно с Грановского начинается свой отсчет русская «систематическая историография». Первым из русских историков он провозгласил принцип всеобщей закономерности исторического процесса, призвал к рассмотрению исторических явлений через призму их взаимосвязи и развития. В основе исторического прогресса Грановский видел «развитие духа рода человеческого», а главной движущей силой развития общества считал противоречия, возникающие в различных сферах его существования. Как писал Н.И. Кареев, Грановский «первый создал в нашей исторической литературе понятие о всеобщей истории не как о простой сумме частных историй, а как о едином всемирно-историческом целом» [5].

Необходимости философского обоснования исторических концепций и соотношению философии истории с эмпирической историей была посвящена знаменитая речь Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории» на торжественном собрании Московского университета 12 (25) января 1852 г. Выступая против рас-

пространившегося в европейской науке 40-х гг. стремления абсолютизировать принцип закономерности исторического процесса, доводящего исторические теории до «логического фатализма» и вызывающего позитивистскую реакцию, Грановский отметил необходимость сохранения философского обоснования исторических концепций [6]. «Теперь философия стала необходимым пособием для истории, она дала ей направление к всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиться», – утверждал ученый. Благодаря Грановскому этот принцип вошел в русскую историографию, кардинально преобразив характер конкретно-исторических исследований. С Грановского начинается новый период русской исторической науки – период создания систематизированных концепций, основанных на раскрытии наиболее общих закономерностей всемирно-исторического процесса.

Первым и наиболее талантливым учеником Грановского был **Петр Николаевич Кудрявцев (1816–1858)**, с 1847 г. преподававший на кафедре всеобщей истории Московского университета.

В молодости Кудрявцев был близок к кругу Станкевича и Белинского, увлекался философией и литературой, однако именно под влиянием Грановского стал профессионально заниматься историей. На этом поприще он достиг серьезных успехов. Многие исследователи творчества Кудрявцева считают его даже более талантливым историком, чем Грановского. Грановский привнес в русскую историографию диалектический метод и интерес к системе, передав ученикам пафос рассмотрения всеобщей истории через призму философии, однако не создал при этом фундаментальных исследований конкретно-исторического плана. Из-под пера же Кудрявцева вышел ряд работ, до сих пор высоко оцениваемых в профессиональном плане. Среди них такие крупные исследования, как «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим» (1850), «Каролинги в Италии» (1852), «Дант. Его век и жизнь» (1855), «Римские женщины по Тациту» (1856), «Юность Катерины Медичи» (1858) и др. [7].

Вслед за Грановским Кудрявцев стремился представить историю как всемирно-исторический процесс, определяемый причинно-следственными связями. Как и других историков-гегельянцев, Кудрявцева особенно привлекала государствоведческая и культурно-историческая тематика, т.к. именно в развитии форм «народного духа», и в первую очередь форм государственности, они видели проявление эволюции абсолютного духа.

В историко-методологическом плане особенно интересны две статьи Кудрявцева: «О достоверности истории» и «О современных задачах истории», в которых на примере творчества так называемых «новых историков» – Ф. Гизо, Ф. Шлоссера, Б. Нибура, К. Савиньи и др. – он сформулировал свои методологические принципы.

Обе статьи носили полемический характер, они были написаны в рамках разгоревшейся в тот период в европейской науке дискуссии о методе исторических исследований. Центральной проблемой этой дискуссии был вопрос о взаимоотношении эмпирического и теоретического в историческом познании, о соотношении «схемы» и «факта». Вопрос о том, что «первично» в научной историографии – философская система или конкретный материал – приобрел общественное звучание. Этому вопросу посвящались дискуссии на страницах научных и общественно-литературных журналов, эта тема затрагивалась на публичных выступлениях и лекциях. Сторонники дедуктивного подхода, или «историки-систематики», утверждали, что отказ от систематического рассмотрения истории сводит историографию к простому летописательству. Их противники, «историки-эмпирики», отвечали, что система не должна довлеть над фактами, философия истории не должна опускаться в сферу частных явлений.

В рамках данной дискуссии Кудрявцев проявил себя как сторонник индуктивного подхода. Он выступил против навязывания истории философских идей и схем. Философия истории должна исходить из конкретной истории, а не наоборот: история пишется исходя из схемы. Он утверждал, что к познанию общих законов исторического развития надо приходиться от изучения частного, что строить

историческую концепцию следует переходя от исследования эмпирического материала к широким историческим обобщениям.

В форме полемики со знаменитым естествоиспытателем К.М. Бэрм Кудрявцев попытался провести параллель между естествознанием и историей. Кудрявцев доказывал, что у истории, как и у природы, свои постоянные законы, «доискиваться которых» и должна научная историография. В то же время между историей и естествознанием есть принципиальное отличие, состоящее в значительной роли субъективного, неповторимого в историческом процессе. Это неповторимое и есть предмет исторического исследования, тот «кирпичик», из которого и должна выстраиваться система.

Подход Кудрявцева к историческому исследованию соответствовал передовым европейским тенденциям методологии науки. Стать подлинно великим историком, крупным систематизатором всеобщей истории ему помешала только ранняя смерть – он умер в неполные 42 года.

Преемником Кудрявцева по кафедре всеобщей истории стал **Степан Васильевич Ешевский (1829–1865)**, талантливый историк, также ученик Грановского, один из основателей Московского археологического общества. После смерти Грановского в 1855 г. именно Ешевскому хотели передать кафедру всеобщей истории в Московском университете, но начальство не отпустило его из Казани, где он успешно работал в течение ряда лет, возглавляя кафедру русской истории. В Московском университете Ешевский стал работать с 1858 г., специализуясь на истории античности и средневековья.

Как и многие историки, воспитанные на немецком идеализме, Ешевский много внимания уделял истории общественной мысли. Его главная работа – «Аполлинарий Сидоний», опубликованная в 1855 г., в которой он на культурно-историческом материале V века н.э. мастерски показал противоречивый характер эпохи крушения античного строя и становления феодализма. В этой работе очень отчетливо проявился новый характер исторических исследований – стремление историка не столько описать то или иное со-

бытие, сколько раскрыть его историческую сущность, т.е. показать место и роль данного события в процессе развития общества.

Приступая к работе в Московском университете, Ешевский предполагал составить свой курс по истории поздней античности и средневековья, последовательно разрабатывая спецкурсы. «По его плану, – вспоминал один из первых историков русской исторической науки К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897), – в продолжение 15 лет он должен был довести этот курс, начинавшийся временем падения Римской империи, до конца; тогда он думал снова возвратиться к началу и таким образом переработанные два раза курсы намерен был печатать» [8]. В случае успеха эта работа могла бы стать крупнейшей систематизацией средневековой истории не только в России, но и в Европе. К сожалению, автор не успел осуществить свой замысел до конца. Увидели свет только две первые части курса – «Центр римского мира и его провинции» и «Очерки язычества и христианства». Эти работы были новаторскими не только в методологическом отношении, но и по проблематике. Исследование римских провинций на тот период было единственным в Европе и оставалось таковым вплоть до выхода 5 тома «Истории Рима» крупнейшего исследователя античности немецкого историка Теодора Моммзена (1817–1903).

Одним из первых Ешевский заинтересовался географическим фактором в русской истории. Значительное место в его творчестве занимала тема русской колонизации Поволжья и прилегающих районов, над которой он стал работать еще в Казани. Результатом работы Ешевского над этой темой стал цикл лекций «Русская колонизация северо-восточного края», имевший большое научное значение. Впоследствии именно проблема колонизации стала системообразующей в концепции С.М. Соловьева.

Как и Грановский, Ешевский был прекрасным преподавателем, его любили и уважали студенты. Он сыграл заметную роль в профессиональном становлении многих преподавателей всеобщей истории и истории России. В частности, одним из лучших его учеников (еще в Казанском универси-

тете) был А.П. Шапов (1821–1876), ставший впоследствии известным историком, исследователем русской крестьянской общины. Во многом благодаря авторитету Ешевского в русской историографии третьей четверти XIX в. удерживались традиции идеалистической диалектики, подвергавшейся серьезному напору со стороны позитивистской методологии.

Самым ярким приложением идей немецкой философской классики к русскому историописанию стал фундаментальный труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». Эта работа стала той вершиной русской исторической науки, на которую и сегодня равняются историки-профессионалы и которая остается непревзойденным образцом систематизации фактов российской истории с древнейших времен до XVIII в. Основой метода Соловьева стали идеи немецких философов о единстве всемирно-исторического процесса, о всеобщей взаимосвязи всех разнотипных явлений исторической жизни.

Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) учился в университете у молодой профессуры, прошедшей стажировку в Германии (Т.Н. Грановского, Д.Л. Крюкова, П.Г. Редкина, Н.И. Крылова), был хорошо знаком с трудами немецких мыслителей по книгам и лекциям. Соловьев скрупулезно изучил труды И. Гердера, хорошо знал «Философию истории» Гегеля.

Благодаря графу Строганову Соловьев побывал в Германии и Париже. В Берлине ему удалось прослушать несколько лекций Шеллинга. За границей он посещал занятия крупного географа К.Риттера, а также знаменитых историков-медиевистов Ф. Раумера и Л. Ранке.

Вспоминая о годах своего профессионального становления, Соловьев рассказывал о серьезном влиянии, которое оказала на него немецкая философия. Благодаря Гегелю за разрозненными событиями и фактами он научился угадывать смысл и общую направленность исторического процесса, научился видеть закономерности развития народов и государств.

Однако Соловьев не хотел делать философию своим профессиональным поп-

рищем. «Отвлеченности были не по мне; я родился историком», – писал он в своих воспоминаниях [9]. Его привлекала родная история, ее богатейший конкретно-фактический материал. На этом пути для него открывалось перспективнейшее поле исследований. В первой половине XIX в. было введено в научный оборот огромное количество новых источников, работала Археографическая комиссия, публиковалось большое количество исторических документов. Весь этот материал ждал талантливого систематика. Соловьев взялся писать русскую историю, в полной мере владея принципами систематической историографии, переданными ему учителями.

«Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда» [10], – писал он в предисловии к I тому своей знаменитой Истории. Труд этот стал одним из лучших приложений диалектического метода к конкретно-историческим исследованиям не только в России, но и в европейской науке в целом.

Свой метод Соловьев передал многочисленной аудитории – читателям и студентам, среди которых оказалось немало будущих профессиональных историков. Вот как рассказывает о методе Соловьева его лучший ученик В.О. Ключевский:

«Соловьев давал слушателю удивительно цельный, стройной нитью проведенный сквозь цепь обобщенных фактов взгляд на ход русской истории... Обобщая факты, Соловьев вводил в их изложение осторожной мозаикой общие исторические идеи, их объяснявшие. Он не давал слушателю ни одного крупного факта, не озарив его светом этих идей. Слушатель чувствовал ежеминутно, что поток изображаемой перед ним жизни катится по руслу исторической логики; ни одно явление не смущало его мысли своей неожиданностью или случайностью. В его глазах историческая жизнь не только двигалась, но и размышляла, сама оправдывала

свое движение. Благодаря этому курс Соловьева, излагая факты местной истории, оказывал на нас сильное методологическое влияние, будил и складывал историческое мышление: мы сознавали, что не только узнаем новое, но и понимаем узнаваемое, и вместе учились, как надо понимать, что узнаем. ...Настойчиво говорил и повторял он, где нужно, о связи явлений, о последовательности исторического развития, об общих его законах, о том, что называл он необычным словом – *историчностью*. Вы думаете, легкое дело растолковать сидящему на школьной скамье понятие об основах людского общежития, об историческом процессе, о закономерности исторической жизни! Я встречал взрослых и по-своему умных людей, которым никак не удавалось усвоить себе самую идею исторического процесса. У Соловьева сравнения, аналогия жизни народов с жизнью отдельного человека, отвлеченные аргументы и, наконец, его столь известная и любимая фраза *естественно и необходимо*, повторявшаяся при всяком случае, как припев, – все врезывало в сознание слушателя эту идею исторической закономерности» [11].

Следует, однако, отметить, что и Грановский, и Соловьев, и другие историки, воспитанные на идеях немецких мыслителей, возражали против того, чтобы их считали абсолютными шеллингианцами или гегельянами. Восприняв из немецкой философии идеи единства исторического процесса, взаимосвязи всех явлений, развития духа как основы прогресса и т.д., историографы в то же время возражали против абсолютизации рационализма в объяснении исторического процесса, упрекая немецкую историософию в подчинении реальности «схеме», в навязывании логики историческим фактам. Кроме обусловленного и закономерного, они видели в истории индивидуальное, неповторимое, случайное, зная, что подчас именно случайное изменяло судьбу целых народов.

Им также не импонировала излишняя политизированность историософской концепции Гегеля, который, по словам Грановского, под историей «разумел только политическую историю народов, ограничивая таким образом ее значение» [4]. Кроме того, русские

историки возражали против теории Гегеля об «исторических и неисторических народах», особенно против проявлений прусского национализма в его исторической схеме, представлявшей современную прусскую конституционную монархию высшим проявлением мирового духа на тот период времени. Взяв у Гегеля метод, русские историки не разделяли его концепцию. То же относится и к системе Шеллинга, особенно к его работам позднего, «мистического», периода.

Влияние немецкой классической философии на русскую историографию второй четверти XIX в. главным образом касалось общего понимания характера мирового исторического процесса и его движущих сил. Основной методологический принцип, провозглашенный Грановским и его последователями, таков: всеобщая история не может ограничиваться простым перечислением исторических фактов, она должна восходить от частного к общему, от выяснения деталей исторического события во всей его конкретике к пониманию закономерностей, управляющих всемирно-историческим процессом.

Библиографический список

1. Станкевич, Н.В. Переписка / Н.В. Станкевич. – М., 1914. – С. 450.
2. Левандовский, А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении / А.А. Левандовский. – М., 1989. – С. 27.
3. Герцен, А.И. Собр.соч. / А.И. Герцен. – М., 1956. – Т. 9. – С. 126.
4. Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья / Т.Н. Грановский. – М., 1961. – С. 41–43.
5. Кареев, Н.И. Историческое мировоззрение Грановского / Н.И. Кареев. – СПб., 1986; Памяти двух историков // *Анналы*, № 1. Пг., 1922.
6. Грановский, Т.Н. Сочинения. Ч. 1. / Т.Н. Грановский. – М., 1866. – С. 40–41.
7. Кудрявцев, П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное / П.Н. Кудрявцев. – М., 1991.
8. Бестужев-Рюмин, К.Н. Биографии и характеристики / К.Н. Бестужев-Рюмин. – СПб., 1882. – С. 319–320.
9. Соловьев, С.М. Избранные труды. Записки / С.М. Соловьев. – М., 1983. – С. 268.
10. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – СПб., 1851. – Т. 1. – С. 1.
11. Ключевский, В.О. С.М. Соловьев как преподаватель / В.О. Ключевский. – М.: Изд. Историч. Общ. При Моск. Унив., Г. 1. – 1896.

КЛАССОВЫЙ ПОДХОД: ЗАБЫТОЕ ПОНЯТИЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ?

В.Ф. КОЛОМИЙЦЕВ, *проф. каф. философии МГУЛ, д-р ист. наук*

Социальная структура – одна из ключевых тем социологии. Она описывает социальное неравенство в обществе, его дифференциацию по уровню доходов, образу жизни, наличию или отсутствию привилегий. Многочисленные дискуссии, смахивающие на схоластическую риторику о «кризисе» классической социологии, к которой относят не только позитивистскую социологию О. Конта, но и марксизм, связывают сдвиги в социальной структуре постиндустриального общества с апологетическими теориями трансформации капитализма в бесклассовое общество.

Дифференциация рабочего класса и отказ социал-демократии от классовой политики и идеологии дали основание целому ряду западных обществоведов объявить об «устарелости» марксистских понятий классов и классовой борьбы. Об этом писали Т. Парсонс, Р. Арон, П. Бурдьё, Р. Нисбет, К. Оффе, Р. Пол, Б. Тернер, Б. Хиндес, Р. Холтон и др.

Полемизуя с марксизмом, известный французский социолог и политолог Р. Арон (1905–1983) утверждал, что не классы, а социальные страты являются теперь «объективной реальностью» [17]. «В строго экономическом плане, – заявлял он, – одинаково невозможно обнаружить «классовый интерес», который был бы оправдан раз и навсегда для всех, который бы признавался членами одного класса и противопоставлял их членам другого класса» [18]. Арону вторил французский социолог П. Бурдьё (1930–2002), считавший, что «классы не существуют как реальные группы». Вместо этого он выдвигал расплывчатое понятие «физическое и социальное пространство», в котором переплелись все социальные слои и связи [1].

В бесклассовом обществе не должно быть классовой борьбы – такова суть концепции социальной стратификации, противопоставляемой марксистскому учению о классах, классовых интересах и классовой борьбе.

Некоторые обществоведы спекулируют на том, что в массовом сознании нет научного представления об эксплуатации и о классовой борьбе, которая обычно ассоциируется только с забастовками рабочих. Но эта борьба не сводится только к одной экономической борьбе: она ведется также и в форме политической и идеологической (теоретической) борьбы. Поэтому дело не в забастовках.

Еще один досужий вымысел заключается в том, что классовую борьбу ведет, мол, лишь рабочий класс. В индустриальных и постиндустриальных странах работники умственного труда стали новым и самым представительным классом. Интеллигенция перестает быть «прослойкой» между классами, а ее интересы все чаще начинают приходить в столкновение с крупным, зачастую космополитическим капиталом и обслуживающим его интересы государственным аппаратом. Выступления антиглобалистов, экологистов, студентов, пенсионеров, в которых так или иначе проявляются классовые интересы, показывают, что классовая борьба распространяется и на нерабочие слои.

А разве буржуазия не ведет классовой борьбы всеми доступными ей экономическими, политическими, силовыми и идеологическими средствами? Она разобщает трудовой люд индивидуализмом и потребительством, раскалывает рабочий класс, подкупая его часть, не останавливается перед прямым насилием. Она ведет классовую борьбу и на международной арене. Чем была, например, «холодная война», как не стремлением международного капитала задушить главную страну социализма? А почему теперь некоторым не нравится экономический и общественно-политический строй в Белоруссии?

Теорию классов и классовой борьбы следует упорядочить, расставить необходимые акценты, а не уподобляться страусу в желании видеть марксистские понятия.

Отечественных обществоведов нельзя упрекнуть в незнании марксизма. Еще в самом

начале 1992 г. тогдашний главный редактор журнала «Социологические исследования» А.В. Дмитриев выступил с предупреждением, не потерявшим свое значение и сегодня: «Переход страны от одной социальной системы к другой будет сопровождаться, и в этом нет сомнений, такими процессами, как социально-классовое расслоение, масштабы которого еще предстоит определить. Это расслоение (если не разделение) приведет к таким подзабытым отечественными социологами понятиям и явлениям, как «классовая борьба», «классовое сознание», «антагонистические противоречия» и проч. Сокращение доходов и без того бедных слоев населения может привести к реанимации «абсолютного» и «относительного» обнищания трудящихся [2].

Однако в последнее десятилетие среди отечественных социологов понятие «класс» нередко объявляется устаревшим [3]. Один из выдвигаемых аргументов сводится к тому, что в «информационном обществе» (а есть ли оно у нас?) уже нет эксплуатации наемного труда, ибо главную стоимость создает интеллектуальный труд, да и политическая власть переходит в руки интеллектуалов [4]. О классовой борьбе в нашей стране большинство отечественных исследователей и публицистов вообще предпочитают не говорить. Некоторые политики, «въезжающие в науку на белом коне», полагают, что если из нее изъять марксизм, то исчезнет и сама классовая борьба.

Писатель и политолог О. Попцов в беседе по телевидению с министром культуры и массовых коммуникаций А. Соколовым справедливо отметил, что рабочий класс и крестьянство исчезли из российских СМИ [5]. Он был далек от мысли говорить при этом о классовой борьбе в нашей стране, а она острее, чем во многих «благополучных» в плане социальных отношений странах Запада.

Теорией классовой борьбы К. Маркс вывел историю из хаоса случайностей. Он показал, что классовая борьба является важной социологической закономерностью, движущей силой общественного развития, что, разумеется, не исключает значения других факторов.

Разъясняя марксово учение о классовой борьбе, В.И. Ленин писал: «Что стрем-

ления одних членов данного общества идут вразрез со стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того, еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую мысль, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе: теорию классовой борьбы» [6].

Предложенная М. Вебером и П. Сорокиным теория социальной стратификации расставила такие акценты, которые ведут к подрыву марксистского понимания социальной структуры. Вебер в работе «Основные понятия стратификации» как будто выражал одинаковое с Марксом понимание того, что собственность или отсутствие таковой являются базовыми категориями классового деления. Однако затем он выхолащивает значение классового интереса и классовой борьбы. «Любой класс, – писал он, – может быть носителем одной из бесчисленных форм «классового действия», но это не обязательно должно происходить. В любом случае сам по себе класс не конструирует общество... Дифференциация классов единственно только по критерию собственности не является «динамичной», иначе говоря, она не является результатом классовой борьбы или классовых революций. Вовсе не редкость даже для чисто привилегированных классов собственников, скажем для рабовладельцев, существовать бок о бок с совершенно непривилегированными группами, например крестьянами, и даже внекастовыми группами без какой-либо классовой борьбы [7].

Вебер не считал класс субъектом «социального действия» и предложил пользоваться понятием «социальные страты». По его словам, «в противоположность классам статусные группы являются нормальными сообществами» [8]. При этом критерием социального статуса он объявлял престиж, определенный рождением, образованием, профессией и образом жизни [8, С. 232].

Концепция социальной стратификации, предложенная западными социологами

(Л. Уорнером, У. Рансименом и др.) исходит из деления общества на три главные группы – высшую, среднюю и низшую, каждая из которых имеет свои подгруппы. В итоге получается 6 – 7-членная градация. Эта концепция как бы «растворяет» буржуазию под иным названием в разных слоях. Отбрасывая при этом традиционные названия классов, она упраздняет и «классовый интерес».

Авторы концепции стратификации иначе подходят к объяснению социального неравенства, чем марксисты. Они рассматривают неравенство как естественное и универсальное состояние общества, при котором страты (слои) располагаются в жесткой системе подчинения одних другими. В отличие от учения К. Маркса, дающего научное объяснение природы социального неравенства, концепция стратификации подменяет понятие «эксплуатации» другим понятием – «управление». В таком случае неравенство – это закон жизни, диктующий размещение одних социальных групп выше или ниже других. П. Бурдье ввел понятие «культурный капитал», или богатство в форме знаний, которое якобы узаконивает обладание высоким социальным статусом и властью [9]. Между тем хорошо известно, что собственники средств производства становятся управленцами (или нанимают себе заместителей в этом качестве) именно потому, что они являются собственниками этих средств, а не наоборот.

Не отрицая того, что постиндустриальное и информационное общество имеет более размытые классовые грани (но есть и страны, находящиеся на более низком уровне развития), нельзя отказываться в политике от классового анализа. Марксизм дал научное объяснение важных общественных явлений, связанных с классовыми интересами.

Признавая возросшую социальную мобильность, как вертикальную, так и горизонтальную, достаточных оснований для того, чтобы говорить о «демократизации» правящего класса в странах капитала у нас нет. По-прежнему самый надежный путь стать богатым – родиться богатым. Далеко не все способные и образованные люди в странах Запада имеют равные шансы занять командные и высококвалифицированные долж-

ности. Здесь действует механизм двойной селекции: неравный доступ к престижному образованию и неравные возможности получения высокого социального статуса в равной степени подготовленных кандидатов.

Определенная социальная мобильность (к тому же «по горизонтали» она не дает социальных привилегий) не исключает того, что одни группы людей в силу своей классовой принадлежности имеют материальные, социальные, образовательные, культурные и политические преимущества, а другие, напротив, нередко лишены необходимого для существования.

Стремясь сохранить свои привилегии и господствующее положение в обществе, элита блокирует продвижение наверх талантливых и предприимчивых представителей низов. Общеизвестным следствием неравенства являются социальные конфликты. Олигархия сама по себе не исчезает. Наследственный фактор при этом далеко не утратил своего значения.

Социологические исследования, проводившиеся в Англии в 1984–1985 гг., показали, что у 42 % британских миллионеров родители были крупными бизнесменами и землевладельцами, а у 29 % – крупными специалистами [10]. И в начале XXI в. в этой стране только 1 % детей неквалифицированных рабочих получают высшее образование в отличие от 3/4 детей профессионалов [19].

Если между различными фракциями буржуазии и существуют противоречия, то есть один ключевой вопрос, по которому буржуазия, не колеблясь, занимает единую позицию. Это вопрос сохранения ее власти и капиталистического строя. Еще К. Маркс отмечал, что «капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время поистине масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым» [11]. Даже если бы это был только один-единственный вопрос, он оправдывает марксистское учение о классах и классовой борьбе. «Люди, – отмечал В.И. Ленин, – были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявля-

ниями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [12].

Западные социологи утверждают, что в их странах 2/3 населения образует средний класс (одно время в ходу был даже термин «общество двух третей» как синоним «индустриального общества»). Однако в оценке принадлежности к среднему классу использовались самые различные критерии, включая психологические, а именно: как сами люди субъективно относят себя к той или иной социальной группе.

Немалая величина среднего класса давала основание некоторым досужим умам говорить о появлении бесклассового общества. Но это явное преувеличение.

С последней трети XX в. все больше стали писать о «новой бедности» и о «низшем классе» (underclass) в странах развитого региона, что заставило скорректировать оптимизм западных социологов. Так, по оценке доктора экономических наук В.Л. Иноземцева, если взять в качестве критерия материального положения доход, не превышающий половины среднестатистического дохода индустриального работника, занятого полный рабочий день, то к «классу обездоленных» относится не менее трети населения развитых стран [13]. Следовательно, сегодня в странах Запада значительная часть не может занять сколь-нибудь удовлетворительного положения на социальной лестнице.

Если высокообеспеченная часть составляет 20 %, то на среднеобеспеченном уровне находится 50 % [13, С. 21]. Но «средний класс» никогда не был стабильной, застывшей категорией населения: он всегда распадался на две неравные части: относительно небольшое число пополняет высший слой общества, а большая часть переходит в имущественный слой, близкий к «низшему классу». Так, в Великобритании около 20 % из тех, кто начал малый бизнес, остается в этом деле спустя пять лет [14].

В отличие от XIX в., когда К. Маркс и Э. Энгельс отмечали тенденцию поляризации общества («общество все более и более раскалывается на два большие враждебных лагеря, стоящие друг против друга класса – буржуазию и пролетариат» [15]), социальная

структура современного постиндустриального общества очень дифференцирована. Однако рабочий класс не исчез. К. Маркс понимал под «коллективным работником» наемного труда не только фабрично-заводской пролетариат, но и конторских служащих и сельскохозяйственных рабочих. По подсчетам отечественного социолога З.Т. Голенковой, в наиболее развитых в экономическом отношении странах до 75 % активного населения относится к наемным работникам.

Конечно, армия наемного труда не тождественная рабочему классу (высокооплачиваемые специалисты должны быть отнесены к буржуазным элементам), да и сам рабочий класс в известной мере расслоен. Многие квалифицированные рабочие психологически относят себя к «среднему классу». И тем не менее, «классовый интерес» большинства наемных работников не исчез.

На «благополучном» Западе большинство французов и голландцев вопреки беспрецедентному давлению властей отклонили на референдуме Европейскую конституцию. Главной причиной был страх перед будущим, а именно перед ростом безработицы и снижением зарплаты из-за притока дешевой рабочей силы с востока, а также страх перед всемогуществом брюссельской бюрократии.

Французский рабочий класс, имеющий славные боевые традиции, явно не хотел расставаться с завоеванными им социальными гарантиями в угоду космополитическому капиталу, а ему было чего опасаться. Во Франции трудящиеся добились 35-часовой рабочей недели без снижения зарплаты, в то время как в некоторых других странах ЕС она составляет 48 часов. Волнения молодежи в Париже – национальных меньшинств в его пригородах, студентов и лицеистов в самом центре столицы – это яркие проявления классовой борьбы не традиционных отрядов рабочего класса, а других социальных слоев [16].

Библиографический список

1. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё. – М., 1993. – С. 60.
2. Социс, 1992. – №1. – С. 5.
3. Голенкова, З.Т. Средние слои в современной России / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитанян // Социс. – 1998. – № 7.

4. Иноземцев, В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе / В.Л. Иноземцев // Социс. – 2000. – № 6. – С. 70.
5. ТВЦ. Возвращение достоинства. 10.03.2005.
6. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. – С. 58.
7. Политология: Хрестоматия / Под ред. М.А. Василлика. – М., 1999. – С. 260, 268.
8. Вебер, М. Основные понятия стратификации // Кравченко А.И. Социология: Хрестоматия. М., 1997. – С. 224.
9. Социологическая энциклопедия в 2-х томах. Т. 1. – М., 2003. – С. 119.
10. Гидденс, Э. Стратификация и классовая структура / Э. Гидденс // Социс. – 1992. – № 11. – С. 114.
11. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. – С. 217.
12. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. – С. 47.
13. Иноземцев, В.Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных странах / В.Л. Иноземцев // Социс. – 2000. – № 8. – С. 21.
14. Гидденс, Э. Стратификация и классовая структура / Э. Гидденс // Социс. – 1992. – № 9. – С. 122.
15. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 4. – С. 425.
16. «Правда», 3-6.06.2005.
17. Aron, R. Etudes sociologiques. Paris, 1968. – P. 20.
18. Aron, R. La lutte des classes (nouvelles leçons sur les sociétés industrielles). – Paris, 1964, p. 107.
19. Scott, J. Social class and stratification in late modernity // Acta sociologica. Oslo, 2002. – vol. 45, iss. 1. – p. 23-35.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У АЛЬТРУИЗМА И АМИТОЛОГИИ?

Ю.В. ГОЛОВКО, *ст. преподаватель каф. философии МГУЛ, канд. филос. наук*

Несмотря на то, что термин альтруизм был введен О. Контом в середине девятнадцатого века, постановка проблемы альтруистической любви насчитывает давнюю историю. В качестве морального принципа альтруизм фактически провозглашался стоицизмом, буддизмом, христианством. Как один из главных принципов морали он разрабатывался английскими и французскими просветителями восемнадцатого века. Лейбниц, Смит, Руссо, Шопенгауэр, Фейербах, позже Спенсер, Ницше, Фрейд и другие проявляли интерес к учению об альтруизме. Основы концепции альтруизма заложили исследователи Индии, Европы, США, разработка этой проблемы приобрела вид традиции не только в западной, но и в русской философской мысли. Что касается О. Конта, то, выдвигая альтруизм в качестве «истинного основания личной морали», он возлагал надежды на возможность реализации основного этического принципа, заключающегося в бескорыстной заботе о других. Термин же, ведущий свое происхождение от латинского слова *alter* – другой, как остроумно заметил В. Соловьев, есть точное выражение логической антитезы эгоизму/ поскольку эгоизм от *ego*, я/ и потому отвечает действительной потребности философского языка.

Не только термин, но и сами идеи альтруизма пали на благодатную русскую почву, которая сама по себе способствовала появлению целой плеяды философов, посвятивших этой теме свои значительные труды.

В России конца XIX – начала XX в. крайне велико было влияние русской религиозно-идеалистической философской литературы, в частности, произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Вл. Соловьева и других, а, как известно, любви в них отводилось огромная роль. Вообще русская традиция в этой сфере интересна и богата: К. Леонтьев, Вл. Соловьев, Н. Федоров, П. Флоренский, Л. Карсавин, С. Франк, И. Ильин – можно продолжать этот список. Любовь как универсальная сила, преодолевающая несовершенство человека и мира, его раздробленность, любовь, ведущая к единению – именно таковой представляла любовь у Достоевского, и такое толкование пленяло его современников. Не только любовь, но и вера в нее – счастье. В этом признается Вл. Соловьев. Известно, что на вопрос: в чем счастье? – он ответил, сделав запись в альбоме, так: «В вере в любовь».

Вера в величайшую, преобразующую силу Любви, в ее действительную энергию, соприкасающаяся с верой в торжество Истины, Добра и Красоты встает со страниц работы Вл. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия». Работа включает не только размышления об альтруизме, но и историю возникновения этого понятия. Наши ярые противники иностранных слов, писал философ, отражая споры, возникшие в среде российской общественности, проявляя последовательность, должны были бы, восставая против альтруизма, изгнать также из своей

речи и эгоизм. Вместо этих слов они могут говорить дружелюбие и ячество. «Если бы дело шло об определениях только психологических, тогда можно было бы принять слова себялюбие и дружелюбие, но для обозначения принципов этических эти слова, как включающие понятие любви, не годятся, ибо дело тут не в чувствах, а в правиле действия» [1].

И далее ученый обращает внимание на основу, составляющую альтруистическое отношение к миру. Можно любить себя гораздо больше, чем других, и однако по принципу служить чужому благу как своему собственному. Такой человек, несомненно, будет альтруистом. Напомним два знаменитых правила альтруизма, сформулированных Вл. Соловьевым: 1) не делай другому ничего такого, чего себе не хочешь от других, и 2) делай другому все то, чего сам хотел бы от других. Он обращал внимание на нераздельность этих двух правил альтруизма, которая при всем их различии важна как основание для внутренней связи права и нравственности, политики и духовной жизни общества.

В.С. Соловьев писал: «Настоящая задача любви – действительно увековечить любимое, действительно избавить его от смерти и тления, окончательно переродить его в красоте». И, развивая тему любви в работе «Жизненная драма Платона», упрекал древнегреческого философа в том, что он не дал побед на деле Эроту, что он «удовлетворился его мысленным образом, забывая, что по самому назначению этой мысли она неразрывно связана с долгом ее исполнения, с требованием, чтобы она не оставалась только мыслию...» [2].

Размышления великого русского философа П.А. Сорокина, как и альтруистические идеи русской философии в целом оказали большое влияние на становление альтруистических концепций бывшего русского исследователя, волею судьбы ставшего американским ученым мирового масштаба, социологом номер один, как его называли при жизни. Как заметил философ И.А. Ильин: «... русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца... Она утверждает, что главное в жизни есть любовь, и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера, вся культура духа» [3]. И вот

эта русская идея благодаря научной деятельности выходца из России пала на американскую почву и благодатно на ней проросла.

Начиная с 1950 г., в США появляются произведения П.А. Сорокина, полностью посвященные проблемам альтруизма, такие как: «Разработки в области альтруистической любви и альтруистического поведения», «Альтруистическая любовь», «Виды любви и ее сила: типы, факторы и технические приемы нравственного воплощения», «Формы и методы альтруистского и духовного роста», «Пути и власть любви. Типы, факторы и техника моральной трансформации» и др. «Таинственные силы истории, кажется, предъявили человеку ультиматум: погибни от своих собственных рук или поднимись на более высокий моральный уровень посредством благодати творческой любви» [4]. Так обосновывается актуальность и историческая миссия этой древнейшей силы – силы любви – в работах ученого.

В это же время появляется Амитология – наука, определяемая П. Сорокиным как наука прикладная, целью которой является развитие способностей человека к дружбе, любви, к сотрудничеству. Практикуя любовь в повседневных отношениях, люди могут стать альтруистичнее. Как этого добиться? Бескорыстие в исполнении своих обязанностей, следование Десяти заповедям и Нагорной проповеди – это, безусловно, может помочь моральному оздоровлению человечества. Но стабильным элементом культуры должен стать альтруизм. Таковы, в основных чертах, намерения автора программы творческого альтруизма и его помощников. В своих трудах он создает особый подход к альтруистической любви, рассматривая ее как энергию любви. По мнению ученого, ни один из существующих рецептов предотвращения насилия в глобальном масштабе не может быть действенным, если он не принимает в расчет энергию неэгоистической любви.

Идущее еще от Эмпедокла восприятие любви как начала, организующего Вселенную, как объективной космической силы для мечтающего об интеграции исследователя представляло несомненный интерес. Он, как и его знаменитые предшественники, увидел в

любви силу, великую силу, способную организовать и изменить в лучшую сторону социум. Правда, если русская философия соотносила любовь с таким понятием, как жалость [1], то для П. Сорокина – это скорее сострадание, симпатии, бескорыстие. П. Сорокин отмечает, что наряду с Истиной и Красотой, Любовь обладает одной из трех высочайших энергий, известных человеку. Энергия любви – энергия особая. Она несводима к каким-либо чисто физическим основаниям и термин «энергия» свидетельствует лишь о силе воздействия на человека. Всесторонне рассматривая альтруистическую любовь, П. Сорокин выделяет несколько аспектов ее проявления.

Анализируя космически-онтологический аспект проявления любви, П. Сорокин отмечает, что в данном ракурсе рассмотрения Любовь есть не что иное, как Добро. А Добро, Истина и Красота являются высшими формами политической энергии, высочайшими ценностями, управляющими не только в человеческом обществе, но и во всем космосе. Примыкая в трактовке энергии любви к традиции, идущей от П. Флоренского, считавшего, что «Истина, Добро и Красота – эта метафизическая триада не есть три разных начала, а одно» [5], П. Сорокин отмечает, что эти три понятия взаимодополняют и как бы содержат в себе друг друга, причем любовь выступает как созидательное всеобъемлющее начало.

Подробно разрабатывая концепцию альтруистической любви, он выделяет две неотъемлемые черты, свидетельствующие об альтруистическом характере любви. Во-первых, это стремление любящего индивида к идентификации с любимым объектом. Во-вторых, в случае альтруистической любви на первое место выдвигается ценность объекта как такового, отношение к объекту как к высшей цели, а не как к средству. Безусловно, П. Сорокин не единственный, кто разрабатывает вышеназванные черты альтруистической любви. Проблема идентификации рассматривалась З. Фрейдом в его психологической концепции, у Э. Фромма поиск идентичности – одна из важнейших потребностей человека. Что же касается П. Сорокина, то он введет идентификацию в характеристики альтруистической любви.

Пытаясь придать научный статус понятию любви, П. Сорокин отмечает пять основных измерений любви, позволяющих описать любовь в качественно-количественном отношении. Это такие измерения, как интенсивность, экстенсивность, длительность, чистота и адекватность. В плане интенсивности любовь, по его мнению, может колебаться от «чисто словесной, напыщенной любви» до полного самоотречения во имя любимого субъекта». Как экстенсивная величина любовь возможна в пределах от любви самого себя до любви ко всему человечеству, любви ко всему живому. Столь же разной может быть длительность любви. Еще одна интересная характеристика любви – ее чистота. Чистая любовь – это любовь ради самой любви, любовь человека ради человека, любовь бескорыстная, не требующая ничего взамен. Ей противостоит так называемая «грязная» любовь, которая характеризуется утилитарно-гедонистической направленностью. Последняя величина, описывающая альтруистическую любовь, – ее адекватность, то есть соответствие между желанием добра ближнему и реализацией любви, последствиями обусловленных этой любовью действий.

Известно, что терминология различных типов любви восходит к древнегреческой философии, а в истории как Западной, так и Восточной философской и этической мысли существуют две основные концепции любви: любви как Эроса и любви как Агапэ. Любовь-Эрос и любовь-Агапэ противоположны друг другу. Любовь-Эрос основывается на любви к самому себе, ей свойственны такие черты, как желание добра ради самого себя, разумный утилитаризм и гедонизм. Она основана на потребности, ей присущи желание «иметь» и «обладать». При этом она выражает стремление человека к возвышенному и тем самым является путем человека к Богу. Любовь-Эрос – любовь человеческая, ценящая свой объект и в силу этого испытывающая к нему чувства.

Полностью противоположна по своим характеристикам любовь-агапэ. Она основана на полной самоотдаче и самоотречении. Будучи полностью иррациональной, агапэ нисходит на человека свыше, являясь неким Божественным даром. Она сама как бы обла-

гораживает свой объект, придает ему ценность своей любовью. Это любовь совершенно спонтанная, немотивированная, беспричинная, созидательная. Рассматривая историю существования человечества с социологических позиций, П.А. Сорокин отмечает, что на протяжении истории более распространенной формой любви была любовь-эрос, либо любовь – синтез двух этих форм. Реже встречается чистая любовь-агапэ, но зато влияние ее было гораздо сильнее. Учения святых – от Будды до Ганди, проповедовавших агапэ, оказали влияние на ход человеческой истории. Возрастание насилия в современном мире не только в отношениях между людьми, проживающими в определенных странах, но и в масштабе всего мира, делают актуальными и значимыми идеи мыслителя о важности и необходимости такой формы любви, как любовь-агапэ. К тому же любовь для Сорокина – это возвышенная форма свободы, которая не переносит насилия.

Охарактеризовав любовь как уникальное явление в жизни личности и общества, П. Сорокин поднимает вопрос о возможностях ее и функциях. Представляя собой гигантскую силу, любовь может «существенно помочь в освобождении человечества от его самых тяжелых недугов – войн, преступлений, безумия, нищеты и пороков» [6]. Нам представляется, что прав был другой исследователь любви – С.Л. Франк, когда писал, что если любовь открывается как «благодатная божественная сила», как норма и идеал человеческой жизни, как подлинная ее цель, то «сколь бы тяжка, мрачна и трагична ни была фактическая судьба человечества, человек отныне знает, что истинная цель его жизни есть любовь. И никогда эта мечта не может быть искоренена из человеческого сердца. Человек стремится установить царство любви» [7]. Это царство любви, но в глобальном масштабе, мечтал создать американский ученый. Для него, являясь незаменимым средством в преодолении современного кризиса, в изменении ценностной ориентации человека, любовь обладает потрясающей созидательной и восстановительной функцией. Акцентируем внимание на моменте: обладает «созидательной функцией в жизни человечества», пос-

кольку делом последних лет жизни ученого станет практическая деятельность по выяснению именно созидательной функции любви.

Конкретизируя вопрос, американский ученый называет ряд важнейших функций любви. Прежде всего это биологическая функция энергии любви. Здесь энергия любви представляет собою энергию жизни. Ведь без биологической любви была бы невозможна жизнь как таковая. Удивительным образом энергия любви проявляет себя в предотвращении самоубийств. Именно любовь и привязанность индивида к окружающим его людям могут предотвратить самоубийство. Как справедливо отмечает мыслитель, любовь оказывает влияние на продолжительность жизни и, естественно, на состояние здоровья. Эгоисты не живут так долго, как альтруисты. Он приводит убедительные данные о жизни христиан – святых, альтруистов. Важная роль принадлежит любви в отвращении и лечении различных недугов. Таковы важные биологические функции любви. Но это далеко не все, что может свершить бескорыстная творческая любовь. Так, она обладает умиротворяющей и гармонизирующей функцией, в межличностных отношениях предотвращая агрессию и враждебность человека. При этом доброта оказывает гораздо больший эффект в борьбе с агрессией, нежели встречная агрессивность, ненависть, наказание. В данном вопросе с ним солидарны многие гуманисты, в частности Э. Фромм.

Помимо сферы межличностных отношений любовь способна воздействовать на всю социальную и культурную жизнь человечества. Громадное значение имеет любовь в политике, таково мнение исследователя этого феномена. Ни одна из существовавших в истории политик, основанных на жестокости и ненависти, не смогла дать человечеству даже относительно мирных и спокойных периодов. Политика, основанная на принципах любви и гуманизма, напротив, способствовала прогрессу во всех областях. При всем отрицательном отношении к политике и властным структурам ученый и здесь видел для любви обширное поле деятельности. Хочется выразить солидарность с рассуждениями Сорокина. Нам кажется, именно в настоящий момент

исторического развития как никогда остро ощущается необходимость вхождения любви во все сферы человеческой жизнедеятельности. Ведь мир устал от насилия, особо это касается нашей страны.

Любовь, по мнению П.А. Сорокина, обладает еще одной уникальной функцией: она является средством ограничения, а порой и преодоления социально-политических бедствий и катастроф. Любопытно, что почти все великие религии возникли в катастрофических обстоятельствах, став спасительным выходом во многих ситуациях. Причем в основе всех этих религий лежали идеи любви, гуманизма, добра, сострадания. Таким образом, выживание человечества напрямую связано с вхождением любви во все сферы жизни человека и общества. Таков вывод мыслителя.

Всесторонне проанализировав функции и возможности альтруистической любви, П.А. Сорокин рассматривает способы производства любви в обществе. По его мнению, производство и накопление любви происходит при взаимодействии людей, если это взаимодействие сопровождается акцией любви. Особенно важна энергия любви, возникающая в результате акции любви, оказанной в ответ на агрессию и ненависть. Производство и накопление любви связано с деятельностью конкретных субъектов, образно выражаясь, «изобретателей и инженеров любовной продукции». К данной категории относятся великие апостолы любви и моральные наставники человечества, такие как Христос, Будда, Франциск Ассизский. Поскольку в концепции П. Сорокина Любовь, Истина и Красота неразрывно связаны (еще раз хочется указать на следование русской философской традиции), то огромное значение в производстве любви играют истинные творцы в области науки, философии, искусства.

Большая роль в производстве любви принадлежит различным социальным группам, среди которых семья, друзья, религиозные группы, образовательные институты. К сожалению, большинство из них производит «относительно слабый, нечистый, недолговечный, неэкстенсивный и неадекватный поток любви». Поэтому насущной задачей, стоящей перед всем обществом, – размышляет

исследователь, – становится совершенствование производства любви.

Как мы уже отмечали, П. Сорокин продолжил своими работами великую традицию русской философии, обратившись к проблематике любви, многие из его рассуждений перекликаются с идеями русских мыслителей. Имена Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, доктора Ф. Гааза украшают страницы его трудов, посвященных исследованию любви. А идея Достоевского «любовь спасет мир» во всем величии и надежде встает со страниц работ американского ученого. Несмотря на влияние идей мировой философской мысли, и это несколько не умаляет заслуг его, ученый представил собственное рассмотрение любви. Он осуществил ее анализ на основании богатейшего социологического материала, сделав ее символом, и, тем не менее, увидел в ней и практические аспекты.

Изучив проявления любви на всех уровнях от биологического до социального, предоставив широкую трактовку феномена любви, комплексно исследуя проблему, в отличие от предшественников П. Сорокин увидел в любви не только инструмент для нравственного преобразования человечества, но и предмет серьезной науки. В этом заключается новизна его подхода.

Создав амитологию – прикладную науку, развивающую способность человека к любви и Гарвардский исследовательский центр креативного альтруизма, ученый попытался на практике реализовать давно поставленную цель – сделать человечество более альтруистичным. Поражает размах исследований, проводимых под его руководством. Большинство из проанализированных, а их было более тридцати, методов альтруистического перевоспитания людей и групп были проверены. Это была попытка использовать опыт разных культурных традиций: интровертивной культуры Востока и экстравертивной культуры Запада. Всеобъемлющий ценностный идеал, синтез этических систем мировых религий рассматривался при этом как основа нравственных преобразований в обществе. Американская общественность с интересом реагировала на проводимые исследования. В течение нескольких лет действовал исследо-

вательский центр по созидающему альтруизму под руководством П. А. Сорокина. Центр накопил немало важной и интересной информации, из которой можно извлечь пользу и для России.

Конечно, концепция, которую пытался реализовать на практике П. Сорокин, не лишена недостатков. В ней присутствуют моменты чрезвычайной идеализации, некоторая схематичность и даже наивность. Некоторые выводы крайне декларативны. И, к сожалению, рецепты, предлагаемые им, зачастую довольно абстрактны и утопичны. Современность еще раз подтверждает, как далеко человечеству до создания того «царства любви», о котором мечтали философы в различные эпохи, столь же драматичным, как и много веков тому назад оказывается «столкновение высоких требований с реальной немощью» (Вл. Соловьев).

Приведем в качестве еще одного аргумента доводы замечательного философа И.А. Ильина: «Абсолютная любовь, во-первых, неосуществима; это есть пустое слово... Во-вторых, абсолютная любовь как сочувствие и помощь всем людям есть фальшивый и аморальный подход к жизни, не отличающий добра и зла и устанавливающий не то наивную, не то лукавую доктрину; содействие всякому чужому начинанию – доброму и злему, полезному и вредному, умному и глупому, искреннему и коварному, низкому и злодейскому» [8]. Надо заметить, что это выстраданный итог размышлений ученого, который увенчал вывод: «любовь кончается там, где начинается зло». Критика резкая, но для нее не только были, но и остаются исторические основания. У Ильина также был период идеализации этого прекрасного чувства и больших надежд на его преобразующую роль в обществе. Вот и сейчас, может быть, более чем когда-либо, ясно, что «Царство любви остается в человеческой жизни лишь недостижимой путеводной звездой; но, даже оставаясь недостижимой, она не перестает руководить человеческой жизнью, указывать человеку истинный путь; поскольку человек остается верен этому пути, любовь, хотя и частично, реально изливается в мир, озаряя и согревая его» [9]. Эти слова С.Л. Франка – подтверж-

дение той удивительной тональности, в которой мыслили современники П. Сорокина философы-эмигранты, затрагивая эту сложнейшую проблему.

Конечно, прекрасны мысли, посвященные бескорыстной любви не только в трудах П.А. Сорокина, но и в работах Э. Фромма, А. Швейцера. Благородна практическая деятельность матери Терезы и ее помощников, сопровождаемая замечательным девизом: «Любовь спасет мир». Без любви и альтруизации человечества невозможно создание более высокой, чем ноосфера, стадии развития биосферы земли – этосферы, которая сможет сделать этические принципы основными регуляторами важнейших отношений людей между собой и человечества с природой.

Но углубление кризиса за прошедшие после смерти американского ученого годы все более усложняет реализацию идей в сфере альтруистического воспитания человечества. Террор, охвативший земной шар и характеризующийся как третья мировая война, на наш взгляд, существенно меняет отношение к проблеме альтруизма. Трудно возразить И.А. Ильину: «Тот, кто перед лицом агрессивного злодейства требует «идеального» по своему совершенству нравственного исхода и не приемлет никакого иного, тот не разумеет основной жизненной трагедии: она состоит в том, что из этой ситуации нет идеального исхода» [10].

Известно также, что пафос «всемирной любви к человечеству» Ф.М. Достоевского вызывал критическое отношение известного философа К.Н. Леонтьева. Само «признание космополитической любви, которое он считает уделом русского народа, есть назначение благое и возвышенное. Но, признаюсь, я многого, очень многого в этой идее постичь не могу» – отмечал Леонтьев [11]. Вслед за русским философом, написавшим эти строки в 1880 г., можно повторить «многого в этой идее», точнее идеях об альтруизме, изложенных в публикациях сороковых – шестидесятых годов двадцатого века, постичь невозможно. И слишком сложна, на наш взгляд, реализация даже малой части из них. Не зря же русская философия, устами того же К.Н. Леонтьева, попыталась кон-

кретизировать проблему всемирной любви, поставив довольно неприятный вопрос: «за что можно любить современного европейца...»?

А если дополнить этот вопрос уточнением, за что можно любить некоторых из современных «неевропейцев», да и европейцев тоже? Неоднозначность проблемы вызвала критический анализ и со стороны таких современников П.А. Сорокина, как К. Поппер. В книге «Открытое общество и его враги», резко выступая против идеи «управлять, опираясь на любовь», английский ученый замечал: «Вне сомнения, небеса спустились бы на землю, если бы мы все могли любить друг друга. Но... попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию преисподней. Она вызывает нетерпимость» [12].

Исходя из высказывания Ф. Аквинского любить человека – значит желать сделать его «счастливым», английский ученый, характеризует идеалы, построенные на стремлении сделать человека счастливым как опасные. Такие идеалы неизменно приводят к попытке навязывать другим нашу систему «высших» ценностей. Они ведут к утопизму и романтизму, а попытки их реализации он называет утопической инженерией. Но чары Платона, так назвал английский ученый первый том вышеупомянутой книги, брали в плен многих мыслителей. К чести П.А. Сорокина, он не питал чрезмерных иллюзий относительно

возможности реализации некоторых своих проектов.

Библиографический список

1. Соловьев, В.С. Оправдание добра: сочинения в двух томах, Т. 1. / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – С. 168.
2. Соловьев, В.С. Жизненная драма Платона. Смысл любви. Избранные произведения / В.С. Соловьев. – М.: Современник, 1991. – С. 272.
3. Ильин, И.А. О русской идее. Русская идея. Избранные произведения / И.А. Ильин. – М.: Издательство «Республика», 1992. – С. 436.
4. Сорокин, П.А. Главные тенденции нашего времени / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1997. – С. 248.
5. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – М., 1990. – Т. 1. – С. 173.
6. Сорокин, П.А. Таинственная энергия любви / П.А. Сорокин // Социологические исследования. – 1991. – № 8. – С. 127.
7. Франк, С. Религия любви. Русский эрос или философия любви в России / С. Франк. – М.: «Прогресс», 1991. – С. 413–414.
8. Ильин, И.А. О моральном обновлении человечества. Наши задачи / И.А. Ильин. – Париж – Москва. – 1992. – С. 228.
9. Франк, С. Религия любви. Русский эрос, или философия любви в России / С. Франк. – М.: «Прогресс», 1991. – С. 414.
10. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою. Сочинения в двух томах / И.А. Ильин. – М.: Московский философский фонд, – 1993. – Т. 1. – С. 464.
11. Леонтьев, К.Н. О всемирной любви. Русская идея / К.Н. Леонтьев. – М.: Издательство «Республика», 1992. – С. 149.
12. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М., 1992. – Т. 2. – С. 274.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СОЦИОЛОГИИ МОРАЛИ

Т.Ю. КИРИЛИНА, доц. каф. философии МГУЛ, канд. филос. наук

В чередѣ различных перемен и потрясений, которые принесли России последние десятилетия, нельзя не отметить трансформаций морального климата в обществе. Как принято считать, подобные изменения проявились в утрате нравственных ориентиров, размывании границ между добром и злом, общем падении нравов, распространении различных форм девиантного поведения. Более всего восприимчива к переменам, происходящим в обществе, молодежь. Под влиянием средств

массовой информации, системы образования формируются ценностные миры молодого поколения. В молодости зарождаются честолюбивые планы личности. В желаних и стремлениях молодежи коренятся будущие социальные технологии общества. Поэтому, исследуя систему ценностных миров молодых поколений, возможно прогнозировать грядущую судьбу России.

В рамках нашего исследования важно отметить, что, поскольку наукой о ценност-

ных мирах социума, обусловленных культурно-исторической стратификацией общества, является социология морали, правомерно при изучении ценностных ориентаций различных групп общества применять социологические методы исследования.

Более ста с лишним лет назад термин «социология морали» был предложен Э. Дюркгеймом и поддержан в дальнейшем П. Сорокиным [2; 7]. По мнению Э. Дюркгейма, социология морали имеет свой объект исследования. Так же, как физик изучает физические факты, а биолог – объекты биологические, социолог изучает нравы, обычаи, правовые установления, а также экономические явления в той степени, в какой они становятся предметом моральных установлений. Социология морали наблюдает, анализирует, сравнивает их и постепенно приходит к объясняющим законам.

П. Сорокин предложил «интегральную модель» социологии морали: исследование соотношения различных этических ценностей в зависимости от культурологических и социологических факторов [7].

С тех пор социология морали пытается завоевать законное место среди других наук, постоянно подвергаясь атакам со стороны философов, социологов и этиков.

За последние двадцать лет было проведено большое количество исследований в сфере морали, ценностных ориентаций, осознанно, а иногда и не очень осознанно, опирающихся на методологические основы социологии морали. И сегодня уже назрела необходимость, как справедливо отмечает В.М. Соколов, в обобщении этих исследований в рамках социологии морали [6, с. 85].

Духовное основание ценностей есть условие их существования, на что указывал Н.О. Лосский: «Ценности возможны лишь в том случае, если основы бытия *идеальны* и притом *духовны*». Он определяет ценность как «бытие в его самопереживаемом или переживаемом другими существами значении для осуществления абсолютной полноты жизни» [4, с. 285].

С духовным бытием связывали свои исследования в области теории ценностей М. Шелер, М. Хайдеггер, Н. Гартман и др. [1, 8, 9].

Как показывает в своих трудах по аксиологии М. Шелер, именно духовные ценности являются наивысшими, ибо они неделимы, в отличие от материальных ценностей. Материальные блага можно распределить среди личностей, только разделив эти блага. Чем больше их делишь, тем меньше их ценность. Ценность неделимых духовных благ независима от того, сколько людей к ним причастны.

В приведенных выше положениях ценности рассматриваются по преимуществу в аспекте бытия. Для целей настоящего исследования важно рассмотреть их также в реляционном смысле как отношение человека к тем или иным благам. Именно отношение человека к миру, бытию, благу и людям воплощается в идеалах и ценностных ориентациях личности. Поэтому примем во внимание и реляционные определения ценностей: «Ценность – то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением» [3, с. 507].

Иными словами, ценности – это такие жизненные ориентиры людей, которые признаются наиболее значимыми для человека и общества и к которым необходимо стремиться как к высшим целям для достижения максимальной полноты жизни.

Ценности обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор поведения в жизненно значимых ситуациях. В каждом обществе формируется своеобразная структура ценностей населения, отражающая его этические и исторические особенности.

Важно отметить, что миру ценностей присущ особый порядок, который состоит в том, что ценности в отношениях друг к другу образуют некую иерархию, в силу которой одна ценность оказывается «более высокой» или «более низкой», чем другая [4, с. 40].

Наиболее серьезные попытки расположения ценностей по иерархическим рядам, по рангам, принадлежат немецким теоретикам ценностей: Г. Мюнстербергу, В. Штерну, Н. Гартману и М. Шелеру.

Пытаясь определить критерии высоты ценностей, М. Шелер устанавливает ряд при-

знаков, показывающих, что ценности являются тем более «высокими», чем они долговечнее, чем менее делимы, чем хуже обоснованы другими ценностями, чем глубже удовлетворение, которое они нам доставляют, наконец, чем менее они относительны. Охарактеризуем кратко каждый из этих признаков.

Согласно М. Шеллеру, низшие ценности по своей сущности «наиболее преходящи», кратковременны, высшие ценности являются «вечными». Например, ценность любви предполагает бесконечность времени. Нельзя сказать «я люблю тебя сейчас» или «я буду любить тебя некоторое время», ибо это противоречит самой природе любви, основанной на вечности чувства. Когда же мы разлюбили кого-то, то причина этого не в кратковременности любви, а в том, что любовь была ненастоящей, что мы обманули кого-то или обманулись сами [9, с. 344].

И наоборот, чем ниже ценность, тем она кратковременнее. Когда я говорю, что мне нравится нечто, то я уже не имею в виду, что эта моя привязанность на всю жизнь. Еще более преходяще чувство приятности. Высшие ценности неделимы. Они даны всем и каждому в своей целостности. Ценность материальных благ изменяется, например, пропорционально изменению их вещной величины. Так, слиток золота вдвое ценнее, чем половина слитка. Величина ценности зависит от величины его носителя. С точки зрения М. Шелера, чем ниже ценность, тем более она обоснована другими ценностями, зависит от них. Так, ценность полезного обоснована ценностью приятного. Ведь полезное служит средством для достижения чего-либо приятного. В свою очередь, ценность приятного обоснована более высокой ценностью жизни, например ценностью здоровья. [9, с. 352].

Высота ценности определяется глубиной удовлетворения, которое она приносит своему обладателю. Более высокая ценность дает и более глубокое удовлетворение. Глубину удовлетворения нельзя смешивать с остротой наслаждения.

Наконец, ценность является тем более высокой, чем менее она относительна, чем меньше связана с определенными носителями ценностей. Чем духовнее ценность, тем

более она неделима. В этом смысле самой неделимой, значит и высшей ценностью, является Божественное.

С учетом данных критериев ценности можно расположить по следующим иерархическим рядам.

Первый, низший ряд, составляют ценности приятного и неприятного. Это ценности чувственного восприятия, основанные на ощущении наслаждения и страдания, удовольствия и боли; ценности предметов и ценности состояний. Они наименее долговечны, наиболее делимы, относительны и зависимы от других ценностей, дают поверхностное удовлетворение.

Во второй, более высокий ряд, можно поставить ценности чувства жизни, которые охватываются противоположностью хорошего и дурного, благородного и низкого. Производными от них являются все ценности, относящиеся к сфере значений благополучия и неблагополучия. Ценностным выражением этих состояний выступают чувство подъема и спада в жизни, чувство здоровья и болезни, старости и смерти, слабости и силы и т. п. Как ответные реакции на эти состояния возникают радость и печаль, мужество и страх, кротость и гнев и т. д.

К третьему, еще более высокому ряду, относятся духовные ценности: прекрасного и безобразного (область эстетических ценностей); справедливого и несправедливого (область естественного правопорядка, отличающегося от позитивного законодательства); ценности познания истины (область философии и науки). Производными от духовных ценностей являются ценности культуры, которые по своей природе относятся уже к сфере ценностей благ (например, сокровища искусства, научные центры, позитивное законодательство и т. п.).

В качестве особых ответных реакций, возникающих на этом уровне ценностей, можно указать на одобрение-неодобрение, расположение-нерасположение, духовную симпатию и антипатию, уважение и неуважение и т. д.

В четвертом ряду располагаются нравственные ценности, выражением которых является противоположность добра и зла. Это цен-

ности воли и мотивации поведения. Основные из них – совершенство воли, т. е. свободное стремление к добродетели (желание стать нравственно совершенным) и совершенство мотива (желание блага другому лицу). К числу нравственных ценностей относятся совесть и вина, достоинство и честь, ответственность и

долг, жалость и милосердие, любовь к ближнему и самоотверженность.

И, наконец, высший ряд – это ценности святости и божественности. Они выступают как абсолютные, ибо вечны, неделимы, независимы от других и наполняют душу глубоким чувством удовлетворения.

Т а б л и ц а

Сравнительная таблица иерархий ценностных ориентаций студентов

1998–1999 гг.	2000 г.	2001 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Хорошие друзья	Возможность любить и быть любимым	Возможность любить и быть любимым	Хорошие друзья	Здоровье	Семья
Возможность любить и быть любимым	Здоровье	Здоровье	Возможность любить и быть любимым	Семья	Дружба
Материальная обеспеченность	Личная жизнь	Хорошие друзья	Личная жизнь, семья, близкие	Возможность любить и быть любимым	Возможность любить и быть любимым
Личная жизнь	Материальная обеспеченность	Личная жизнь	Здоровье	Дружба	Здоровье
Карьера	Хорошие друзья	Материальная обеспеченность	Материальное благополучие	Карьера	Материальное благополучие
Чистая совесть	Свобода	Карьера	Карьера	Материальное благополучие	Карьера
Умение «крутиться», чтобы выжить	Чистая совесть	Свобода	Умение «крутиться», чтобы выжить	Интересная, творческая работа	Уважение людей
Успехи в учебе	Карьера	Успехи в учебе	Свобода	Уважение людей	Возможность быть яркой индивидуальностью
Веселое времяпрепровождение	Умение «крутиться», чтобы выжить	Веселое времяпрепровождение	Веселое времяпрепровождение	Успехи в учебе	Интересная, творческая работа
Творческая работа	Творческая работа	Умение «крутиться», чтобы выжить	Успехи в учебе	Чистая совесть	Успехи в учебе
	Успехи в учебе	Чистая совесть	Чистая совесть	Умение «крутиться», чтобы выжить	Веселое времяпрепровождение
	Возможность быть яркой индивидуальностью	Возможность быть яркой индивидуальностью	Возможность быть яркой индивидуальностью	Возможность быть яркой индивидуальностью	Умение «крутиться», чтобы выжить
	Власть	Творческая работа	Творческая работа	Возможность приносить пользу людям	Чистая совесть
	Труд на благо Родины	Власть	Власть	Веселое времяпрепровождение	Возможность приносить пользу людям
	Веселое времяпрепровождение	Труд на благо Родины	Труд на благо Родины	Труд на благо Родины	Власть
				Власть	Труд на благо Родины

В качестве состояний этому ряду соответствуют чувства блаженства и отчаяния, как бы служащие мерой приближения к высшему благу и удаления от него. Ответные реакции на эти состояния – чувства веры и неверия, благодати, благоговения и т.д.

Постижение высших ценностей осуществляется в целостном духовном чувстве любви. Высший ряд ценностей имеет личностную форму. Это значит, что отношения между ценностями принимают здесь форму отношений между личностями, между личностью человека и абсолютной личностью Бога, между личностью святого и личностью верующего. Самостоятельное место в данном ряду занимает ценность личности.

Шкала ценностей человека является стержнем его личности. Человек характеризуется как личность в зависимости от того, на какие ценности он ориентируется и совпадают ли выбранные им ценности с теми, которые общество признает в числе важнейших.

Исследования последних пятнадцати лет, проведенные в рамках социологии морали, фиксируют серьезные изменения ценностных ориентаций россиян. Так, в шкале ценностных ориентаций ослабло значение одних и усилилось значение других ценностей [6, с. 23]. Растет желание людей опираться на собственные силы, возможности, стремление к самореализации. Тем не менее, утрата былой роли общественных ценностей в нравственном сознании и поведении россиян чревата дезинтеграцией общества.

С целью изучения иерархии ценностных ориентаций студенческой молодежи в 1998–2006 гг. нами были проведены исследования в форме анкетирования, в которых приняли участие около 3000 студентов Московского государственного университета леса и Королевского института управления, экономики и социологии. Сравнительный анализ результатов этих исследований позволяет выявить определенную динамику ценностных ориентаций студентов (таблица).

Согласно опросам, проведенным нами в 1998–1999 гг., в число первых по важности для молодых людей жизненных ценностей входили: стремление иметь хороших друзей, любить и быть любимым, быть материально

обеспеченным. Следует отметить, что если в подобного рода исследованиях в 70-е годы материальной обеспеченности отдавалось пятое место из десяти, то в нашем исследовании материальная обеспеченность оказалась на третьем месте, уступив место только хорошим друзьям и стремлению любить и быть любимым. Это, на наш взгляд, говорит о тенденции в динамике базовых ценностных ориентиров студенческой молодежи: ценности духовно-нравственного характера вытесняются ценностями сугубо материального, прагматического характера.

В 2000 г. список предлагаемых студентам ценностных ориентаций был расширен такими ценностями, как здоровье, свобода, власть, труд на благо Родины и др. Самый низкий рейтинг в списке ценностей на протяжении шести лет стабильно имели власть и труд на благо Родины. Как крайне негативный следует отметить тот факт, что такие нравственные ценности, как чистая совесть, возможность приносить пользу людям, труд на благо Родины являются для молодых людей малозначимыми.

Важно подчеркнуть большое значение для молодежи такой ценности, как здоровье. На протяжении 2000–2005 гг. эта ценность со второго места переместилась на первое. Все это наглядно демонстрирует, что в последнее время в молодежной среде отмечается всплеск внимания к здоровью. По данным всероссийского мониторинга «Россия – Родина моя» 40 % молодых россиян серьезно обеспокоены состоянием здоровья (из них 36 % – подростки, 49 % – люди в возрасте 25–29 лет). В среднем лишь треть молодых россиян определяет свое здоровье как «хорошее», остальные дают ему удовлетворительную и неудовлетворительную оценку.

В 2006 г. на первое место в иерархии ценностных ориентаций вышла семья. Этот показатель противоречит многочисленным утверждениям о кризисе семьи. По нашему убеждению, в современных условиях семья выступает в качестве убежища от общественных катаклизмов и как важнейший стимул для развития личности.

Данные, полученные нами в результате анкетирования, заметно отличаются от

результатов аналогичных исследований предыдущих десятилетий и демонстрируют, что за последние годы произошли серьезные изменения в ценностных ориентациях студенческой молодежи. В значительной мере это обусловлено объективными причинами. Необходимо учитывать, что формирование шкалы ценностей современной молодежи проходит на фоне кризиса ценностно-нормативной системы.

По нашему мнению, представления о кризисе идеалов и ценностей молодежи нуждаются в серьезном уточнении. Сегодня мир ценностей российской молодежи чрезвычайно противоречив. Приоритетными для студентов остаются, как было отмечено выше, ценности любви, дружбы, семейных отношений, здоровья, в то же время все более значимую роль играют деньги, материальные блага, карьера. Такие нравственные ценности, как чистая совесть, возможность приносить пользу людям, труд на благо Родины являются для молодых людей малозначимыми. Поэтому молодые люди не всегда верно могут сориентироваться в социальной действительности.

Следует еще раз отметить, что иерархия ценностных ориентаций молодежи в зна-

чительной степени зависит от экономической и нравственной ситуаций в обществе. Одной из основных причин негативных тенденций в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи является также разрушение системы воспитания.

Библиографический список

1. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – СПб.: Владимир Даль; Фонд Университет, 2002.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990.
3. Краткая философская энциклопедия. – М.: Издат. группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994.
4. Лосский, Н.О. Ценность и бытие. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский. – М.: «Республика», 1994.
5. Назаров, В.Н. Прикладная этика: учебник / В.Н. Назаров. – М.: Гардарики, 2005.
6. Соколов, В.М. Социология морали – реальная или гипотетическая? / В.М. Соколов // Социологические исследования. – 2004. – № 8.
7. Сорокин, П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006.
8. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Изд-во «Республика», 1993.
9. Шелер, М. Избранные произведения. Формализм в этике и материальная этика ценностей / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994.

ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. СОЛОДИЛОВ, *ст. преподаватель каф. философии МГУЛ, канд. ист. наук*

Исторический опыт России свидетельствует, что без укрепления армии и флота, без воспитания у граждан чувства любви к Родине и всесторонней готовности к защите Отечества, невозможно ее существование как суверенного государства. Особую значимость в современных условиях приобретает военно-патриотическое воспитание молодежи нашей страны.

Ряд исследователей (И.Р. Антонова, А.В. Маклачков Ю.А. Юдахин) в этой области выделяют несколько групп факторов, определивших историческую необходимость военно-патриотической работы с подрастающим поколением как составной части патриотического воспитания. Среди них факторы:

– исторические, вытекающие из уроков прошлого, многовековой истории Российского государства. На протяжении столетий Россия испытывала мощное давление извне и практически постоянно находилась в состоянии вооруженных конфликтов. Это вызывало потребность готовить население к защите Отечества;

– военно-стратегические, обусловливающиеся реалиями военной опасности и вытекавшие из первоочередных потребностей укрепления обороноспособности страны в рассматриваемый период;

– внутренней обстановки, связанные с началом и развитием кардинальных преобразований во всех сферах жизни страны, влияющие на формирование системы основных

мировоззренческих ценностей молодого поколения;

- многонационального состава населения страны и вооруженных сил, определявший необходимость воссоздания эффективной и адресной системы патриотического воспитания молодежи;

- духовно-нравственный и религиозный, оказывающие значительное влияние на эффективность военно-патриотического воспитания, проводимого среди населения страны;

- наличие антиармейских настроений в обществе и негативных явлений в вооруженных силах, появление серьезных проблем с качеством призывного контингента и престижем воинской службы.

В целом соглашаясь с подобной трактовкой причин, вызвавших потребность подготовки молодых патриотов к защите Отечества, следует, на мой взгляд, акцентировать внимание на социальной востребованности решения проблемы. Используя социологические подходы к данной категории, можно определить, что она выражает объективную необходимость поддержания и воспроизводства условий существования людей (отдельных личностей, различных социальных групп, народов), их развития. Субъективно потребности переживаются людьми как их нужды в определенных материальных и духовных благах, в политической свободе, как побуждения к творческой деятельности и т.д. Потребности людей являются наиболее глубокими побудительными силами деятельности и выступают как основа возникновения разнообразных интересов [1].

Другой категорией, непосредственно связанной с понятием потребностей, является категория ценностей, отражающая все то, что имеет значение для жизнедеятельности людей, в том числе духовные идеалы, материальные блага, полезные для них нормы и принципы нравственных, политических и правовых взаимоотношений и т. д. [1]. В центре важнейших ценностей находятся свобода и независимость государства и общества, неприкосновенность их территории и рубежей.

Следовательно, ограждение от враждебных действий, различного рода угроз и опасностей для нашей страны направлено на

сохранение важнейших ценностей Российской Федерации как суверенной державы. Таковы социологические и аксиологические основы военно-патриотического воспитания – подготовки граждан к выполнению своего конституционного долга по защите Отечества.

Говоря о термине «военно-патриотическое воспитание», следует отметить, что его этимология в отечественной исторической науке разработана достаточно хорошо [2, 3]. Но это касается советского периода нашей истории. Со сменой социально-экономического строя и устранения единой для страны коммунистической идеологии, в условиях новой государственности это понятие также претерпело определенную трансформацию. Однако в различных документах, принятых высшими органами государственной власти РФ в рассматриваемый период, нет его однозначной формулировки, хотя под военно-патриотическим воспитанием в общем плане понимается подготовка граждан к защите Родины. Отсутствие методологической четкости не позволяет, на мой взгляд, очертить конкретный круг задач, выполняемых для достижения данной цели.

Рассмотрим это подробнее. Как известно, значительным событием в деле военно-патриотического воспитания молодежи стало принятие Государственной Думой 6 марта 1998 г. Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». В статье 14 «Военно-патриотическое воспитание граждан» подчеркивается: «Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления совместно с Министерством обороны Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, в которых настоящим Федеральным законом предусмотрена военная служба, и должностными лицами организаций обязаны систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан» [4]. Однако сам термин здесь не раскрывается.

Весомый вклад в дальнейшее улучшение патриотического воспитания населения и подготовку его к защите Родины сделан с принятием новой военной доктрины Российской Федерации. Среди основных задач по ук-

реплению обороноспособности государства в мирное время важное место занимает «организация подготовки органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций, населения страны к решению задач по обеспечению военной безопасности, ведению территориальной и гражданской обороны» [5]. Другой не менее важной задачей в этом документе определена «реализация государственной политики по укреплению престижа военной службы, подготовке к ней граждан Российской Федерации». Вместе с тем определения военно-патриотического воспитания граждан здесь также нет.

Очень важное место среди принятых руководящих документов по военно-патриотическому воспитанию населения занимает Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. В ней впервые подчеркивается необходимость единой государственной политики в данной области и соответствующей ее содержанию системы патриотического воспитания граждан страны. Кроме того, программа дает ориентацию на направления военно-патриотического воспитания. «Системой государственных мер предусматривается, – написано в документе, – формирование у граждан Российской Федерации духовно-патриотических ценностей, профессиональных качеств и умений, чувства верности конституционному и воинскому долгу, а также готовности к их проявлению в различных сферах жизни общества, особенно в процессе военной и государственной службы». Сегодня принята новая программа, рассчитанная на 2006–2010 гг. [6]. Воспитание гражданина-патриота, способного встать на защиту Родины, программа выдвигает в число наиболее приоритетных задач внутренней политики государства. Сам же термин «военно-патриотическое воспитание» не раскрывается.

Вместе с тем содержание упомянутых документов позволяет выдвинуть собственную концепцию военно-патриотического воспитания граждан РФ в следующей формулировке: военно-патриотическое воспитание населения Российской Федерации представляет собой активный процесс систематическо-

го и комплексного воздействия государственных органов и общественных организаций на сознание граждан страны в целях формирования у них готовности к защите Отечества и выработки качеств личности, необходимых для выполнения этих задач.

Данное определение не может претендовать на завершенность в силу чрезвычайной сложности и динамичности самого процесса военно-патриотического воспитания населения РФ в период коренных изменений во всех сферах жизни современного российского общества, но в нем учтены субъект и объект воздействия, поставленные цели и задачи в конкретных исторических условиях.

Другой не менее серьезной проблемой исторической науки и других общественных дисциплин – философии, социологии, политологии, геополитики – является уточнение понятия защиты Отечества в современных условиях. Если в период существования СССР как мощной сверхдержавы речь шла главным образом об обеспечении военной безопасности страны, то с ее разрушением и изменением реалий международной обстановки рамки этого понятия значительно расширились. Теперь речь идет о национальной безопасности. В «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» указывается на необходимость использовать имеющуюся военную мощь для предотвращения агрессии, а также нейтрализовать военную опасность государства, исходящую из внутренних военных угроз, обеспечить независимость и территориальную целостность государства [7].

В последние годы появился ряд трудов, в которых проблемы национальной безопасности рассматриваются комплексно, в тесной связи с вызовами и угрозами нашего времени [8].

Новые подходы позволяют дать четкую формулировку рассматриваемого нами понятия. Национальная безопасность – это состояние, при котором надежно защищены жизненно важные политические, экономические, социальные, экологические и другие интересы страны (нации), до минимального уровня снижена опасность реальных и потенциальных внутренних и внешних угроз, кризисных ситуаций и обеспечиваются воз-

возможности для прогрессивного развития личности, общества и государства [8].

В данной формулировке предельно емко и глубоко, на мой взгляд, выражены сущностные признаки и причинно-следственные связи феномена национальной безопасности, определяющие ее многоаспектность и многогранность, структуру, включающую политическую, экономическую, военную, экологическую, информационную, духовную и другие виды безопасности. Все они самым тесным образом связаны между собой, и каждый вид безопасности характеризуется необходимостью адекватного ответа на опасности и угрозы в той или иной сфере жизнедеятельности государства и общества. Для того чтобы правильно определить цели, задачи и направления военно-патриотического воспитания молодежи в современной России, следует хотя бы кратко остановиться на главных опасностях и угрозах Отечеству.

Опасность имеет субъективно-объективную природу. Как нечто объективное она имманентно присуща природе и обществу, существует как бы в потенции (опасности войн, террористических актов, социальных конфликтов и т.д.). Но по мере актуализации опасности она может выступать в форме угрозы, становится все более субъективированным феноменом, хотя и не утрачивает своих потенциально-объективных свойств.

Каким образом проявляется это состояние высокой опасности в различных сферах общественной жизнедеятельности?

Главные источники и причины состояния высокой опасности коренятся в экономической сфере, которая во многом определяет характер и особенности функционирования всех других сфер общественной жизнедеятельности. Это состояние, применительно к России, характеризуется следующими признаками: трудности преодоления экономического кризиса в результате достижения «критической массы» таких факторов, как интенсивный рост коррупции, экономическая преступность, парализующие экономику государства и цивилизованное предпринимательство; критическое сужение ресурсного пространства (то есть возможностей удовлетворения потребностей государства

в сырьевых ресурсах) и утрата возможностей адаптации экономической системы к сокращению сырьевых и энергетических ресурсов; качественная деградация и структурный кризис индустриальной системы вследствие падения промышленного, технологического и научно-технического потенциалов государства; нарастание инфляционного процесса, стагнация банковской и финансовой систем государства; экспансия зарубежного финансового капитала в Россию.

В социальной сфере к состояниям высокой опасности для прогрессивного развития личности, общества и государства относятся: потеря способности к воспроизводству качественного и рационального количественного уровня жизни населения; ухудшение его физического, психического и генетического здоровья; снижение уровня нравственности и социальной защищенности личности и общества; деградация культурного, образовательного и профессионального уровня населения; интенсивная социальная динамика общества и утрата социальных перспектив для значительной части граждан; рост социальной напряженности и конфликтности в обществе и др.

В военной сфере наибольшую опасность представляет потеря способности государства обеспечивать адекватное противодействие военным угрозам и динамично наращивать свой оборонный потенциал пропорционально интенсивности и уровню изменения этих угроз при развитии военных кризисов. Задача поддержания этой способности приобретает особую остроту в условиях сокращения ВВП, экономического, технологического и научно-технического потенциалов государства, что характерно для современного кризисного состояния страны.

В информационной сфере главную опасность представляет потеря способности государства обеспечивать эффективное противодействие использованию средств массовой информации для преднамеренной дестабилизации социально-политической системы, дезинформации, целенаправленного негативного воздействия на общественное сознание, а также для добывания информации, составляющей государственную и военную тайну с целью подрыва национальной безопасности.

В сфере экологии. Проблемы экологической безопасности ныне приобретают глобальные масштабы и в наибольшей степени обостряются при кризисных явлениях в экономической системе государства, поскольку в этих условиях сокращаются финансово-экономические и другие возможности для широкого комплекса мер по охране окружающей среды, внедрения в производства экологически чистых технологий.

Понятие «угроза» также имеет несколько отличительных признаков. Во-первых, угроза – это высказанное намерение одних субъектов причинить ущерб другим. Во-вторых, она есть наивысшая степень превращения опасности из возможности в действительность. В-третьих, это готовность причинить насилие для причинения ущерба. В-четвертых, – это динамизированная опасность. Следовательно, угроза есть актуализированная форма опасности в процессе превращения ее из возможности в действительность с достаточно высокой степенью готовности одних людей причинить ущерб другим [11].

Рассмотрим наиболее существенные угрозы российскому государству и обществу, которые вызывают острую необходимость военно-патриотического воспитания молодежи в современных условиях.

Серьезной угрозой для суверенитета России конца XX – начала XXI века стал международный терроризм. События последних лет: взрывы и вылазки террористов в Москве, Беслане, в других городах и населенных пунктах России, террористические акции в США 11 сентября 2001 г., взрывы, повлекшие человеческие жертвы в Европе и других регионах мира, показывают, что за ними стоят мощные и глубоко законспирированные международные организации. Налицо стремление неких сил к установлению глобального контроля над планетой и судьбами человечества и унификации (стандартизации) идеологии и образа жизни последнего. Это стремление к подчинению всех народов одной стандартизированной схеме, определяемой хозяевами новой жизни.

Как новое глобальное явление он возник в эпоху глобализации и оказывает серьезное влияние на мировую политику, экономику, систему международной безопасности. То

есть под влиянием этого нового явления идет перекройка геополитической карты мира, перераспределяются планетарные ресурсы, разрушается суверенитет и демонтируются границы государств, изменяется система международно-правовых принципов, сложившаяся в сообществе государств после второй мировой войны.

Анализ целей, задач и сущности глобализационных процессов, а также политических и военных доктрин некоторых государств, интересов транснациональных корпораций и международной финансовой олигархии убеждает, что терроризм вольно или невольно способствует реализации целей, задач и интересов вышеперечисленных субъектов. А значит, он не самостоятельный субъект мировой политики, а всего лишь инструмент, средство для нового монополярного миропорядка с единым центром глобального управления, стиранием национально-государственных границ и установлением господства новой мировой элиты. Следовательно, именно она выступает главным субъектом международного террора и его идеологом [10].

Понятие «международный терроризм» сегодня размыто. К международным террористам причисляют и участников криминальных разборок, и сторонников национально-освободительной борьбы, и сепаратистов различного толка [12]. По мнению ряда специалистов, нынешний международный терроризм есть явление, состоящее в применении террора государственными и негосударственными политическими структурами как способ достижения политических целей путем запугивания, нагнетания социально-психологической дестабилизации населения или отдельных социальных групп, подавления воли органов государственной власти и создания условий для манипулирования политикой государства, поведением его граждан.

Введение в мировую политику феномена «международный терроризм» в качестве виртуального геополитического субъекта решает для транснациональной мировой олигархии и элиты США следующие задачи [10]:

– сокращение истинных целей деятельности сил, ведущих борьбу за мировое господство и глобальный контроль;

– вовлечение больших масс населения в борьбу с неясными целями, с невидимым противником. Манипулирование общественным сознанием и дезинформация, нагнетание всеобщего страха, психологической дестабилизации;

– разрушение фундаментальных международно-правовых норм, искажение смысловых понятий агрессии, государственного террора, диктата, национально-освободительного движения и т. д. – лишение народов права на вооруженное сопротивление агрессии и оккупации, на противодействие подрывной деятельности иностранных спецслужб, геноциду;

– отказ от приоритета защиты геополитических интересов страны, изменение целевых установок в строительстве вооруженных сил в пользу борьбы с терроризмом (военно-полицейских функций), нарушение логики в формировании военных союзов в ущерб совместной обороне и в пользу так называемой антитеррористической коалиции;

– разрешение экономических проблем путем военно-силового принуждения, актов агрессии под предлогом борьбы с терроризмом;

– воспреещение образования альтернативного геополитического центра силы.

Таким образом, международный терроризм – это инструмент войны иного, нетрадиционного типа. Одновременно в союзе со СМИ он выступает как своеобразная система управления глобальными процессами. Не поняв сути этой новой войны, мы не поймем и сущности одного из инструментов – терроризма [10].

В отношении России намерения сил, реализующих свои глобальные претензии, следующие. Концепция глобальной (американской) империи предусматривает встраивание России в эту империю в лучшем случае на правах автономии, но не самостоятельного субъекта мировой политики. За нашей страной не оставляют право на сохранение целостного государственного образования. Потому идеолог этой концепции З. Бжезинский не устает твердить о расчленении РФ на ряд более мелких образований [13].

Большую угрозу нашему государству несет бездуховность, падение нравственных устоев среди некоторой части российских граждан. Международный терроризм спрово-

воцировал усиление роли духовной сферы в жизнедеятельности общества. В условиях, когда борьба за независимость, суверенитет, территориальную целостность военными средствами становится малоэффективной или бесперспективной, акцент в борьбе переходит в духовную сферу и может перерасти в битву за веру, за право быть русским и китайцем, православным и мусульманином и т. д. Отсюда роль патриотического и военно-патриотического воспитания населения РФ, и особенно молодежи, в современных условиях значительно возрастает.

На этой основе безопасность сознания, мировоззрения и духовных качеств молодежи приобретает характер практической и теоретической проблемы лишь при ее соотнесении с внешними и внутренними угрозами, существующими сегодня. Отсюда вытекает необходимость в самом общем плане рассмотреть характер данных угроз [14].

Во-первых, в качестве реальной внешней угрозы духовности российского общества можно рассматривать информационную и духовно-идеологическую экспансию ряда зарубежных стран. Через средства массовой информации духовно-культурное поле России интенсивно насыщается чуждыми ценностями. Из дня в день ведется пропаганда насилия, жестокости, аморализма, разжигается алчность, воспитывается конформизм, формируется потребительская ориентация. Целью широкомасштабной духовной «агрессии» является смена духовного менталитета нации, деформация национального сознания, разрушение первооснов отечественной культуры.

Во-вторых, стремительными темпами происходит разрушение русского языка как носителя отечественной культуры. Англицизмами и словами, заимствованными из лексики американского рынка, насыщена речь теле- и радиокомментаторов, ведущих программ, репортеров газет. Языковая экспансия нацелена на разрушение первооснов русской духовной культуры, на формирование у большинства россиян чувства ущербности, неполноценности русской культурной традиции.

В-третьих, в качестве интегральной угрозы духовности российских граждан сле-

дует рассматривать деятельность различных религиозных сект, нового язычества и оккультизма, например «Белого братства», «Муна» и других, зачастую престаупающих черту нравственных и правовых норм. Многие из них применяют специфические, авторитарные и психологические методы, воздействуют тотально и негативно на сознание человека, стремятся коренным образом изменить психику и поведение людей, их ценностные ориентации, превратить их в средство манипуляции во имя своих скрытых корыстных целей.

В-четвертых, опасной является сложившаяся и устойчиво проявляющаяся недооценка государством и обществом результатов достижений науки, образования, искусства, их роли и места в духовной сфере. Сегодня во многом оказался деформированным сам механизм производства, распространения и потребления духовных ценностей. Решение задач всестороннего и гармоничного развития личности, сохранения и развития традиций отечественной культуры, поддержания высокого уровня духовности граждан, который положительно оценивался многими зарубежными представителями и организациями, сегодня утрачен. В России за последнее время значительно возросла степень отчужденности представителей практически всех социальных групп от культурных традиций и ценностей. Все глубже и масштабнее становится процесс декультуризации.

В-пятых, изучение состояния развития современного российского общества показывает, что угрозы духовной безопасности ее членов существуют практически во всех сферах общественной жизни. Неопределенность тенденций социального развития, неуверенность в будущем становится для многих наших соотечественников постоянной доминантой их внутреннего духовного мира.

Поэтому внутренняя политика государства должна быть направлена на восстановление духовности, нравственности и национальных традиций. Необходимо глубоко осмыслить слова великого историка Ключевского: «Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробни-

цей Сергия Преподобного и закроются врата его лавры» [15].

Не менее серьезной угрозой для национальной безопасности РФ являются бедность и нищета значительной части населения, а также вызванный этими причинами демографический кризис. Так, в России, согласно докладу академика РАН Г.В. Осипова на II Всероссийском социологическом конгрессе 30 сентября 2003 г., расходы государственного бюджета на душу населения в 34 раза меньше, чем в США и в 43 раза меньше, чем в Финляндии. На одного россиянина приходится 61 долл. налично-денежной массы, на одного финна – 583 долл., на одного американца – 2200 долл. При этом страна должна была иностранным кредиторам свыше 170 млрд. долларов. Правда, в августе 2006 г. Россия досрочно рассчиталась с Парижским клубом кредиторов. А досрочное погашение в минувшем году долга Международному валютному фонду принесло 250 млн долл. экономии. Тем не менее, несмотря на мировой рост цен на энергоносители, доходы на душу населения в нашей стране остаются по-прежнему низкие. Из-за низкого уровня жизни сложилось критическое положение в демографической сфере. Это катастрофический рост смертности населения – свыше 900 тыс. в год, в том числе и прежде всего – среди трудоспособного населения. Сократилась по сравнению с 1990 г. продолжительность жизни. У мужчин она на 15, а у женщин на 7 лет меньше, чем в странах Западной Европы и США [16]. Не случайно, что решению данной проблемы в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. уделено значительное внимание. По сути речь идет о реализации в нашей стране еще одного национального проекта.

Безусловно, что сильное расслоение по имущественному и финансовому признакам между гражданами нашей страны, отсутствие достаточно широкого слоя среднего класса не способствуют консолидации общества. Озлобленность значительной части населения своей бедностью не способствует патриотическому и военно-патриотическому воспитанию. Формирование чувства гражданственности должно сопровождаться установлением социальной

справедливости, уважительного отношения к труду, честности и порядочности в отношениях между людьми [17].

И все же, несмотря на серьезные социально-экономические проблемы, современный российский патриотизм осмысливается и осознается передовыми гражданами нашей страны как творческое, духовное самовыражение любви к Родине, как забота о ее процветании и защите. Природа патриотизма такова, что он может объединить людей, придерживающихся различных политических и социальных позиций. Именно он является мощной общественной основой, способствующей сближению межгрупповых и межэтнических интересов во имя великого будущего Отечества.

Недавно в Москве состоялось заседание рабочей группы Российского организационного комитета «Победа», на котором обсуждалась роль государственных средств массовой информации в военно-патриотическом воспитании молодежи. Выступивший на нем советник заместителя руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям А. Гагаркин подчеркнул, что деятельность Роспечати в координации военно-патриотической работы среди молодежи выражается в проведении такой программной политики государства, которая способствует усилению патриотической и социальной составляющей теле- и радиовещания, а также печатной продукции. Конкретно это выражается, в частности, в возможности агентства на конкурсной основе оказывать финансовую поддержку при производстве телевизионных и радиопередач, социально значимых фильмов и интернет-проектов патриотической тематики. За последние пять лет на эти цели, а точнее на поддержку более 800 проектов, было выделено 2 млрд руб. из федерального бюджета. В общей сложности профинансировано более 80 проектов военно-патриотической направленности. Государство должно широко использовать все имеющиеся средства для развития этой работы.

Таковы основные причины, обусловившие социальную востребованность и объективную необходимость военно-патриотического воспитания российской молодежи.

Библиографический список

1. Социология: учеб. для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Лавриненко, Н.А. Нартов, О.А. Шабанова и др.; под ред. В.Н. Лавриненко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – С. 396; С. 403.
2. Волков, А.П. Деятельность государственных органов и общественных организаций СССР по подготовке молодежи к защите Родины (1961-1991 гг.): дис. ... докт. ист. наук / А.П. Волков. – М., 1994. – С. 26.
3. Патриотическое сознание: сущность и формирование / А.С. Миловидов, П.Е. Сапегин, А.Л. Симанов и др. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 142.
4. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон. Принят Государственной Думой 6 марта 1998 г. Одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г. // Красная звезда. – 1998. – 4 апреля.
5. Военная доктрина Российской Федерации. Принята Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. // Независимое военное обозрение: Еженедельное приложение к «Независимой газете». – 2000. – № 15. – 28 апреля – 11 мая.
6. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы»: Постановление Правительства РФ № 122 от 16 февраля 2001 г. // Красная звезда. – 2001. – 2 марта.
7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. – 2001. – № 1.
8. Барабин, В.В. Экономическая безопасность / В.В. Барабин. – М.: Аванти, 2004.
9. Грачев, Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита / Г.В. Грачев. – М.: ПЕР СЭ, 2003.
10. Ивашов, Л.Г. Терроризм реальный и мнимый. Вызовы и угрозы эпохи глобализации / Л.Г. Ивашов // Военно-промышленный курьер. – 2004. – № 40. – 20–26 октября.
11. Безопасность России и армия / В.А. Серебрянников, Ю.И. Дерюгин, Н.Н. Ефимов и др. – М., 1995. – С. 11–12.
12. Кожушко, Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений / Е.П. Кожушко; под общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 2000. – С. 3–5.
13. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский; пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 5-15, 24-56.
14. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 14–32.
15. Ключевский, В.О. Статьи по русской культуре. Два воспитания. Сочинения в 9 т. / В.О. Ключевский. – Т. 9. – С. 8.
16. Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке: Доклад на II социологическом конгрессе 30 сентября 2003 г. – М., 2003. – С. 32-34.
17. Государственно-патриотическая идеология как фактор формирования духовного потенциала Армии и Флота: научно-теоретический труд / А.И. Дырин, Н.И. Звинчуков, Б.И. Каверин и др. – М.: Военный университет, 1999. – С. 150–152.

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Н.А. КОРОЛЕВА, доц. каф. педагогики и психологии МГУЛ, канд. пед. наук

Целью гуманитарной подготовки будущих инженеров в техническом вузе является формирование гуманитарной культуры личности специалиста. Гуманитарная культура имманентно присуща базовой (общей) и профессиональной культуре личности и включает аксиологический, знаниевый и деятельностный компоненты.

Человеческое в человеке проявляется прежде всего в том, что ему присуще ценностное отношение к действительности (в том числе и к самому себе). Это определяет высокую значимость аксиологического компонента гуманитарной культуры. «Аксиос» в переводе с греческого языка означает «ценность». Ценность – это термин, означающий социальное и культурное значение (значимость) явлений и фактов действительности [1]. Личностные ценности отражаются в сознании человека в форме ценностных ориентаций. Они определяют стратегические жизненные цели личности, являются обобщенным показателем направленности интересов, потребностей, запросов личности и поэтому определяют направления ее эволюции [2]. В контексте гуманистической парадигмы ядро аксиологического компонента гуманитарной культуры личности составляет система гуманистических ценностей, а также развитые потребности личности в самопознании, саморазвитии, самореализации и творческом самовыражении (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм). Система гуманистических ценностей подразумевает признание ценности человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, признание блага человека критерием оценки социальных институтов, а также принципы равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми [2].

Знаниевый компонент гуманитарной культуры личности включает знания о себе (самосознание) и систему гуманитарных знаний. Включение в содержание данного компонента системы знаний человека о самом

себе (самосознание, Я-концепция) обусловлено важностью этого психологического феномена. Самосознание предполагает знание и понимание себя, в наиболее общем виде оно предстает как Я-концепция личности. Саморазвитие и самореализация невозможны без самопознания. Самосознание предполагает осознание не только своих личностных качеств, но и различные виды идентификаций: социально-ролевых, национально-государственной, этнической и т. д. От уровня развития самосознания зависят и социальные качества личности [3, 4 и др.].

Система знаний в гуманитарной области (гуманитарная эрудиция) – вторая составляющая знаниевого компонента гуманитарной культуры. Влияние на мировоззрение и систему ценностей личности осуществляется прежде всего через гуманитарное знание. С одной стороны, усвоенные личностью гуманитарные знания являются результатом процесса обучения, с другой – условием формирования гуманитарной культуры.

Деятельностный компонент включает такие виды целенаправленной активности личности, которые обеспечивают непрерывное совершенствование личности (самопознание, саморазвитие, саморегуляция, самореализация и самосохранение), гуманитарные умения (например, музыкальные, литературные, спортивные и пр.) и социальные навыки (навыки цивилизованного взаимодействия с отдельными людьми и группами людей; навыки оказания психологической самообороны в ситуациях манипулятивного воздействия со стороны других субъектов); навыки восприятия гуманитарных аспектов действительности (музыкальных, художественных и т.д.); владение приемами гуманитарного мышления.

Навыки самопознания, саморазвития и самореализации (в том числе и физической) обеспечивают реализацию возможности человека непрерывно развиваться и совершенствоваться на протяжении всей жизни. Гуманитарная

подготовка призвана не только актуализировать потребности человека в самопознании и саморазвитии, но и вооружить студентов соответствующим инструментарием.

Гуманитарные умения (репродуктивные и продуктивные) также являются важным элементом гуманитарной культуры личности. На репродуктивном уровне – это умения исполнителя, подражателя. Продуктивный уровень предполагает способность человека создать некий новый эстетический продукт (художественное, литературное, музыкальное произведение и т.п.). Направленность специальных способностей студентов технических вузов может являться ограничением для формирования гуманитарных умений продуктивного уровня, однако гуманитарная среда технического вуза должна способствовать формированию и развитию этого компонента гуманитарной культуры как через внеучебную деятельность, так и в рамках учебной.

Социальные навыки – навыки адекватного взаимодействия с социальной средой в широком и узком смысле. Понятие «социальные навыки» шире понятия «коммуникативные навыки». Коммуникативные навыки представляют техническую сторону общения. В традиционной педагогической трактовке коммуникативная культура личности понимается более широко – как культура взаимодействия с социальной средой [5], мы же используем данное понятие как элемент этого взаимодействия. Социальные навыки как элемент гуманитарной культуры личности подразумевают умение устанавливать цивилизованный (в противовес манипулятивному) контакт с отдельными людьми и группами людей на основе психологических, этических и этикетных норм, а также умение оказывать цивилизованное противостояние манипулятивному влиянию со стороны других субъектов. Активная гражданская позиция, умение отстаивать свои права, уважение правовых основ общественной жизни, готовность жить и работать в правовом поле [6] также включаются в содержание данного компонента гуманитарной культуры личности.

Навыки восприятия гуманитарных аспектов действительности (музыкальных, художественных и т. д.) реализуются в спо-

собности человека адекватно воспринимать и ценить красоту (природы, картины, слова, музыки, технических конструкций и т.д.).

Специфика гуманитарного мышления связана прежде всего с предметом мысли – текстом. Текст – это любые знаково-символические сообщения и проявления человека – вербальные и невербальные средства коммуникации, графические изображения, музыка и т. д. Гуманитарное мышление по своей сути диалогично [7, 8], сутью его являются интерпретация и понимание. Таким образом, гуманитарное мышление направлено на решение задач (проблем), связанных с различными проявлениями специфической человеческой природы: понимание и интерпретацию поступков как своих собственных, так и других людей (взятых отдельно или в группе), понимание произведений искусства, социальных процессов и т. д. В данном контексте понятие гуманитарное мышление может быть рассмотрено в сочетании с такими понятиями, как социальный и эмоциональный интеллект [9]. Социальный интеллект интерпретируется как способность человека понимать внутренний мир и поведение других людей. Эмоциональный интеллект трактуется как способность к пониманию эмоционального мира людей и познанию собственных эмоций. Проблема социального и эмоционального интеллекта в современной психологии находится на стадии разработки, однако в перспективе результаты исследований в данной области могут существенно обогатить и педагогическую практику. В частности, с точки зрения разработки диагностического инструментария, позволяющего оценить уровень развития данного элемента в структуре гуманитарной культуры личности.

В узком смысле под гуманитарным мышлением подразумевается умение оперировать понятиями, ориентироваться в словесной информации, устанавливать закономерности в расположении различных языковых форм (букв, слов, понятий). Люди, обладающие гуманитарным складом ума, осуществляют преобразование информации с помощью умозаключений. Результатом мыслительного процесса становится мысль в форме понятия или высказывания, фиксирующего существ-

венные отношения между обозначаемыми предметами [10].

Как отмечалось выше, гуманитарная культура личности не выделяется как особый элемент общей базовой культуры личности, она имманентно присуща всем ее элементам. В то же время гуманитарная культура уже общей базовой культуры личности, хотя большинство их компонентов совпадает. Так, познавательная культура в целом шире знаниявого компонента гуманитарной культуры, так как она подразумевает владение знаниями в различных областях, а не только в гуманитарных, а также включает опыт познавательной деятельности. Необходимо отметить, что все компоненты гуманитарной культуры личности тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В профессионально обусловленной структуре личности также целесообразно выделение гуманитарной составляющей. Гуманитарная культура личности, проецируемая из профессионально обусловленной структуры личности специалиста, тождественна общей гуманитарной культуре личности по структуре, то есть также включает аксиологический, знаниевый и деятельностный компоненты, а в содержательном наполнении отражает специфику профессиональной деятельности.

Так, аксиологический компонент профессионально обусловленной гуманитарной культуры личности включает профессиональные ценности разного уровня: общепрофессиональные; групповые профессиональные (специально-профессиональные); личностно-профессиональные. В данный компонент входят также потребности в профессиональном развитии и самореализации. Знаниевый компонент включает профессиональное самосознание и систему профессионально ориентированных гуманитарных знаний.

Деятельностный компонент гуманитарной культуры предполагает навыки профессионального самопознания, саморазвития, саморегуляции, самореализации и самосохранения; навыки цивилизованного взаимодействия с социальными объектами в условиях производственной среды; гуманитарное мышление как способность решать в рамках профессиональной деятельности задачи гуманитарного характера (психологические, социальные,

социально-психологические, экономические, правовые и т.д.). Гуманитарное мышление нельзя рассматривать как противоположность техническому мышлению. В структуре общей и профессиональной культуры личности инженера эти два вида мышления должны существовать в диалектическом единстве. Гуманитарное мышление не заменяет техническое мышление инженера, а обеспечивает гармонизацию интеллектуальной деятельности специалиста, одновременно являясь одним из условий предупреждения профессиональных деформаций его личности.

Повышение эффективности гуманитарной подготовки студентов технических вузов в плане формирования культуры личности будущего специалиста обеспечивается функционально полным набором гуманитарных дисциплин в структуре содержания такой подготовки; оптимальной последовательностью изучения и использованием технологий обучения, соответствующих доминирующей направленности конкретных гуманитарных дисциплин.

Библиографический список

1. Философский энциклопедический словарь – 2-е изд. / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы и др. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
2. Гавриленко, Н.В. Духовная культура личности в системе гуманитарного образования: (Соц.-филос. анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Красноярск, 2000. – 19 с.
3. Кон, И.С. Психология старшеклассника / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1982. – 207 с.
4. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. Р. Бернс; Общ. ред. и вступ. ст. В.Я. Пилиповского. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
5. Леднев, В.С. Содержание образования: сущность, структура, перспективы / В.С. Леднев. – М.: Высшая школа, 1991. – 224 с.
6. Братченко, С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования: методическое пособие / С.Л. Братченко. – СПб.: СПбГУПМ, 2003. – 56 с.
7. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1986. – 541 с.
8. Библер, В.С. На гранях логики культуры: книга избранных очерков / В.С. Библер. – М., 1997.
9. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 176 с.
10. Холодная, М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд., перераб. и доп. / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В СИСТЕМЕ «ОБЩЕСТВО – ПРИРОДА» КАК УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Л.Б. БАХТИГУЛОВА, *проф. каф. педагогики и психологии МГУЛ, канд. пед. наук,*
И.В. ПЕТУХОВА, *ст. преподаватель каф. педагогики и психологии МГУЛ*

Воспитание растущего человека как формирование развитой личности составляет одну из главных задач современного общества, на долю которого достался тяжелый груз сложностей, ознаменованный экологическими катастрофами, влекущими нарушение равновесия в физическом и нравственном здоровье людей. Ужасными проявлениями социальных и экономических катаклизмов являются возросшая детская преступность, цветущая пышным цветом, и, как амброзия, трудноискоренимая наркомания. Следствием (или причиной) этого выступают бездуховность, переоценка ценностей, потеря нравственных ориентиров подрастающего поколения и, следовательно, общества в целом.

Неопределенность – одна из наиболее существенных характеристик современной жизни; неопределенность превращается в беспредел, мешает жизни, не позволяет двигаться. Ведь невозможно двигаться, если не ясен путь.

В XXI в. путь, движение по которому позволяло бы прожить жизнь достойно и содержательно – это особый путь к экологической культуре.

Вся действительность состоит из природы и культуры. Культура – это «вторая природа». Это природа, воспроизведенная в другом измерении, другими средствами – социальными, позволяющими познавать и за счет этого детально, тщательно, углубленно отражать, возделывать, воспитывать, почитать, развивать.

Современный экологический кризис содержит внутри себя кризис духовной жизни.

Способность к духовной жизни определила выделение *Homo sapiens* из фауны. Характер использования этой способности является причиной всех его успехов и неудач.

Информация, знание, духовная культура постепенно приобретают значение ос-

новной ценности в обществе. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом, когда развитие одного фактора превращает его из стимулятора обменных явлений в их ограничитель. Так и с информацией в культуре – ее недостаточность тормозит развитие, но и ее переизбыток может оказывать то же действие.

Сегодня мы являемся свидетелями развивающегося огромными темпами объема информации. Все труднее становится отделить главное от второстепенного, научное открытие от компиляции, художественный шедевр от посредственной работы, нравственный поступок от безнравственного.

В результате духовная сфера – ядро культуры – страдает. Нарушается восприятие и отражение мира, дезориентируются человек и общество, засоряется информационный обмен между обществом и природой, усугубляется экологический кризис.

Преодоление этого кризиса связано прежде всего с духовным оздоровлением общества. Достижение социального здоровья требует от человека больших усилий. Сократ говорил, что человек – это существо, которое, получив разумный вопрос, может дать разумный ответ. Именно в способности отвечать, в ответственности сущность человеческой нравственности как способа связи людей друг с другом и с природой.

Весь мир признает, что степень развития нравственной жизни, глубина духовных исканий в российской культуре уникальны. Перед нами стоит задача не утратить, развить эту уникальность. Поэтому вклад современной молодежи в развитие культуры становится все более важным, едва ли не решающим.

Молодежь современного общества своеобразно участвует в развитии культуры – она порождает контркультуру, т.е. такую систему эстетических и нравственных представлений, которая ориентирована на противостояние системе «отцов», старшего поколения.

Стремление молодежи преодолеть, изменить тип поведения, деятельности старших может реализоваться в действиях, углубляющих или, напротив, разрушающих экологический кризис. Первые – проще, вторые – сложнее. Разрушение требует гораздо меньше интеллектуальных усилий, чем созидание. Чтобы достойно справиться со своей ролью, молодежи необходимо обеспечить культурную непрерывность, преемственность и серьезнейшее обновление культуры.

Разрешение экологической проблемы в России предполагает изменение экономической (рост доходов и уровня обеспеченности населения), социально-политической (преодоление нестабильности, снятие избыточного социального напряжения, разворачивание ощутимой социальной политики, помощи семье) ситуаций, в сфере духовной, нравственной жизни общества (выработка и закрепление в сознании членов общества природосообразных нравственных норм, очищение духовной культуры).

Формирование духовно развитой личности в процессе исторического развития общества не совершается автоматически. Оно требует усилий со стороны людей, и эти усилия направляются как на создание материальных возможностей, объективных социальных условий, так и на реализацию открывающихся на каждом историческом этапе новых возможностей для духовно-нравственного совершенствования человека.

Однако наличие объективных условий само по себе еще не решает задачу формирования развитой личности. Необходима организация систематического, базирующегося на знании и учете объективных закономерностей развития личности, процесса воспитания, который служит необходимой и всеобщей формой этого развития. Целевая установка воспитательного процесса состоит в том, чтобы каждого растущего человека сделать борцом за человечность, что требует не только умственного развития учащихся, творческого потенциала, умений самостоятельно мыслить, обновлять и расширять свои знания, но и развития образа мышления, отношений, взглядов, чувств, готовности к участию в экономической, социальной, культурной и поли-

тической жизни, личностно-общественного становления.

Для превращения духовной сферы общественной жизни – образования, культуры, науки, искусства, нравственности – из ведомой в ведущую и определяющую характер общественного развития необходимо глубоко переориентировать содержание образования.

Опыт последних лет показывает, что «чистое» обучение не позволяет «образовывать» личность. Человек «напичкивается» информацией, но не получает возможности соотнести ее, определить степень значимости фактов, явлений, тенденций, комплексно оценить окружающую действительность и себя в ней.

Анализ новой социально-экономической и общественно-политической ситуации, сложившейся в России, обуславливает необходимость новых подходов к разработке проблемы воспитания учащихся, в том числе и в сфере нравственно-экологических отношений. Сегодня традиционные программы подготовки специалистов, в частности технических вузов, должны быть существенно изменены в сторону таких приоритетов, как нравственность, уважение к государству и отдельной личности, толерантное отношение ко всем окружающим.

Речь идет о формировании нравственной культуры как составляющей общей профессиональной культуры специалиста. Под воздействием разнообразных факторов: жизненного опыта и воспитания, этического просвещения и искусства, собственного стремления к самосовершенствованию – личность аккумулирует в своем сознании и поведении достижения нравственной культуры общества. Нравственная культура личности помогает поступать соответственно в традиционных ситуациях, способствует принятию морального решения в ситуациях проблемных. Задача формирования нравственной культуры личности заключается в том, чтобы достигнуть оптимального сочетания традиционного и творческого элементов, соединить конкретный опыт личности с богатством общественной морали.

Для достижения воспитательной цели педагогу представляются три канала – непосредственное воздействие; опосредованное влияние на учащегося усилиями его сокурс-

ников или через создание желаемых условий; воспитание через самовоздействие (самовоспитание). Здесь особое внимание следует обратить на эффективность использования как традиционных, так и инновационных методов воспитания. В частности, не снимается с повестки дня такой метод, как личный пример педагога. На его огромную роль в процессе воспитания обращали внимание все выдающиеся педагоги. «Воспитатель, поставленный лицом к лицу с воспитанниками, – говорил К.Д. Ушинский, – в себе заключает всю возможность успехов воспитания». В.А. Сухомлинский писал: «Ум воспитывается умом, совесть – совестью, преданность Родине – действенным служением Родине».

Для выработки взглядов обучающихся очень важна позиция педагога. Он должен проявлять требовательность к себе и прежде всего в том, чего добивается от воспитанников; проявлять бережное отношение к личности, уважать ее достоинство и личные права; сам иметь убеждения, жить в соответствии с ними, уметь говорить с воспитанниками о них, не навязывая и одновременно не отказываясь из конъюнктурных соображений.

Экология как понятие приобрела интегральный характер, обогатилась новыми знаниями и стала наукой, которая затрагивает все формы экологической, социальной и духовной жизни человека и общества.

Основой становления такой экологии является синтез, интеграция, единение естественно-научного и гуманитарного знания, рационального и эмоционального способов отражения человеком действительности.

В результате возникает *новое мировоззрение*, с позиций которого мир рассматривается как единая глобальная экосистема, все элементы которой должны быть соразмерны и взаимообусловлены. С точки зрения будущего, общественная жизнь не должна засорять экосистему своими отходами, она должна стать безотходной во всех сферах – экономической, социально-политической, духовной, образовательной.

Библиографический список

1. Мазур, И.И. Путь к экологической культуре / И.И. Мазур, О.Н. Козлова, С.Н. Глазачев. – М.: Горизонт, 2001. – 194 с.
2. Глазачев, С.Н. Экологическая культура учителя: методическая система, педагогические технологии, диагностика / С.Н. Глазачев, С.С. Кашлев, А.А. Марченко. – М.: Горизонт, 2004. – 137 с.
3. Дерябо, С.Д. Экологическая педагогика и психология / С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин. – Ростов на Дону: Феникс, 1996. – 480 с.
4. Гусейнов, А.А. Природа как ценность культуры: экология, культура, образование / А.А. Гусейнов. – М., 1998.
5. Козлова, О.Н. Введение в теорию воспитания: пособие для преподавателей / О.Н. Козлова. – М.: Интерпракс, 1994. – 208 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО САМОВОСПИТАНИЮ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Л.Н. КОНЯГИНА, доц. каф. педагогики и психологии МГУЛ

Одним из важнейших условий формирования нравственной культуры студента вуза является *самовоспитание*, базирующееся на адекватной самооценке, соответствующей реальным способностям студента, на критическом анализе индивидуальных особенностей и потенциальных возможностей, самостоятельная организация жизни, собственное становление, саморазвитие и т.д. По мере повышения степени осознанности этого, оно становится все более значимой силой саморазвития личности, так как самовоспитание, рассматриваемое как научная катего-

рия, является объектом изучения философов, социологов, психологов, педагогов и других специалистов, указывающих на биосоциальную сущность самовоспитания, активное отношение к действительности. Развитие личности рассматривается ими не только как результат воздействия внешних сил, но и как результат активной деятельности самого человека, преобразующего действительность и самого себя.

Самовоспитание является своеобразным внутренним двигателем, значительно активизирующим процесс формирования

личности. Без него невозможно обеспечить полноценное развитие человеческой личности.

Успеха в воспитании можно достичь только в результате единства воспитания и самовоспитания, когда требования воспитателя принимаются личностью.

Самовоспитание представляет сложный динамический процесс, так как его цели, задачи, содержание меняются в зависимости от многих условий. Успешность работы над собой зависит от возрастных и индивидуальных особенностей личности, от способности управлять своим поведением, от проявления волевых свойств личности, таких как настойчивость, дисциплинированность, организованность, ответственность и др. В процессе самовоспитания происходит интериоризация внешних воздействий во внутренние регуляторы поведения и жизнедеятельности личности.

Самовоспитание является важной составляющей работы по формированию нравственной культуры будущего специалиста. Организация самовоспитательной работы предполагает поэтапное решение ряда основных задач, адекватно отражающих структуру модели взаимодействия субъектов (студентов и педагогов):

– формирование у студентов внимания к идее самовоспитания, выдвижение перспектив, что побуждает студентов искать пути самосовершенствования (цель);

– организация практической деятельности студентов в избранном направлении действия (формирование);

– создание потребности в систематической работе над собой (мотив).

Организация самовоспитательной работы осуществляется нами в ходе аудиторных занятий, внеаудиторных воспитательных мероприятий, в период производственной практики студентов.

Разрабатывая теоретические и прикладные аспекты самовоспитания студентов, мы опирались на имеющиеся наработки по данной проблеме в системе высшего образования, в частности педагогического. За основу была взята «Авторская программа педагогического профессионализма», разра-

ботанная коллективом кафедры педагогики Московского государственного областного университета. Несмотря на то, что данная программа ориентирована на систему подготовки будущих учителей, значительная часть ее компонентов в переработанном и дополненном виде может быть с успехом использована и при подготовке специалистов других сфер.

В основу разработанной нами программы самовоспитания студентов легли морально-нравственные аспекты. Так, в программу самовоспитания были включены следующие разделы:

1. Профессионально значимые нравственные личностные качества будущего работника.

2. Эталонные модели профессионализма, основанного на высокой нравственной культуре работника.

3. Отрицательные модели профессионализма, связанные с низким уровнем нравственной культуры работника.

4. Требования к своему персонально-оптимальному образу жизни, прежде всего к нравственности.

5. Алгоритм самоформирования студентом профессионализма.

Особую роль в личностной характеристике современного работника играет профессиональное самосознание, основанное на морально-этических принципах и нормах, структурные компоненты которых представляют:

– осознание работником норм, правил, модели своей профессии, формирование профессионального кредо, концепции высоко-нравственного труда;

– соотнесение себя с некоторыми профессиональными эталонами;

– оценка другими, профессионально референтными людьми;

– самооценка.

Задача студента вуза заключается в том, чтобы не просто знать нравственные качества, необходимые в предстоящей профессиональной деятельности, а уметь диагностировать себя на предмет определения степени сформированности на том или ином этапе профессионального становления, наме-

чать пути и средства дальнейшего развития положительных качеств и нейтрализации, вытеснения отрицательных.

В качестве вариантов классификации нравственных качеств личности современного работника рыночной экономики мы взяли фрагмент карты профессионально значимых личностных качеств педагога, разработанной В.П. Симоновым.

Психологические черты личности как индивидуальности:

сильный, уравновешенный тип нервной системы; добросердечность; отзывчивость; гипертетримость; требовательность.

Работник в структуре межличностных отношений:

преобладание демократического стиля общения с коллегами, подчиненными; незначительные конфликты только по принципиальным вопросам, преобладание конструктивных конфликтов; адекватная самооценка; стремление к сотрудничеству с коллегами по работе; уровень изоляции в коллективе равен нулю.

Профессионально-нравственные черты личности:

справедливость; совестливость; милосердие; благородство; вежливость; терпимость; уравновешенность; доброта; тактичность; порядочность; обязательность; доверие.

Любая совокупность профессионально значимых личностных качеств требует ранжирования их по степени значимости. Опираясь на исследования [2–4], мы разделили нравственные профессионально значимые личностные качества специалиста рыночной экономики на четыре ступени по данному критерию: основополагающие, периферийные, негативные и профессионально недопустимые качества.

Основополагающими являются качества, отсутствие любого из которых влечет невозможность эффективного осуществления профессиональной деятельности.

Под *периферийными* понимаются качества, которые не оказывают решающего влияния на эффективность деятельности, однако способствуют ее успешности.

Негативными являются качества, снижающие эффективность труда, а *професси-*

онально недопустимые ведут к профессиональной непригодности работника.

Рассмотрим эти качества подробнее.

Основополагающие качества:

– стремление работать с людьми – получение морального удовлетворения от общения с людьми в ходе профессиональной деятельности;

– честность – искренность в профессиональном и личностном общении, добросовестность;

– справедливость – способность действовать беспристрастно, учитывая прежде всего профессионализм коллег;

– гуманность – стремление и умение оказать квалифицированную помощь коллегам по работе в их личностном развитии;

– профессиональный такт – соблюдение общечеловеческих норм общения и взаимодействия с подчиненными;

– толерантность – терпеливость в общении с различными категориями работников, в том числе и по межнациональному признаку;

– уравновешенность – способность контролировать свои поступки в любых, в том числе и производственных ситуациях.

Периферийные качества: доброжелательность; приветливость; чувство юмора; чувство оптимизма.

Негативные качества:

– пристрастность – выделение среди коллег (прежде всего подчиненных) «любимчиков», публичное выражение симпатий и антипатий по отношению к коллегам;

– неуравновешенность – неумение контролировать свое временное психическое состояние, настроение;

– мстительность – свойство личности, проявляющееся в стремлении сводить личные счеты с кем-либо из коллег;

– высокомерие – подчеркнутое выражение своего превосходства над коллегами по работе.

Профессиональные противопоказания: нравственная нечистоплотность; грубость; бестактность; беспринципность; безответственность.

Индивидуальный стиль деятельности работника определяют не сами по себе про-

фессионально значимые качества, а неповторимое многообразие их комбинаций. Можно выделить следующие типы комбинаций профессионально значимых качеств личности работника рыночной экономики в процессе взаимодействия с другими субъектами рынка во взаимосвязи с уровнем эффективности его деятельности.

Первый тип комбинаций: «положительный, без предосудительного», соответствующий высокому уровню профессиональной деятельности и общения работника.

Второй тип: «положительный с предосудительным, но извинительным», характеризующийся преобладанием положительных качеств над негативными. Эффективность профессиональной деятельности и общения оказывается достаточной. Негативное (по мнению коллег) признается несущественным и извинительным.

Третий тип: «позитив, нейтрализуемый негативом», соответствующий малоэффективному уровню профессиональной деятельности.

Таким образом, знание нравственных профессионально значимых личностных качеств современного работника, а также их роли в профессиональной деятельности способствует стремлению студентов к выработке и совершенствованию этих качеств. Для развития адекватной самооценки необходимо:

- наличие осознанного образца (идеала) профессиональной деятельности и личности работника;

- учет оценки окружающих (руководителей практики, работников организации или предприятия, сокурсников);

- анализ деятельности других работников и студентов-практикантов;

- объективный самоанализ.

Самоанализ предполагает соотнесение задач и результатов своей деятельности с профессиональными образцами, соотнесение самооценки с оценкой других, нахождение причин недостатков своей деятельности, поиск возможных вариантов улучшения деятель-

ности. Проведенный анализ эффективности предложенной технологии дал позитивные результаты. Подавляющее большинство студентов (98 % из 312 обследованных) успешно справляется с разработкой программы, а более половины (58 %) использует ее на последующих курсах. Однако эти данные для нас являлись периферийными. Нас в большей мере интересовал вопрос трансформации полученных сведений на процесс адаптации студентов в академической группе и производственном коллективе. С этой целью мы поставили задачу выявить, используют ли студенты полученные знания, сформированные умения в практической деятельности во время производственной практики. Для решения этой задачи применялся комплекс методов обнаружения результатов: наблюдение за студентами в процессе производственной практики, анализ отчетов об итогах практики на предмет использования идей и технологии создания авторских программ личностного развития. В отчетах 37 % студентов отметили, что идеи и технология составления авторской программы педагогического профессионализма легли в основу разработки программы самообразования и самовоспитания. Тем самым подтвердились наши исходные предположения, что умения, приобретенные в ходе составления авторских программ педагогического профессионализма, используются студентами для совершенствования профессионализма.

Библиографический список

1. Авторская программа педагогического профессионализма / под ред. Л.Л. Шевченко. – М., 2002.
2. Журавлев, В.И. Взаимосвязь педагогической науки и практики / В.И. Журавлев. – М.: Педагогика, 1984.
3. Симонов, В.П. Диагностика личности и профессионального мастерства преподавателя / В.П. Симонов. – М.: Международная педагогическая академия, 2002.
4. Юзефовичус, Т.А. Педагогические ошибки учителей и пути их предупреждения: учеб. пособие для преподавателей и студентов / Т.А. Юзефовичус. – М., 1998.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

И.В. КРЫЖАНОВСКАЯ, *ст. преподаватель каф. педагогики и психологии МГУЛ*

Проблемой профессионального становления активно занимается как зарубежная, так и отечественная психология. Профессиональное развитие, изменения профиля личности в процессе профессионального становления освещены в работах Е.А. Климова, Б.Г. Ананьева, Н.С. Пряжникова, Э.Ф. Зеера, Е.И. Головаха, М.Р. Гинзбурга и др. В трудах С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.В. Ломова, В.Д. Шадрикова рассмотрены общепсихологические проблемы профессиональной деятельности, развиты представления о ее строении и механизмах регуляции. Несмотря на фундаментальное значение профессиональной деятельности в общей системе научного знания о человеке до сих пор недостаточно разработана проблема профессионального самоопределения, что, в свою очередь, ограничивает возможности диагностики, прогноза развития, изменчивости или устойчивости данного процесса.

Опираясь на исследования Л.С. Выготского, Э. Эриксона, Д.Б. Эльконина, можно утверждать, что период профессионального самоопределения является одним из сложнейших в жизни человека, так как именно на данном этапе индивид переходит на качественно новую ступень развития. Э. Эриксон основной задачей этого возраста считал личностное самоопределение и утверждал, что оно может стать базой для всей последующей жизни, а также важнейшим условием становления личности, что, в свою очередь, является определяющим степени социализации. Процесс формирования личности и профессионала, в котором участвует множество движущих сил и факторов, настолько сложен и неоднозначен, что создание какого-либо единого метода, способного оценить успешность этого процесса или определить более существенные факторы социализации, крайне затруднительно. Важнейшим критерием осознания и продуктивности профессионального становления личности является ее способность находить личностный смысл

в профессиональном труде, самостоятельно проектировать, творить профессиональную жизнь, ответственно принимать решения о выборе профессии, специальности и места работы. Личность постоянно изменяется, развивается, и на разных стадиях ее развития одни и те же задачи профессионального самоопределения решаются по-разному.

Профессиональное самоопределение предполагает выработку собственной позиции в ситуации, характеризующейся большой степенью неопределенности. Чтобы определиться в проблемно-ориентационной ситуации, личности необходимо соотнести свои потребности, позиции, мечты с собственными возможностями: подготовленностью, способностями, эмоционально-волевыми качествами. Возможности, в свою очередь, необходимо соотнести с требованиями профессионального учебного заведения, профессии, специальности, конкретной трудовой функции.

Началом профессионального становления личности является формирование профессиональных намерений, которые завершаются осознанным выбором специальности. Мотивы выбора профессии очень изменчивы. Они определяются культурой общества, теми социальными и экономическими изменениями, которые происходят в нем. Успешность профессионального самоопределения во многом зависит от информированности учащихся, выраженности профессиональных интересов, наличия специальных способностей и устойчивости профессиональных намерений.

Опираясь на существующее в психологии понимание процесса профессионального становления как многогранного явления, мы выделили для изучения следующие аспекты профессионального определения современных студентов: мотивация поступления в вуз для приобретения определенной профессии с учетом ближайшей временной перспективы; степень влияния интересов и склонностей на профессиональное самоопределение.

Для исследования ценностных ориентаций и мотивации поступления в вуз на определенную специальность использовалась разработанная нами анкета. Она включает вопросы: что повлияло на выбор профессии, значимость выбранной профессии, чем руководствовался при выборе той или иной специальности, планирование трудовой деятельности после окончания обучения в вузе. Данная методика компактна, процедурно проста и позволяет проанализировать основные мотивы, а также сгруппировать смысловые ценности в содержательные блоки.

В зависимости от действующего мотива или их системы профессиональное становление осуществляется в определенном направлении с различной степенью успешности. Отношение к будущему труду определяется сочетанием материальной заинтересованности, интереса к процессу труда и переживания социальной ценности результата. По концепции А.А. Русалиновой, оптимальной мотивационной направленностью к труду является сочетание материальной заинтересованности с социальной престижностью и заинтересованностью процессом труда. Только в этом случае наблюдается максимальная отдача и высокая удовлетворенность личности в профессиональной деятельности.

Разработанная нами анкета позволила выявить у студентов МГУЛ уровень проявления перечисленных выше мотивационных факторов, определяющих отношение к будущей профессиональной деятельности. Собранные материалы показали, что основной мотивационной направленностью студентов, выбравших социэкономические и сиэкономические профессии, является интерес к процессу труда. Тогда как студенты, выбравшие техноэкономическую профессию, имеют материальную направленность. Интересен тот факт, что студенты заочного отделения сиэкономических профессий выделили социальную престижность будущей специальности.

Данные проведенного исследования позволили предположить, что выбор профессии во многом зависит от личностного становления. Естественно, что оптимальная мотивационная направленность на данном этапе

профессионального становления не может быть сформирована. Однако предпочтение конкретной сферы (материальной, социальной или интереса к процессу труда) во многом зависит от уровня развития личности, от ее ценностных ориентаций, которые, в свою очередь, зависят от ее характерологических особенностей.

В ходе исследования были рассмотрены основные факторы выбора места обучения и будущей профессии, которые можно разделить на две группы: внешние мотивы – доступность обучения, легкость поступления, по совету родителей, наличие военной кафедры, удобное местонахождение учебного заведения и т. д. и внутренние мотивы – интерес к будущей профессиональной деятельности, расширение профессиональных возможностей.

Мы проанализировали уровень профессионального самоопределения студентов первого и третьего курсов гуманитарного, экономического и лесного факультетов МГУЛ. Проведенное исследование мотивов выбора профессии и специальности показало наличие у студентов первого курса низкой профессиональной ориентированности. Мотивы в большинстве случаев поверхностные: желание получить высшее образование, удобное местонахождение университета, наличие военной кафедры и т. д. Пути в университет случайны: по совету друзей, родственников. Но на третьем курсе основным мотивом студенты выделяют интерес к процессу труда и желание работать по специальности.

Результаты исследования показали, что в период обучения меняется соотношение между этими группами факторов. Если на первом курсе ведущими являлись внешние мотивы у 80 % от числа испытуемых, то к третьему курсу преобладают внутренние мотивы у 70 %. Полученные данные показывают, что профессиональная активность личности направлена на поиск своего места в мире профессий и отчетливо проявляется в решении вопроса о выборе профессии.

Как уже отмечалось, на процесс профессионального самоопределения влияют интересы и склонности индивидуума. Диагностика влияния данных факторов среди вышеуказанных студентов по методике «Карта интересов»

Е.А. Климова показала, что студенты гуманитарного факультета отдают предпочтение математике и журналистике; студенты экономического факультета – журналистике и искусству, студенты лесного факультета – журналистике и технике. Данные исследования не указывают на четкую закономерность между выбором профессии и интересом, а лишь выделяют определенную личностную направленность современных студентов.

Для более точного исследования профессиональноценностных притязаний испытуемых нами была использована методика ДДО (дифференциально-диагностический опросник) Е.А. Климова, которая позволила выявить уровень профориентации выбранных респондентами специальностей. Полученные данные показали, что студенты гуманитарного факультета предпочли профессии типа «человек – художественный образ», что может указывать на творческую направленность; студенты экономического факультета определили для себя социальную направленность, выбрав профессии типа «человек – человек»; выбор студентов лесного факультета совпал с личностными склонностями, они отдали предпочтение профессиям типа «человек – техника».

Результаты диагностики интересов и склонностей испытуемых указывают на наличие у них внутреннего ценностного конфликта: направленность интересов в большинстве случаев совпадает с деятельностью в выбранной профессии, однако четкой закономерности между выбором профессии и их интересами не прослеживается. На стадии профессионального образования студенты либо переживают разочарование, либо у них формируется более устойчивый интерес к будущей профессии. Во многом данный факт зависит от технологии обучения и выраженности учебно-познавательных мотивов. Все это указывает на необходимость выработки стратегии обучения, которая основывалась бы на преобразовании черт характера в профессионально важные качества.

Библиографический список

1. Головаха, Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи / Е.И. Головаха. – Киев, 1988.
2. Зеер, Э.Ф. Психология профессиональных деформаций: учеб. пособие для вузов / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005.
3. Климов, Е.А. Как выбирать профессию? / Е.А. Климов. – М., 1990.

ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ

О.В. САВКИНА, ассистент каф. педагогики и психологии МГУЛ

*Все у нас, о Луцилий, чужое,
одно лишь время – наша
собственность. Только время,
ускользающее и текущее, дала нам
во владение природа, но и его кто
хочет, тот и отнимает.*
Луций Сенека

Время – деньги? XXI век поставил эту истину под сомнение. Время – не деньги. Время дороже денег, время важнее денег.

Главный враг наших дней – стресс, вызванный хронической нехваткой времени. Потoki информации растут лавинообразно, значения устаревают еще до того, как успели их усвоить, думать становится некогда.

Чем успешнее человек, тем меньше у него времени. Поэтому организация времени нужна не только для того, чтобы достигнуть успеха, но и для того, чтобы не потерять вкус к жизни после его достижения.

Тайм-менеджмент – это планирование, структурирование, расписывание по минутам.

Русские люди – азартные, увлекающиеся. В азарте мы можем горы свернуть,

и смешно пытаться организовать человека в состоянии азарта. А когда мы не в азарте, то в скуке. А в скуке нас лучше не трогать!

Добавим к внутренней «широте русской души» внешний хаос, неорганизованность и непредсказуемость и получим полную картину «особенностей национального менеджмента в условиях бездорожья и разгильдяйства».

Классический тайм-менеджмент предлагает технологии, ориентированные скорее на структурирующий, упорядоченный тип личности. Люди более хаотического склада, пытаясь примерить на себя такую «смирительную рубашку», никакой пользы от этого не получают.

В России были созданы методы, позволяющие повышать эффективность, несмотря на хаос, и даже творчески его использовать. наших людей всегда отмечала фундаментальность образования и широта подхода, поэтому российский тайм-менеджмент разработал технологии и методы по управлению временем.

Методы нечеткого планирования позволяют гибко реагировать на динамично изменяющуюся ситуацию и не загонять себя в жесткие рамки плана.

Например, нельзя сказать: «Нужно все тщательно планировать» или «нужно быть спонтанным». Более корректная и работоспособная формула звучит так: не существует абсолютно планомерных и абсолютно спонтанных людей. Поэтому нужно создать баланс планомерности и спонтанности, оптимальный лично для него, исходя из особенностей его личности и специфики деятельности. Таким образом, любые противопоставления «планомерность – спонтанность», «порядок – хаос», «манипуляция – актуализация» следует воспринимать не в терминах «хорошо – плохо», а в терминах поиска баланса, гармоничного сочетания противоположностей.

Существуют универсальные схемы, на основе которых вы сами построите нужные конкретные приемы и решения, идеально «заточенные» под ваши уникальные потребности и неповторимую специфику деятельности.

Тайм-менеджмент обычно воспринимается людьми как чисто западная технология. Между тем отечественная школа

научной организации труда и организации личного времени имеет ряд собственных достижений.

НОТ двадцатых годов XX в. был таким.

Алексей Капитонович Гастев, директор Центрального института труда (ЦИТ), фиксировал основное внимание на человеческом факторе, на его ведущей роли в общественной эффективности. Отсюда рассмотрение организационной эффективности в целом начинается у Гастева с личной эффективности отдельного человека на рабочем месте это названо идеей «узкой базы». Гастев рассматривал рабочего как активный источник совершенствования приемов работы. Это выразилось в его концепции трудовой установки.

С выработкой мышления, направленного на эффективность, связана важная идея А.К. Гастева – его представление о роли стандартизации в повышении не только «механической», но и «творческой» эффективности. Стандартизация действия, наработка автоматизма способствуют тому, что «нервная энергия будет освобождаться для новых и новых инициативных стимулов».

Платон Михайлович Керженцев, руководитель Лиги «Время» в книге «Борьба за время» цитирует статью «Время строить аэропланы» от 18.07.1923 г.

«Мы сегодня потеряли семь тысяч рабочих часов в ожидании начала заседания. При такой затрате рабочей силы можно было построить один, а то и два аэроплана. Мы прождали еще «с пол-аэроплана», и тогда только заседание началось».

В самом деле, нам пора выражать наши бесконечные запаздывания в каких-то реальных величинах, например, в аэропланах. Тогда мы скорее осознаем экономическую гибельность нашей расхлябанности. Тогда мы научимся ценить время и работать с точностью».

Без всякого государственного вмешательства люди организовывали ячейки Лиги «Время», «заражали» окружающих идеей разумного отношения ко времени.

Личная эффективность не сводится к набору техник и приемов; наибольший результат дает переустройство мозгов: осознанное управление временем как метод мышления.

В заключение необходимо упомянуть такое уникальное явление, как первое в России и мире онлайн-тайм-менеджерское сообщество, на сегодняшний день являющееся носителем и генератором наиболее современных методов повышения личной эффективности.

Каждый человек задает два вопроса: «Мама, а когда я вырасту?» и «Боже, почему жизнь прошла так быстро?» Где-то между двумя названными моментами приходит осознание необходимости взятия потока своей жизни под осознанный контроль. Именно осознание его наличия и конечности персонально для каждого.

Нетрудно заметить, что управлять временем человек не может. Термин «управление временем» (тайм-менеджмент), или «организация времени» достаточно условен. Под управлением временем мы понимаем управление исключительно собственной деятельностью. Термин «управление личным временем» оправдан тем, что время является наиболее ценным из всех ресурсов как совершенно невозобновимый и очень ограниченный.

Эффективное управление временем требует его рационального использования. А это, в свою очередь, означает его грамотное распределение. Мы всегда должны знать, какие дела имеют первостепенное значение, какие необходимо решить в течение недели или месяца. Ради этого нам следует потратить часть своего времени, чтобы:

– распланировать время в течение дня, чтобы использовать его максимально эффективно;

– определить те занятия или события, которые «убивают» наше время, и постепенно избавляться от них;

– рационализировать те отрезки времени, которые проходят впустую, т.е. делать что-нибудь полезное;

– выделить время на обдумывание общей ситуации и перспектив на будущее.

Мы должны научиться ценить свое время, чтобы использовать с наибольшей пользой.

Библиографический список

1. Психология делового преуспеяния / Е.А. АLEXИНА, М.И. Горбачев, Т.И. Колесникова и др.; под рук. А.Н. Колесникова. – М.: «Владос пресс», 2001.
2. Архангельский, Г.А. Организация времени от личной эффективности к развитию фирмы / Г.А. Архангельский. – СПб.: «Питер», 2005.
3. Белов, Н.В. Секреты эффективной деятельности / Н.В. Белов. – М.: АСТ, 2005.
4. Большаков, А.С. Менеджмент. Стратегия успеха / А.С. Большаков – М.: изд. ДОМ «Литера», 2002.
5. Керженцев, П.М. Борьба за время / П.М. Керженцев. – М.: Экономика, 1965.
6. Минцберг, Г. Стратегический процесс: концепции, проблемы, решения / Г. Минцберг, Дж. Куин, С. Голаш. – СПб.: «Питер», 2001.
7. Лакейн, А. Искусство успевать / А. Лакейн – М.: агентство «ФАИР», 1996.
8. Сенека, Л.А. Нравственные письма к Люцилию / Л.А. Сенека. – М., 2004.

ВОСПИТАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. ГАВРИЛОВ, ассистент каф. педагогики и психологии МГУЛ

Последние полтора десятилетия мир, казалось, обезумел от неприязни, конфликтов и ненависти, особенно на расовой, межнациональной и межрелигиозной основе. Человечество стало свидетелем чудовищной жестокости. Достаточно вспомнить события в Ольстере, Боснии и Герцеговине, Македонии, Косово, Палестине, Ираке, Афганистане... Россия тоже не осталась в стороне от межэтнических конфликтов: в Чечне и сейчас ежедневно гибнут люди. Почему? Ради чего?

Мир содрогается не только от ужасов локальных войн, но и от повсеместной волны терроризма.

Неисчислимы жертвы и невиданные ранее человеческие страдания побудили ООН и ЮНЕСКО объявить первое десятилетие XXI в. десятилетием культуры мира и ненасилия, и воспитание межнациональной толерантности обретает особую актуальность. Это вполне логично: большая, здоровая часть человеческого сообщества жаждет мира и

взаимопонимания. Люди хотят видеть красоту, любить и быть любимыми, реализовывать творческие возможности, познавать мир и совершенствовать его.

«Толерантность» дословно означает «терпимость». Справедливости ради следует заметить, что в истории человечества, в том числе и России, вопрос о воспитании толерантности никогда еще не стоял так остро, как на грани второго и третьего тысячелетий. Многие конфликты, ставшие причиной войн и масштабного терроризма (Индия, Великобритания, Россия, Азербайджан, Грузия, США), носили откровенно национальную окраску. Создалось впечатление, что XX в. был веком культуры войны, на которую обитатели планеты Земля обрекли себя, не желая понимать и уважать друг друга, видеть общечеловеческие идеалы и ценности.

8 августа 2004 г. в Воронеже начался суд над двумя членами запрещенной партии «Российское национальное единство» – шестнадцати- и двадцатидвухлетнего от роду. Эти нелюди убили студента местного университета только за то, что он был чернокожим. Такая межрасовая нетерпимость для России – явление новое.

Убийство афганского ребенка в Санкт-Петербурге, погромы на московских рынках, нетерпимое отношение многих кубанских казаков к туркам-месхетинцам, вынужденным теперь покидать Россию и массово переселяться в США; новое словосочетание в сводках УВД: «лица кавказской национальности»... Все это широко освещалось в СМИ. И мало кто задумывается о том, что эти факты и события напоминают Германию 30-х гг. XX в. И хотя страшно даже подумать о русском фашизме, но и не говорить об этом – преступление.

Семидесятилетний опыт формирования новой, анонимной общности – «советский народ» – не удался и закончился полным крахом. Люди не хотят забывать родной язык, культурные национальные традиции, свои привычки и свое видение мира. И мы должны дорожить таким стремлением к национальной самобытности. Аккумулируя такие нравственные категории, как ответс-

твенность, долг, честь, совесть, терпимость, любовь, сопереживание, потребность в добротворческой созидательной деятельности, являющиеся необходимым условием воспроизводства общества и самоутверждения человека, народные традиции обеспечивают особую психологическую среду, выступая важнейшим средством воспитания. Только через познание уникальности и духовного богатства других можно сформировать адекватную самооценку и «отфильтровать» собственное «Я».

Кто виноват?

Существует множество причин, порождающих осложнения в межнациональных отношениях, но среди них следует выделить три особые:

- недооценка сложности и деликатности межнациональных и межрелигиозных отношений;

- непонимание властями взаимосвязи социальных, экономических, политических и культурных проблем с национальными;

- игнорирование национальных чувств людей, пренебрежительное отношение к их истории, языку, ценностям культуры.

Не имея ясного представления о всеобщих универсальных ценностях, абсолютных и неизменных, человечество быстро превращается в сообщество, состоящее из индивидов и мелких групп, которые рвутся к удовлетворению эгоистичных желаний и потребностей.

Что делать?

Решение вопроса об удовлетворении потребностей каждого народа возможно только на пути возрождения культурно-творческой миссии школы, ее перехода к культуурообразующей системе преподавания. Ключевая проблема – углубление наших представлений о взаимоотношениях между образованием и культурой. Это не изолированные понятия, а неразсторжимые части одного целого.

Чтобы сформировать новую точку зрения на ценности, мы должны взять за основу все позитивные стороны мировоззрения прошлого и создать новые ценности, совпадающие с потребностями современного человека.

Независимо от образовательного ценза, от внутренней культуры мы уже осознали,

что дальнейшая судьба любого народа должна быть неразрывно связана с освоением духовного наследия.

За много лет впервые заговорили вслух о святости, о нравственности, о милосердии, о совести. В школах на уроках русской литературы двенадцать лет назад впервые было разрешено обратиться к Священному Писанию как памятнику мировой художественной культуры. Сегодня впервые вплотную мы подошли к необходимости создания учения о совести, на котором неизбежно смыкаются все религии и философии. Ведь возвышеннее, бесценнее совести для пользы природы и общества ничего нет.

Наконец мы поняли, что национальное достоинство русских можно утверждать только через уважение к людям другой веры, другой национальности.

В «Декларации тысячелетия», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2000 г., называются следующие фундаментальные ценности XXI в.:

- свобода личности;
- равенство;
- солидарность;
- уважение к природе;
- общая обязанность;
- терпимость.

В любой стране ведущая и решающая роль в сохранении и развитии национальных культур и языков и формировании межэтнического единства принадлежит семье и школе.

Если XX в. был эпохой научно-технических и экономических достижений, то XXI – должен стать эпохой глобального духовного возрождения.

В сфере образования воспитание подрастающего поколения в духе миролюбия, веротерпимости, толерантности должно стать

нравственно-философской основой, важнейшей задачей для всех преподавателей.

Задачей государственного масштаба является твердое противодействие идеологии фашизма, расизма и вообще всех видов экстремизма, этнофобии и ксенофобии.

Меняются типы социального устройства страны, меняются правительства, меняются границы и названия государств, а культура остается. Мир в любом регионе может быть достигнут только через образование и культуру, потому что культура интернациональна.

В школьной среде необходимо формировать диалог культур, традиций, обычаев – в этом залог культуры и цивилизованности будущей личности.

На межличностном уровне никогда нельзя игнорировать национальных чувств людей, пренебрежительно относиться к их истории, языку, ценностям культуры.

Нравственно – это когда человек и его деятельность имеют положительную направленность на другого человека, в котором изначально видится высшая ценность. То есть интернационального воспитания как такового не существует; оно является составной частью, а скорее результатом нравственного воспитания.

Библиографический список

1. Кондрашов, В.А. Нравственные ценности и личность / В.А. Кондрашов. – Ростов-на-Дону: Изд-во РИПК, ПРО, 1992.
2. Кукушин, В.С. Воспитание толерантной личности в поликультурном социуме / В.С. Кукушин. – Ростов-на-Дону: ГинГо, 2002.
3. Кукушин, В.С. Теория и методика воспитания / В.С. Кукушин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 508 с.
4. Хейнз, У. Нравственное воспитание и развитие личности. Вып. 1 / У. Хейнз. – М.: Изд-во МФО, 1997.
5. Привалов, А. О нас, а не о Грузии / А. Привалов // Эксперт. – 9–15 октября 2006. – № 37.

Майорова Е.И., Соломахо Э.П. ПРАВОВЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ 030500 (ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ) В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ЛЕСА.

В статье обозначены перспективы развития в Московском государственном университете леса специальности 030500 (Профессиональное обучение). Определены условия успешной реализации образовательных программ по данной специальности и ее специализациям.

Mayorova E.I., Solomakho E.P. LEGAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF 0305500 «VOCATIONAL TRAINING» PROFESSION IN MOSCOW STATE FOREST UNIVERSITY.

Perspectives of 03050 (050501) «Vocational Training» profession in the FSFU are described. Conditions for successful implementation of educational programs for this speciality and specializations are assessed.

Майорова Е.И. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ.

Приводится краткий обзор состояния лесного законодательства Российской Федерации в связи с изменениями, внесенными в него федеральными законами № 171–ФЗ от 10.12.2003 г., № 122-ФЗ от 22.08.2004 г., № 199-ФЗ от 29.12.2004 г., № 199-ФЗ от 31.12.2005 г., №154–ФЗ от 27.07.2006 г., а также постановлением Правительства РФ от 03. 09.2004 г.

Mayorova E.I. THE STATE OF MODERN FOREST LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION.

A brief survey of the modern Forest Law of the RF in connection with changes caused by Federal Laws (FL) №171-FL of 10,12,2003, №122-FL of 22.08.2004, №199-FL of 29.12.2004, №199-FL of 31.12.2005, №154-FL of 27.07.2006 and the resolution of Russian Government of 03.09.2004 is given.

Сиваков Д.О. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК ИЗ ПРОШЛОГО НИДЕРЛАНДОВ.

Анализируются этапы формирования государственного устройства и современной правовой системы Нидерландов как результат влияния крупнейших государств Европы – Франции, Австрии и Испании.

Sivakov D.O. HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE PAST OF THE NETHERLANDS.

The periods of forming the state systems and modern legislation of the Netherlands which were the result of influence of the largest European countries such as France, Austria and Spain are analysed.

Хроленкова Л.В. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.

В статье освещены актуальные вопросы правового регулирования автогражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также рассмотрены изменения, внесенные последними нормативными правовыми актами в этой области.

Hrolenkova L.V. CONTROVERSIAL QUESTIONS OF OBLIGATORY INSURANCE OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF VEHICLE OWNERS: THE LEGAL ASPECT.

Burning issues of law regulation of social responsibility of vehicle owners and amendments to the law caused by the latest standard acts in this field are considered.

Смирнова М.А. ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В РФ.

В статье указывается на терминологические пробелы в законодательстве об информации и праве на нее, а также на возникающие процессуальные проблемы защиты данного права в судебном порядке. Систематизируются сведения о видах информации и дается толкование некоторых связанных с ней понятий.

Smirnova M.A. THE RIGHT FOR INFORMATION AND JUDICIAL PROBLEMS OF ITS LEGAL PROTECTION IN THE RF.

Terminological gaps in legislation concerning the right for information as well as judicial problems of protection of the right by order of the Court are indicated in the article. Knowledge types of information and term interpretation related to this field are also systematized.

Гусев Е.С. ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВОДООХРАННЫХ ЗОН ПО НОВОМУ ВОДНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ.

Приводится краткий обзор правового режима прибрежных защитных полос, изменившегося в силу введения в действие нового Водного Кодекса РФ.

Gusev E.S. THE CHANGING OF THE LAW MODE IN THE WORK OF WATER PROTECTION ZONES ACCORDING TO A NEW WATER CODE.

A brief overview of the Legal Code about coastal green belts reworded due to a new RF Water Code changes is given.

Жаворонкова Р.Н. ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА СЛОВ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ.

В статье рассматривается грамматический аспект слов с широкой семантикой, т.е. многофункциональные слова, такие как местоимения, числительное «one», союзы и союзные слова. Приводится анализ функционирования слов с широкой семантикой в научно-технических текстах. Описываются способы перевода многофункциональных слов на русский язык в текстах лесной тематики.

Zhavoronkova R.N. THE GRAMMATICAL ASPECT OF POLYFUNCTIONAL WORDS.

The paper dwells upon polyfunctional words such as pronouns, conjunctions and adverbs in the grammatical aspect. Different methods of translating these words into Russian are also analysed.

Маньковская З.В. ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПРОДВИНУТОГО УРОВНЯ НЕОФИЦИАЛЬНОМУ ДЕЛОВОМУ ОБЩЕНИЮ НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ.

В статье рассматривается художественный фильм как источник получения лингвокультурной информации и наблюдения за вербальным и невербальным поведением участников деловой коммуникации. Особое внимание уделяется возможности использования художественного фильма для обучения студентов продвинутого уровня стилистически дифференцированной речи на материале делового общения.

Mankovskaya Z.V. TEACHING ADVANCED STUDENTS INFORMAL BUSINESS COMMUNICATION ON THE MATERIAL OF AMERICAN FEATURE FILMS.

The article looks at feature films as a resource material for teaching informal business communication. It emphasizes the main advantages of feature films and their uses for teaching stylistic differentiation of the language of Business English.

Жердева М.О. О ВЛИЯНИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ВАЛЕНТНОСТЬ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВЫ.

В этой статье предпринимается попытка установить определенные закономерности распределения исконных и заимствованных суффиксов в различных словообразовательных моделях существительных в рамках лексико-грамматического разряда имен лица или Nomina Personae (NP). На основе проведенного статистического анализа следует вывод о существенном влиянии происхождения той или иной словообразовательной морфемы на ее деривативную валентность.

Zherdeva M.O. ETYMOLOGIC FACTOR INFLUENCE ON DERIVATIVE EFFICIENCY OF A STEM.

In the article a certain effort is made to reveal some regular features of borrowed and non-borrowed suffixes distribution in various derivative models of nouns which comprise so-called Nomina Personae or nouns denoting a person. The statistical analysis accomplished allows to conclude that a derivative morpheme etymology influences a lot its producing efficiency.

Волоснова Ю.А. КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

В статье рассматриваются направления в области корпусной лингвистики, изучающей речь на основе больших текстовых объемов, специально обработанных для компьютерных исследований с применением новейших информационных технологий. Определенную трудность в данном направлении представляет поиск нужной информации, который производится при помощи перехода от словесного запроса к понятийному. Также в работе приводится перечень уже имеющихся корпусов текстов, доступных для лингвистических исследований, и кратко описываются требования к создаваемым корпусам текстов.

Volosnova J.A. CORPUS LINGUISTICS: PROBLEMS AND PERSPECTIVES.

The article describes recent research in corpus linguistics approach which is based on estimating representative language corpora. Empirical data in the corpora are processed for estimates of linguistic frequency with the aid of up-to-date information technologies. Search of the required data is performed through conceptual request instead of verbal. The paper quotes a list of the linguistic corpora now available for research, provides a concise range of requirements to the corpora to be developed and describes problems associated with it.

Прокофьева Ю.А. ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ НАУЧНОГО И НАИВНОГО ЗНАНИЯ В ЯЗЫКЕ.

В данной статье освещаются проблемы, связанные с изучением языка во взаимодействии с культурой. Излагаются основные теоретические положения отечественных и зарубежных ученых о термине и терминологии; о процессах, свойственных языкам науки, связи терминологии с общеупотребительным языком и их взаимообогащении.

Prokofieva J.A. THE PROBLEM OF SCIENTIFIC AND CONVENTIONAL KNOWLEDGE DIFFERENTIATION.

The author discusses the main approaches to the problems of Language Picture of the World. Two types of knowledge: i.e. conventional and scientific are described and relation between them is disclosed.

Климачева Е.В. МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ.

В статье раскрываются основные положения теории стресса и анализируются методы формирования стрессоустойчивого поведения. Использование этих методов и приемов в практической работе педагогов, психологов и других специалистов, оказывающих психологическую помощь в стрессовых ситуациях, повышает эффективность работы, облегчает эмоциональное напряжение людей.

Klimacheva E.V. THE MODELS OF THE BEHAVIOUR OF THE PERSON IN STRESSFUL SITUATION.

The main positions open in article to theories of the stress and are analysed methods of the shaping stressful & stability behaviours. Use of these methods and acceptance in practical work teacher, psychologist and the other specialist, rendering psychological help in stressful situation, raises efficiency of the work, relieves emotional voltage of the people.

Волобаев А.М. СОЛО ДЛЯ ЧАСОВ С БОЕМ (ИСТОРИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ).

Рассмотрена история организации на базе московских деревообрабатывающего и 2-го часового заводов производства мин замедленного действия осенью 1941 г. в Москве и Чистополе Татарской АССР в условиях эвакуации.

Volobayev A.M. THE CHIME CLOCK SOLO (THE STORY OF ONE VERSE).

The article describes the story of mine-making plants foundation on the basis of Moscow forest processing and the second clock factory in Moscow in 1941 and then in Chistopoly city (Tatar Republic) in the period of evacuation.

Матяш Н.И. КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО.

Статья посвящена изложению концепции культуры выдающегося русского ученого, естествоведа, социолога, культуролога Н.Я. Данилевского, рассматривающего культурно-исторический процесс как процесс формирования и развития отдельных цивилизаций, а также их исторически закономерную смену. Будучи по своим убеждениям «славянофилом», Данилевский особо выделял славянскую культуру и славянскую цивилизацию, в развитии которых ведущую роль играла русская культура, русская цивилизация.

Matyash N.I. DANILEVSKY'S CONCEPT OF CULTURE.

The paper interprets the culture concept proposed by the outstanding Russian scientist N.I. Danilevsky. The famous naturalist, sociologist and culture expert regards historic and cultural process as a process of formation and development of particular civilizations and their natural change with the time. The emphasis is put on the influence the Russian culture on the Slavic culture and Slavic civilization.

Агафонова А.С. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО.

В статье рассматривается проблема сохранения художественных промыслов в условиях современного рынка и изменяющихся потребностей общества. Исследуется процесс зарождения и развития таких промыслов, как Гжель, Федоскино, Хохлома, Мстера и некоторых других. Автор указывает на причины, которые способствовали широкому распространению и сохранению традиций народного творчества до наших дней.

Agafopnova A.S. NATIONAL CRAFTS: TRADITIONS AND INNOVATIONS.

The problem of art crafts in terms of modern market and changing society needs is touched upon. The article studies such crafts as Gzhel, Fedoskino, Kchokchloma, Mstera and some others. The author points out the factors due to which the distinction and conservation of national crafts traditions survived till modern times.

Дурманова Э.А. УВАЖЕНИЕ К МИНУВШЕМУ.

В статье рассматриваются основные направления деятельности преподавателей кафедры мировой и отечественной культуры по научно-исследовательской работе студентов: подготовка и направление рефератов, проведение конференций, гуманитарных чтений, открытые лекции в музеях, встречи с учеными, деятелями культуры, работа по краеведению и др.

Dourmanova E.A. THE RESPECT OF THE PAST.

The article describes the principal methods of work with the students at the culture department: report writing, arranging conferences, open lectures in museums, meetings with scientists and people of art, regional studies etc.

Шалдунова Т.Н. РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I – ВЕЛИКИЙ МАГИСТР МАЛЬТИЙСКОГО ОРДЕНА.

Рассматривается период российской истории, когда император Павел I был Великим магистром духовно-рыцарского ордена Св. Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты. Это событие воспринималось в Европе по-разному. Современники расценивали это как некий курьез, или как следствие психологических черт императора. Некоторые европейские монархи не могли понять, зачем правителю такой огромной империи титул Великого магистра, который приравнивали к титулу князя маленького германского княжества.

Shaldunova T.N. THE RUSSIAN EMPEROR PAVEL I AS A GREAT MASTER OF THE MALTESE ORDER.

The author describes the period of the Russian Empire when Pavel I was the great Master of Knights Order of St. John of Jeusalem, Rhodos and Malta. Different approaches of the contemporaries are regarded. The article also touches upon some misunderstanding arising from the title.

Барков Г.А. КОМИТЕТЫ СПАСЕНИЯ РОДИНЫ И РЕВОЛЮЦИИ И АНТИ-БОЛЬШЕВИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГУБЕРНСКИХ ЧЕРНОЗЕМНЫХ КРАЯХ ОСЕНЬЮ 1917 – ВЕСНОЙ 1918 гг.

В статье рассмотрены вопросы деятельности правых социалистических партий и местных комитетов спасения родины и революции по организации сопротивления захвату власти большевиками осенью 1917 – весной 1918 гг. в губерниях черноземного края.

Barkov G.A. ALL-RUSSIAN COMMITTEE FOR SAVING MOTHERLAND AND REVOLUTIONANDANTI-BOLSHEVICMOVEMENTINCHERNOMORSKYPROVINCES FROM AUTUMN 1917 TO SPRING 1918.

The article describes the role of right-wing socialist parties, local committee activities in saving motherland as well as the revolution against the bolshevist power from autumn 1917 to spring 1918 in Chernomorsky Region provinces.

Палеолог М.В. ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ «SACRUM IMPERIUM» В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ.

В связи с вновь возрастающим интересом к вопросам геополитического преобладания в политологии становится актуальным обращение к идее универсального государства. В статье автор дает представление о понятии Sacrum Imperium и его эволюции как в европейской, так и российской политологической традиции. Рассматривается влияние данного понятия на формирование русской идеологической традиции.

Paleolog M.V. SACRUM IMPERIUM IN EUROPEAN AND RUSSIAN POLITOLOGICAL TRADITIONS.

The article stresses the importance and the increasing interest in the idea of the Universal State due to the geological dominance in polytology. The evolution of the concept of Sacrum Imperium both in the European and Russian tradition is described. The influence of the described notion on the Russian ideological tradition is also considered.

Касимцева Л.В. ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ.

Статья посвящена проблеме глобализации в мировой экономике и, как следствие процессам глобализации в мировой культуре. Позитивные и негативные стороны этого процесса, неравномерность развития стран, взаимовлияние культур являются предметом исследования в этой работе.

Kasimtseva L.V. PROBLEMS OF GLOBALIZATION AND CULTURE.

The article is devoted to the problem of globalization in the world economy and in the world culture as a consequence. Positive and negative sides of the process, difference in the development of the countries, the interrelation between cultures are studied.

Фалько В.И. ТИПЫ РЕАЛЬНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЙ.

Предлагается единая типология реальностей и мировоззрений на основе тетрактид: «дух – душа – тело – имя», «вещь – свойство – отношение – состояние» и «определенное – неопределенное – произвольное – избранное».

Falko V.I. TYPOLOGY OF WORLD-CONCEPTIONS AND REALITIES.

The unity typology of the world-conceptions and realities is proposed on the foundations of tetractides: «spirit – soul – body – name», «thing – property – relation – condition» and «definite – indefinite – arbitrary – elected».

Красников С.П. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЕВРОПЕЙСКОГО НИГИЛИЗМА.

В статье приведена история формирования явления, которое получило название европейский нигилизм. Показаны его метафизические предпосылки и делается вывод о неизбежности его появления в философской парадигме нового времени.

Krasnikov S.P. METAPHISICAL FOUNDATIONS OF THE EUROPEAN NIGILISM.

The article deals with the history of the phenomenon which was called European nihilism. The metaphysical foundations of the concept are shown and the inevitability of this phenomenon in the philosophical paradigm of the new time is proven.

Шестова Т.Л. НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (Т.Н.ГРАНОВСКИЙ, П.Н.КУДРЯВЦЕВ, С.В.ЕШЕВСКИЙ, С.М.СОЛОВЬЕВ).

Тема статьи – методологический переворот в русской исторической науке второй четверти XIX века. В статье раскрывается роль Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцева, С.В. Ешевского, С.М. Соловьева в перенесении важнейших принципов немецкой классической философии в русскую историографию.

Shestova T.L. GERMAN CLASSICAL PHYLOSOPHY AND RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE.

This article is devoted to the methodology revolution, taken place in russian historical science on the second quarter of XIX century. The author represents philosophical principles of historiography by T.N. Granovsky, P.N. Kudryavtsev, S.V. Eshevsky, S.M. Solovyev.

Коломийцев В.Ф. КЛАССОВЫЙ ПОДХОД: ЗАБЫТОЕ ПОНЯТИЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ?

В статье затрагивается не новый, но старательно забываемый некоторыми зарубежными и отечественными обществоведами вопрос о необходимости оценивать политику с позиций классовых интересов.

Kolomijtsev V.P. «CLASS INTEREST»: A FORGOTTEN CONCEPT IN SOCIAL SCIENCES.

This article awakes as it seems an old problem of «class interest» in dealing with polities. Somebody denies it as a scientific idea, but not the author.

Головко Ю.В. ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У АЛЬТРУИЗМА И АМИТОЛОГИИ?

Анализируются проблемы реализации принципа альтруизма и концепции амитологии П. Сорокина применительно к ситуации в современном мире.

Golovko J.V. DO ALTRUISM AND AMITOLOGY HAVE FUTURE?

The article contains the great Russian philosophers' ideas on the role of love in the social life, altruism and altruist relationships. The author correlates the Russian philosophers' ideas with such of the American social philosopher Pitirim A. Sorokin. Sorokin's name is associated with forming an applied science, amitology.

Кирилина Т.Ю. ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В СОЦИОЛОГИИ МОРАЛИ

Автор рассматривает основные философские, этические и социологические подходы к проблеме исследования ценностных ориентаций. В работе проанализированы изменения ценностных ориентаций студентов в условиях интенсивной социокультурной динамики России.

Kirilina T.J. SOCIOLOGICAL APPROACHES TO VALUES ORIENTATION RESEARCH IN ETHICAL SOCIOLOGY.

The author undertakes an attempt of philosophical, ethical and sociological approaches to problem of research values orientation. And some changes of values orientation of the students in the atmosphere of intensive socio-cultural dynamics of the present-day Russia are analyzed in the article.

Солодилов А.В. ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Статья посвящена объективной необходимости формирования в российском обществе такого важного социального института как патриотическое воспитание населения Российской Федерации и его составной части – военно-патриотического воспитания молодежи.

Solodilov A.V. THE OBJECTIVE NECESSITY OF YOUTH PATRIOTIC EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION.

Clouse is devoted to objective necessity of formation for the country of new social institute – patriotic education of the Russian Federation and especially to its component of military-patriotic education of youth.

Королева Н.А. ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ.

В статье рассматривается структура гуманитарной культуры личности специалиста технического профиля, формирование которой является целью гуманитарной подготовки будущих инженеров в техническом вузе.

Korolyova N.A. HUMANISTIC CULTURE OF A TECHNICAL SPECIALIST.

The structure of humanistic culture of a technical specialist, the formation of which is the purpose of humanistic training of engineers in technical universities, is described.

Бахтигулова Л.Б., Петухова И.В. ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В СИСТЕМЕ «ОБЩЕСТВО – ПРИРОДА» КАК УСЛОВИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА.

В статье рассмотрены условия разрешения экологической проблемы в России. Предложены методы и методические приемы формирования нового мировоззрения, с позиции которого мир рассматривается как единая глобальная экосистема.

Bachtigulova L.B., Petukhova I.V. VALUE ORIENTATION IN THE SOCIETY-NATURE SYSTEM AS A CONDITION FOR ESTABLISHING ECOLOGICAL COMPETENCE OF TECHNICAL STUDENTS.

The conditions of solving ecological problems in Russia are considered. Methods and ways for forming a new outlook based on understanding the world as a single ecosystem are proposed.

Конягина Л.Н. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО САМОВОСПИТАНИЮ СТУДЕНТОВ ВУЗА.

Данная статья раскрывает пути организации работы по самовоспитанию студентов; показывает возможности этой работы; знакомит с авторами, занимающимися данной тематикой; показывает итоги опыта, накопленного автором статьи.

Konyagina L.N. MANAGEMENT OF STUDENT SELF-TRAINING WORK.

The article describes the principles according to which student self-training work should be arranged. It also shows the opportunities this work presents. The article also introduces the authors who deal with this subject, and reveals the experience accumulated by the author.

Крыжановская И.В. ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.

В статье определено понятие профессионального самоопределения современной молодежи как многогранного явления, включающего следующие аспекты: мотивация поступления в вуз; степень влияния интересов и склонностей; характер влияния особенностей личности на формирование профессионально важных качеств.

Kryzhanovskaya I.V. PECULIARITIES OF MOTIVATION SPHERE OF MODERN YOUTH SELF DETERMINATION.

Modern youth professional self-determination motivation sphere is regarded as a many-faceted phenomenon which includes the stage of entering the university, the influence of interests, dispositions and personal qualities on the formation of professional qualities.

Савкина О.В. ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ.

В статье рассмотрена проблема нехватки времени, стрессов и перегрузок на этой почве, типичной для современного человека. Создание системы обзора и контроля требует инвестиций времени. Но эти инвестиции окупаются многократно – и временем, и деньгами.

Savkina O.V. TIME-CONTROL PSYCHOLOGY.

The article highlights the problem of lack of time, stress and overwork in relation to each other. The necessity of controlling the situation, which is presented as the time-consuming process, is studied.

Гаврилов А.В. ВОСПИТАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Статья включает обзор и анализ материалов по отдельным аспектам проблемы межнациональных отношений. Рассмотрены история развития, причины возникновения данной проблемы. Предложен возможный перечень решений в свете духовного возрождения семьи, школы, культуры как инструментов по преодолению ксенофобии, межнациональной розни и воспитанию толерантности.

Gavrilov A.V. RAISING INTERCULTURAL TOLERANCE IN PRESENT-DAY RUSSIA.

The article reviews and analyses some aspects of intercultural relations. The history of the development and causes of this problem are summarized. Possible solutions in the light of spiritual revival of the family, school and culture are described as an instrument to overcome xenophobia, international conflicts and raising tolerance.